

ВИЛЬГЕЛЬМ ГОГЕНЦОЛЛЕРН

МЕМОУАРЫ

ПЕТРОГРАД
1923

ПРЕДИСЛОВИЕ

П. П. ЩЕГОЛЕВА

ooo ОБЛОЖКА И ooo
МАРКА ИЗДАТЕЛЬСТВА
РАБОТЫ ХУДОЖНИКА
Владимира ИЗЕНБЕРГА

Петрооблит № 7735, гор. Петроград.

1-я Типо-литография „Транспечати“ НКПС имени т. Дзержинского, Фонтанка, 117.

Отпечатано в колич. 3.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемые читателю мемуары бывшего германского императора Вильгельма II-го представляют собою интересный, во всех отношениях, человеческий документ. Каковы бы ни были настоящие качества Вильгельма II-го, как человека и правителя, нельзя отрицать, что он в течение целого ряда лет занимал одно из первых мест на мировой исторической арене. И до войны 1914—1918 г. и в особенности во время ее действия и высказывания немецкого императора приковывали к себе самое напряженное внимание на всем пространстве нашей планеты.

Ныне, Вильгельм II в своих мемуарах собрался поведать свои мысли и суждения о прошлом и настоящем Германии, свою оценку недавних исторических событий. Однако, если и раньше можно было, опираясь на неопровержимый фундамент фактов, дать уничтожающую характеристику личности последнего представителя Гогенцоллерновской династии, то теперь с опубликованием „Мемуаров“—эта задача чрезвычайно упрощается. Действительно, нельзя было придумать большего *testimonium pauper-tatis*, чем то, которое выдал себе сам император в этих записках о событиях и людях 30-летней эпохи своего царствования. Самая основная черта в Вильгельме II, особенно ярко выступающая в „Мемуарах“, это его абсолютная посредственность, полное отсутствие каких-либо ярких дарований в соединении с необычайной ограниченностью кругозора и поистине убогим укладом всего его мировоззрения. Все это не мешает, однако, Вильгельму про-

являть болезненное самомнение и безграничную самоуверенность и самовлюбленность везде, где речь заходит о событиях, близко его касающихся и происходивших по его инициативе. Не забудем, кроме того, что „мемуары“ — типичный образец апологии, что, при изложении фактов и событий бывший император руководствуется исключительно желанием самооправдания, (характерна в этом отношении его версия инцидента с поздравительной телеграммой президенту Крюгеру). Поэтому „мемуары“ полны натяжек и прямых расхождений с исторической истиной, не говоря уже о „дипломатической“ истории возникновения войны 1914—1918 гг., достаточно упомянуть хотя бы оккупацию Киао-Чаа, как она рассказана императором Вильгельмом, и сравнить его версию с тем, что сообщает по этому поводу, в своих мемуарах, гр. С. Ю. Витте.

Сам Вильгельм является, в конечной степени, довольно типичным представителем той правящей землевладельческой аристократии и ее политического авангарда—военной касты, которая делила в дореволюционной германии власть с финансовой олигархией и рыцарями тяжелой индустрии. И приговор истории, поражая коронованного вождя германского империализма, не менее строг и в отношении тех социальных слоев, которые выдвинули династию Гогенцоллернов, как выразителей и защитников их интересов и притязаний.

П. Щеголев.

БИСМАРК.

Государственная фигура Бисмарка и его незабвенные заслуги перед Пруссией и Германией—исторические факты такого громадного значения, что конечно ни в одном политическом лагере не найдется человека, могущего их отрицать. Уже по одному этому легенда, что я не признавал всего значения Бисмарка, не имеет основания. Наоборот. Я его уважал и обожал. Иначе и не могло быть. Ведь, я принадлежал к поколению, поклонявшемуся Бисмарку, как идолу. Он был создателем германской империи, палладин моего деда, мы все считали его за самого выдающегося государственного деятеля его времени и гордились его немецким происхождением. Бисмарк был идол моего храма, и я преклонялся перед ним. Но монархи тоже люди, они не могут равнодушно переносить не нравящееся им отношение к себе, и, по-человечески рассуждая, князь Бисмарк, своей грубой борьбой против меня, сам разрушил храм и идола, которому я поклонялся, не поколебав моего уважения к нему, как к государственному деятелю.

Я надеялся, когда был принцем Прусским, что великий канцлер проживет еще достаточно долго, и я смогу царствовать при нем. Но все мое уважение к великому государственному человеку не могло меня заставить, как императора, считать своими его политические принципы и планы, которые я признавал ошибочными. Уже Берлинский Конгресс 1878 г., по моему мнению, был ошибкой, также-как и культур-кампер. Кроме того, государственная конституция была выкроена по необыкновенной, чисто Бисмарковской мерке, а громадные кирасирские ботфорты не каждому приходятся по ноге. Потом явился закон об охране труда. Я глубоко сожалею о происшедшем из-за этого между нами конфликте, но я должен был уже тогда встать на путь равноправия, который вообще был моим основным путем, как во внешней, так и во внутренней политике. Поэтому я не мог начать открытой борьбы против социал-демократов, чего так хотел князь. Эта разница во взглядах на политические приемы нисколько не умаляет в моих глазах громадного государственного

значения князя. Он—создатель Германской империи,—большого не дал ни один человек своей родине.

Так как великое дело объединения империи всегда стояло перед моими глазами, на меня не производили впечатления насмешки, которые тогда были в ходу. Так, название Бисмарка стражем дома Гогенцоллернов не влияло на мое доверие к князю, хотя он лично может быть, и думал о политической преемственности в своей семье. Он был очень огорчен, что его сын Виль не имеет никакой склонности к политике и мечтал свое влияние передать Герберту.

Моя трагедия в истории с Бисмарком заключается в том, что я наследовал после моего деда, т. е. перешагнул через целое поколение. Это тяжело. В этом случае приходится иметь дело с заслуженными людьми, которые живут более прошедшим, чем настоящим, и для которых нет будущего. Когда внук, наследуя деду, находит около трона уважаемого, заслуженного, но состарившегося государственного деятеля Бисмарковской марки, то это совсем не такое большое счастье, как Бисмарк признает это сам в третьем томе своих записок, в главе о Беттихере, где он говорит о молодом императоре и о старческой осторожности канцлера. И когда Баллин пригласил его взглянуть на новую Гамбургскую гавань, князь сознался, что настало новое время, которое он не совсем хорошо понимает; князь сказал удивленно: „Другой мир, новый мир!“ Таким же образом выразился князь в разговоре с адмиралом Тирпицем, когда последний явился в Фридрихсруе.

Я лично удовлетворен тем, что Бисмарк, доверив мне в 1886 году очень серьезную и ответственную миссию в Брест, сказал про меня: „Этот будет сам своим канцлером“. Следовательно, князь был обо мне хорошего мнения. Я не сержусь на него за третий том его воспоминаний. Я сам его разрешил, считая свои действия правыми. Дальнейшее задерживание этого тома было бесцельно, так как содержание его и так было всем известно, иначе можно было бы и сомневаться в необходимости его появления в это время. Бисмарк перевернулся бы в гробу, если бы он узнал, в какое время третий том был опубликован.

Мне было бы очень жаль, если бы третий том воспоминаний повредил памяти канцлера, так как Бисмарк представляет собою одну из тех героических фигур, которые нужны немецкому народу для его возрождения. Мою же личную благодарность и мое личное уважение к великому канцлеру не смогут уничтожить ни третий том, ни ничто другое.

* * *

В первой половине 80-ых годов я был, по предложению Бисмарка, командирован в министерство иностранных дел, руководимое графом Гербертом Бисмарк. При моем представлении князь дал мне легкую характеристику всех служащих. Когда он при этом назвал Гольштейна, который в то время был одним из самых работоспособных сотрудников князя, я уловил в его словах как бы предостережение против этого господина.

Я получил отдельную комнату и все акты к изучению предварительной истории, к возникновению и заключению союза с Австрией (Андраши). Я часто посещал семьи князя и графа Герберта. Когда я ближе сошелся с кружком Бисмарка, мне сообщили большие подробности о г. Гольштейне. Он очень застенчив, хороший работник, безгранично тщеславен, чудак, который никуда никогда не показывается и не имеет знакомств, подон недоверия и причуд, при этом человеконенавистник, а, следовательно, личность опасная. Князь называл его „человеком с глазами гиены“, и советовал мне держаться от него подальше. Очевидно, уже тогда назревала резкая критика, с которой позднее князь стал относиться к своим прежним сотрудникам.

Министерство иностранных дел было внешне очень строго дисциплинировано графом Гербертом. Его грубость с подчиненными меня поразила. Чиновники, призываемые или отпускаемые графом, летели со всех ног, так что фалды их сюртуков развевались во все стороны. Внешняя политика всецело велась князем, граф же Герберт только передавал своим подчиненным приказания канцлера, по которым составлялись инструкции. Таким образом, министерство иностранных дел было лишь бюро великого канцлера, и в нем работали только на его образец.

Совершенно обратное явление можно было наблюдать в генеральном штабе при Мольтке. Здесь основным правилом было заставить молодежь, при соблюдении всех старых традиций, уважать все новейшие изобретения и стараться действовать и мыслить по возможности самостоятельно. В министерстве иностранных дел—напротив: все подчинялись одной воле, и, вследствие большой зависимости от нее, никогда не могли хорошо ориентироваться в разрабатываемых вопросах и неспособны были к самостоятельной работе. Князь царил, как величественный кусок гранита на лугу: снесут его и под ним найдут лишь червей и мертвые корни.

Я завоевал доверие князя и он многое обсуждал со мною. Например, когда он провел первый набор в колониях, я довел до его сведения, по его желанию, настроение публики и морских кругов по этому поводу и тот восторг, с которым немецкий народ приветствовал этот новый путь.

Позднее я часто говорил с князем о колониях и высказывал мнение утилизировать колонии для торговли и обмена, по крайней мере, они принесли бы хоть какую-нибудь пользу, а также приспособить их для доставки сырья. Я считал своим долгом обратить внимание князя, что и купец и капиталист будут гораздо энергичнее работать над развитием колоний, если они смогут рассчитывать на защиту флота. Поэтому я считал необходимым создание немецкого флота, чтобы охранить и оградить немецкие ценности. Немецкий флаг, за которым стоит народ, уже развевался однажды на чужой территории, теперь дело было за флотом. Но князь был глух к моим словам и только повторял свою излюбленную фразу: „Если к нашему берегу пристанут англичане, я их всех арестую“; колонии же могли защищаться сами. Князь не обращал внимания на то, что одно предположение о том, что англичане могут спокойно пристать к Германии,—Гельголанд принадлежал Англии,—было нестерпимо, и чтобы исключить эту возможность, нам нужен был сильный флот и Гельголанд.

В сущности князя больше всего интересовала континентальная политика. Англия лежала за чертой его повседневных забот, тем более, что Салисбюри был с ним в личных хороших отношениях и в свое время приветствовал от имени Англии создание двойственного, а потом тройственного союза. Князь имел дело преимущественно с Россией, Австрией, Италией и Румынией и безостановочно контролировал их взаимные отношения, а также их отношение к Германии. Об искусстве и осмотрительности его работы император Вильгельм однажды очень метко выразился в разговоре со своим правителем канцелярии. После одного из докладов Бисмарка, генерал нашел императора настолько взволнованным, что, безпокаясь о здоровье престарелого монарха, заметил, что, если князь не желает согласоваться с волей императора, то пусть лучше уходит. На это император ответил, что, несмотря на все восхищение и благодарность, которые он питает к великому государственному человеку, он уже неоднократно думал об этом, так как самоуверенная манера князя слишком тяжела. Но и он и страна слишком нуждаются в князе, так как это единственный человек, могущий жонгли-

ровать сразу пятью шарами, при чем два из них всегда в воздухе; он, император, этого не может.

Князь не замечал, что приобретение колоний заставляет его обратить большее внимание на Англию и на ее политику. Англия была только одним из шаров его дипломатической игры, и ей не придавалось того особого значения, которое было необходимо.

Поэтому и министерство иностранных дел было занято исключительно континентальной политикой, не проявляя никакого интереса ни к колониям, ни к флоту, ни к Англии, и было очень мало осведомлено о мировой политике. Английская душа и мысль, все время стремящиеся, хотя и замаскированно, к всемирной гегемонии, были для министерства иностранных дел книгою за семью печатями. Однажды князь заявил мне, что его главной заботой было стремление к допущению Русско-Английского соглашения. На это я позволил себе возразить: „Отложить этот момент на отдаленное будущее возможно было в 1877/78 году, допустив русских в Константинополь; английский флот явился бы немедленно на защиту Стамбула и конфликт был бы готов. Вместо того русским навязали Сан-Стефанский договор и заставили отступить от ворот города, после успехов, достигнутых такими потерями и кровопролитными боями. Это поселило неискоренимую вражду к нам в русской армии (Донесение прусских офицеров, совершивших поход в русских войсках, особенно графа Пфейль). После этого договор отменили и заменили Берлинским конгрессом, который сделал нас в их глазах еще большими врагами их „законных интересов на востоке“. Таким образом, желанный князем конфликт между Россией и Англией был отодвинут на неопределенное время“.

Князь не разделял этого взгляда на „свой“ конгресс, результатами которого он очень гордился, и заметил совершенно серьезно, что он предотвратил всеобщий пожар, предложив свое посредничество. Когда я позднее, как то в беседе с одним из чинов министерства иностранных дел, коснулся этого разговора, тот мне сказал, что он присутствовал при приеме князем поздравлений, когда князь возвратился после подписания Берлинского договора. Князь при этом гордо выпрямился и провозгласил: „Теперь я еду по Европе на четверке“.

Мой собеседник заметил, что, кажется, князь ошибся, так как уже тогда вместо русско-немецкой намечалась русско-французская дружба, следовательно, двух лошадей в запряжке уже не хватало.

Искусство Дизраели сделало в глазах России посредничество Бисмарка причиной англо-австрийского триумфа.

Несмотря на некоторое различие в наших взглядах, князь был всегда со мной очень приветлив, и большая разница в годах не препятствовала нашим добрым отношениям, к тому же я, как и все мое поколение, был его горячим поклонником, своим усердием и откровенностью я завоевал его доверие и никогда ему не изменил.

Во время моей командировки в министерство иностранных дел тайный советник Рацдау читал мне лекции по торговому праву, колониям и т. д. При этом я тогда же обратил внимание на нашу зависимость от Англии, которая происходила от отсутствия у нас флота и того, что Гельголанд был в руках англичан. Под давлением необходимости мы должны были расширять наши колониальные приобретения, но все это делалось лишь с разрешения Англии, что было тяжело и позорно для нас.

Командировка в министерство иностранных дел принесла мне крупные неприятности. Мои родители относились довольно отрицательно к Бисмарку и упрекали меня за вступление в его кружок. Опасались влияния против родителей, слишком большого консерватизма и всяких других опасностей, о которых трубили в Англии, и в „либеральных кружках“, считавших моего отца своей опорой. Я не обращал внимания на это, но мое положение в родительском доме стало вследствие этого очень тяжелым.

Хорошие отношения были у меня и с графом Гербертом. В его доме собиралось многочисленное, интересное общество, частью принадлежавшее к министерству иностранных дел, частью из других кругов; он и сам, когда хотел, мог быть приятным собеседником. Но до настоящей дружбы дело не дошло. Это выразилось особенно ярко, когда, после ухода отца, граф тоже потребовал своей отставки. На мою просьбу остаться и помочь мне в политической области, я получил очень колкий ответ: „Его привычка докладывать и служить только своему отцу настолько велика, что он даже не представляет себе возможности войти с портфелем и докладывать какому-нибудь другому лицу“.

По докладу Бисмарка я получил поручение поехать в Петербург ко дню совершеннолетия погибшего позднее царя Николая II и передать наследнику орден Черного Орла. Я получил множество указаний, как от императора, так и от Бисмарка, касавшихся взаимных отношений стран, наших семейств, а также обычаев и людей. В заключение император добавил, что он меня напутствует теми же словами, которые он слышал от графа Адлерберга при его первом путешествии в Россию. „В конце концов и там, как и везде,

больше склонны выслушивать хвалу, нежели порицание“. Князь закончил свои указания следующим замечанием: „На востоке каждый, пока он носит рубашку поверх штанов, может считаться порядочным человеком, как только он ее запрягал в штаны и на шею одел орден, он превращается в свинью“.

Из Петербурга я послылал донесения как моему деду, так и князю Бисмарку. Я старался добросовестно передавать все мои впечатления. Прежде всего мне стало ясно, что старые русско-пруссские отношения и чувства очень охладели и существуют далеко не в той мере, на которую я мог рассчитывать после разговора с дедом и князем. После моего возвращения я получил благодарность и от императора и от князя за мои ясные и точные доклады. Их благодарность меня очень порадовала, так как я был очень удручен, не имея возможности сообщить им ничего радостного

В конце августа и начале сентября 1886 г. после Гаштейнского свидания императора Вильгельма Великого с императором Францем Иосифом, на котором, по приказанию деда, я присутствовал, мне было дано поручение довести лично до сведения императора Александра III результаты этого свидания и обсудить с ним некоторые вопросы, касающиеся Турции и Средиземного моря. Я получил от князя инструкции, одобренные императором. Они касались желания России занять Стамбул, и князь ничего не имел против этого, напротив,—я получил прямое указание предложить Константинополь и Дарданеллы России (значит, и Сан-Стефано, и Берлинский Конгресс провалились). Рассчитывали мирным путем убедить Турцию, что ей самой выгодно и желательно это соглашение с Россией. У царя в Брест-Литовске меня ожидал любезный прием и я участвовал в смотрах и маневрах, которые, несомненно, носили антинемецкий характер.

Результатом же моих разговоров с царем было его следующее замечание: „Если он захочет взять Стамбул, он его возьмет и все не нуждается для этого в позволении князя Бисмарка“.—После такого резкого отказа от предложения князя я мог считать мою миссию потерпевшей крушение. Я отправил князю соответствующий доклад. Посылая свое предложение царю, князь должен был в корне изменить свой взгляд на политику, приведшую к Сан-Стефано и Берлинскому конгрессу, или, может быть, он решил, что в политическом положении Европы наступил момент, когда надлежало перемешать все карты, и, как выражался мой дед, начать „жонглировать“ по новому. Это мог разрешить себе человек лишь такого государ-

ственного масштаба, как он. Я никогда не разобрал, был ли Берлинский конгресс в его громадной политической игре с Россией лишь возможным предлогом для возникновения всеобщей войны, хотел ли он этим конгрессом угодить англичанам и для этого ставил всяческие препятствия русским в их притязаниях на востоке, имея гениальное намерение после, более очевидно, им помочь в их проведении? Князь никогда никому не открывал своих широких горизонтов. Может быть, рассчитывая с большим самомнением на свое искусство, он думал приобрести расположение России, если русские интересы на востоке будут осуществлены помощью лишь одной Германии и при менее напряженном политическом настроении Европы, чем это было в 1877/78 году. Если это так, то такую громадную игру мог рассчитывать довести до конца и выиграть лишь такой человек, как Бисмарк. В этом заключается слабая сторона великих людей. Осведомил ли он Англию о своем предложении царю? Она должна была быть против, как и в 1878 году. Во всяком случае, князь все более начинал держаться политики, которая казалась мне неправильной уже тогда, когда я узнал о разочаровании русских перед воротами Стамбула.

В Брест-Литовске при различных военных приготовлениях и упражнениях, я ясно увидел, что отношение ко мне русских офицеров гораздо холоднее и надменнее, чем в мой первый приезд в Петербург. Только небольшой кружок старых генералов при дворе, которые помнили еще Александра II, знали императора Вильгельма Великого и были к нему расположены, высказывали свое хорошее отношение к нему и к Германии. В беседе с одним из них о взаимных отношениях наших дворов, армий и государств, которые я нашел столь изменившимися, старый генерал мне сказал: „C'est ce vilain Congrès de Berlin! Une grave faute du Chancelier. I la detruit l'ancienne amitié entre nous, plantè la mèfiance dans les coeurs de la Cour et du Gouvernement, et fourni le sentiment d'un tort grave fait à l'armèe russe après sa campagne sanglante de 1877, pour le buel elle veut sa revanche. Et noue voilà ensemble avec cette maudite Rèpublique Française, pleine de haine contre vous et remplie d'idées subversives qui en cas de guerre avet vous nous coûterong notre dynastie. (Этот отвратительный Берлинский Конгресс! Какая огромная ошибка канцлера! Он разрушил нашу старинную дружбу, насадил недоверие при дворе и в правительстве и внедрил убеждение, что русской армии была оказана величайшая несправедливость после кровопролитной кампании 1877 г., и за это она требует реванша. И вот мы вместе с

этой проклятой Французской Республикой, полной ненависти к вам и проникнутой разрушительными идеями, которые, в случае войны с вами, будут нам стоять династии).

Пророческое предсказание падения дома Романовых! Из Бреста я проехал в Страсбург, где мой дед присутствовал на императорских маневрах. Несмотря на неудачу моей миссии, я нашел очень спокойное отношение к политическому положению. Я передал моему деду сердечный привет Александра III, что очень его обрадовало, как доказательство неизменности их личных отношений. К моему удивлению я получил письмо также и от князя Бисмарка, в котором он меня благодарил за мои действия и доклад. Все это имело тем большее значение, что мои донесения не могли быть им обоим особенно приятны. Берлинский Конгресс уничтожил остаток братского отношения к нам среди военных русских кругов, которые при более близком сношении с французским офицерством, заразились той ненавистью ко всему прусско-немецкому, которая у французов явно выявлялась в желание вооруженного столкновения. Это была та почва, на которой впоследствии выросла у наших противников мысль о всемирной войне. „Revanche pour Cèdan“ соединился с „Revanche pour San-Stefano“. Я никогда не мог забыть слов старого генерала и при всех свиданиях с Александром III и Николаем II они были моим лейтмотивом, что согласовалось с той заботой о русско-немецких отношениях, которую на меня возложил на своем смертном одре мой дед.

В 1890 г., на маневрах в Нарве, я точно и подробно объяснил царю историю ухода князя Бисмарка. Царь очень внимательно меня выслушал. Когда я кончил, царь обыкновенно очень сдержанный и холодный, редко затрагивавший политические темы, схватил мою руку, поблагодарил меня за доказательство моего доверия, сожалел, что я очутился в таком положении и выразился буквально так: „Je comprends parfaitement ta ligne d'action. Le Prince avec toute sa granodeur n'était après tout rien d'autre que ton employé ou fonctionnaire. Le moment où il refusait d'agir selon tes ordres, il fallait le renvoyer. Moi, pour ma part, je me suis toujours méfié de lui, et je n'ai jamais cru un mot de ce qu'il me faisait savoir ou me disait, car j'étais sûr et je savais qu'il me blaguait tout le temps. Pour les rapports entre nous deux, mon cher Guillaume—это случилось в первый раз, что он меня так назвал,—la chute du Prince aura les meilleures conséquences. La méfiance disparaîtra. J'ai confiance en toi, tu peux te fier à moi“ („Я понимаю вполне твою линию поведения. При всем своем величии, князь был

одного человека, который пользовался моим полным доверием. Это был мой прежний начальник и бригадный командир генерал—позднее генерал-адъютант— Ф. Ферзен, прямой, рыцарский, немного жесткий характер, офицер старой прусской школы, настоящий военный. Служба в гвардии давала ему часто случай наблюдать придворные стремления и влияния, которые часто приносили огромный вред офицерам старого „Maison militaire“. Придворные дамы, которых мы в приятельских разговорах в виду их возраста называли „trente et quatre“, играли большую роль. Подобных влияний я хотел избежать.

Моим первым генерал-адъютантом я назначил генерала Ф. Виттиха, первым начальником военного министерства — командира второго Гвардейского Пехотного Дивизиона, генерала Ф. Ханке; последний был другом императора Фридриха III и моим бригадным командиром, когда я служил в первом гвардейском полку. Оба они были люди с большими военными знаниями, железных принципов и разделяли все идеи своего повелителя. До самой их смерти они были самыми верными моими сотрудниками.

Министром двора я избрал знакомого мне с детства бывшего гофмаршала моего отца, графа Августа Эйленбурга, который глубоким 82-х-летним старцем до самой своей смерти в 1921 году сохранил свой портфель. Это был человек удивительного такта, необыкновенных дарований, приятного характера и исключительной верности к своему королю и его семье. Благодаря своим разносторонним дарованиям он мог бы с успехом занять всякий другой пост, быть послом или канцлером. Он был известен в Европе как „тот“ гофмаршал. Обладая неутомимой энергией, чарующей любезностью, он имел связь во всех сферах и во всех слоях общества и часто помогал мне своими советами. Его все уважали и любили, а я до конца питал к нему дружбу и благодарность. Шефом гражданского ведомства, после предварительного разговора с князем Бисмарком, был назначен Ф. Луканус, из министерства исповеданий. Князь Бисмарк заметил, смеясь, что он очень доволен этим выбором, так как знает Лукануса за хорошего и страстного охотника. Это очень хорошая рекомендация для статского чиновника; хороший охотник обыкновенно бывает порядочным, храбрым человеком. Луканус принял свою должность от Ф. Вильгиовского. Он превосходно вел свое дело и был для меня во всех областях искусства, техники, науки и политики просвещенным советником, неутомимым сотрудником и другом. Светлый ум соединялся в нем с тонким юмором, что так редко можно встретить у германца.

С князем Бисмарком мои отношения были, еще со времени моей работы в министерстве иностранных дел, прекрасны и полны взаимного доверия. Попрежнему я уважал могущественного канцлера со всем пылом молодости, гордился службой под его руководством и еще более тем, что буду работать с ним как с „моим“ канцлером.

Князь, присутствуя при последних минутах старого императора, слышал его „политическое завещание“ внуку и просьбу обратить особое внимание на сохранение добрых отношений с Россией, и потому считал политическим актом первой необходимости летнюю поездку в Петербург, чтобы, согласно воле умершего деда, подчеркнуть нашу дружбу с Россией. Он отдал приказание приготовить план этой поездки.

Но для осуществления этого проекта явилось неожиданное затруднение. Королева Англии Виктория, узнав о предполагаемом путешествии в Петербург, прислала мне письмо, в котором она, хотя и в родственном, но тем не менее очень авторитетном тоне высказала своему старшему внуку недовольство этой поездкой. Право на мой первый визит, по прошествии траура, принадлежит ей, как моей бабке, и Англии, как родине моей матери. Когда я довел до сведения Бисмарка об этом письме, он впал в бешенство. Он говорил о „дядюшках из Англии“ и „противодействии“ оттуда, с которым надо покончить. Из тона письма видно, какое влияние имели теща и жена на покойного императора Фридриха и т. д. Князь хотел набросать текст ответа королеве. Я заметил, что сам найду надлежащий тон ответа и сумею провести правильную линию между внуком и императором. Перед отправлением ему будет письмо представлено.

В письме была соблюдена почтительная форма, обязательная для внука в отношении к бабушке, которая носила его на руках и уже по своему возрасту имела право на уважение,—но было подчеркнуто значение и обязанности германского императора, который обязан соблюдать жизненные интересы своего государства и исполнить предсмертное приказание своего деда. Это распоряжение деда внук должен уважать в интересах страны, защищать которую он отныне призван по воле бога. Королева должна ему предоставить право самому распорядиться этим делом. В остальном я всегда останусь ее любящим внуком и буду благодарен за каждый совет, продиктованный ее громадной опытностью.

Но относительно немецких дел я желаю быть свободным. Посещение Петербурга есть политическая необходимость, приказ моего

царственного деда определенно рекомендует близкие семейные отношения с русским императорским двором, а потому оно будет осуществлено.

Князь одобрил письмо. Полученный ответ был поразителен. Королева признавала внука правым, он должен действовать согласно интересам своей страны; она будет счастлива увидеть его позднее своим гостем. С этого дня у меня наладились прекрасные отношения с королевой, которую побаивались ее собственные дети. Она стала обращаться со мной, как с равноправным монархом.

В качестве представителя министерства иностранных дел, меня сопровождал в моих путешествиях граф Герберт Бисмарк. Он редактировал речи и вел политические прения по указаниям своего отца.

По возвращении из Стамбула в 1889 году описал я князю, по его желанию, мои впечатления в Греции, где моя сестра София была замужем за наследником престола Константином, и в Константинополе. При этом я заметил, что князь отзывался очень презрительно о Турции, о влиятельных людях и о тамошних отношениях. Тогда я указал ему на важный и благоприятный момент, но это не помогло. На мой вопрос, на каком основании князь составил себе такое неблагоприятное мнение, он ответил: „Граф Герберт относится отрицательно к Турции“.

Князь и граф Герберт не были расположены к Турции и не одобряли моей турецкой политики, которая была старой политикой Фридриха Великого.

Когда, в последние годы его канцлерства, удалось достигнуть заметного улучшения отношений с Россией, при чем царь высказывал ему особое доверие, князь предписывал это лишь тому, что он остается у власти. При этом кстати он в первый раз довел до моего сведения о существовании тайного договора с Россией. До этого времени ни он, ни министерство не сообщали мне ничего на счет этого договора, хотя я как раз более всего интересовался русскими делами.

Когда я, после смерти моего отца, наследовал престол, то, как я уже заметил выше, поколение деда сменилось поколением внука, следовательно, пришлось перешагнуть через целое поколение моего отца, которое, благодаря близкому отношению кронпринца Фридриха к либеральным кругам, было проникнуто новыми идеями и реформами. Рассчитывали, что император Фридрих проведет их в жизнь.

После его кончины, все эти люди, надеявшиеся когда-нибудь играть роль, почувствовали разочарование. И вместо того, чтобы ради

блага родины перенести свое доверие с отца на сына, намерений и целей которого они не знали, они сразу стали по отношению ко мне враждебное положение.

Исключение составлял лишь один представитель национал-либералов, а именно благородный, молодежавый г. Ф. Бенда. Я с ним познакомился еще молодым принцем на большой заячьей охоте у советника Дица в Барби. Там он завоевал мое расположение и доверие во время споров пожилых людей о политических, сельскохозяйственных и экономических вопросах, во время которых его интересное и свободное суждение привлекло мое внимание. Я с удовольствием воспользовался приглашением посетить имение Бенда—Рудов около Берлина. После этого я ежегодно регулярно посещал его и с удовольствием вспоминал часы, проведенные в кругу его семьи, и талантливую игру на рояле его дочерей. Из наших политических разговоров я вынес впечатление, что Бенда обладает исключительной для партийного человека широтой взглядов, свободной от партийного шаблона, и обнаруживает ясное понимание государственных нужд. От всего своего верного прусского сердца он, соблюдая полную терпимость к другим партиям, давал мне советы для будущего.

Исключая крайних социалистов, я никогда не относился с предубеждением ни к одной партии а что я не была антилиберал,—доказывает мое царствование. Мой самый влиятельный министр финансов был либерал Микель; министром торговли—либерал Меллер, а лидер либералов Ф. Беннигсен был президентом в Ганновере. Во вторую половину моего царствования я через Микеля познакомился и вошел в более близкие сношения с одним старым либеральным депутатом; это был Зейдель, владелец одного имения на востоке; в его глазах светился глубокий ум. Он был сотрудником Микеля по железнодорожным делам; рассудительный, простой, практический человек, либерал на консервативной подкладке.

Множество нитей и отношений связывало меня с консервативной партией, так как я часто встречался с провинциальным дворянством на придворных и других охотах; кроме того многие из них имели должности при дворе.

Свободомыслящие со своим „решительным лидером“ не имели со мной никаких сношений: они замкнулись в оппозицию.

В разговорах с Бенда и Беннигсеном часто затрагивался вопрос о будущем либерализма. Однажды у Бенда вырвалось по этому поводу интересное замечание: „Престолонаследник не должен впасть

в слишком большой либерализм. Он может широко и терпимо, без предвзятости, относиться ко всем партиям, но в основе должен быть консервативен“.

Беннигсен был согласен со мной, что национал-либералы должны пересмотреть свою программу, первоначальным девизом которой, объединившим многих около либерального знамени, был лозунг „Возвышение Германии и свобода печати“, что уже давно было достигнуто. Это было также необходимо, в видах сохранения старого прусского народного либерализма.

Я считал большой ошибкой, что либералы, как и консерваторы, слишком много вспоминают о конфликте 1861—66 годов и все еще руководятся при выборах и в политической борьбе обычаями того времени, хотя оно и стало для нашего поколения лишь историей. Наше, новое время начинается с 1870 года созданием империи, под 1866 годом надо провести черту. Надо начать новое строительство и обе партии должны дружно примкнуть к нему и наметить сообразно с этим свои цели, а не руководствоваться прошедшим, к тому же еще вселяющим раздор.

К сожалению, этого не произошло. Беннигсен очень удачно заметил: „Беда, если северо-немецкие либералы подпадут под влияние юго-германских демократов, тогда конец настоящему либерализму. Мы получим оттуда таких демократов, с которыми нам совсем не по дороге“.

Благородная и преданная консервативная партия, к сожалению, не всегда имела выдающихся лидеров, которые одновременно было бы и умело - тактичны и политически образованы. Отягощала партию еще группа аграриев, а также и воспоминания о конфликте были еще слишком свежи.

Я советовал соединиться с национал-либералами, но не встретил сочувствия. Я часто настаивал, что национал-либералы при их верности империи и императору, были бы хорошими товарищами консерваторам. Я никогда не буду работать без них или против них; часто, во многих частях империи ложно понимают, что северо-немецкий консерватизм был лишь следствием иного исторического развития и поэтому национал-либералы были бы желательными товарищами. Вследствие этого я оставил в свое время придворного проповедника Штекера, блестяще образованного и прекрасно в своей миссионерской области осведомленного человека, за произнесенную им на юге демагогическую горячую проповедь против южных либералов.

Центр, благодаря культуркампу, был тесно сплочен, сильно проникнут антипротестантством и не расположен к империи. Несмотря на это, мне все-таки удалось многих заметных членов партии для пользы общего дела привлечь к совместной работе. Особенно помог мне при этом Шорлемер (отец). Он никогда не скрывал своей верности прусскому королю. Его сын, известный министр земледелия, даже примкнул к консервативной партии. Центр, в лице своего лидера Видхорста, имел в парламенте выдающегося представителя и часто работал вместе с правительством. Но при всем этом нельзя было отрицать, что соблюдение интересов римской церкви стояло на первом месте.

* * *

Когда я был еще принцем, меня откомандировали на продолжительное время для ознакомления с внутренним управлением и с хозяйственными вопросами в Бранденбург к фон-Ашенбаху, в работе которого я лично принял деятельное участие. С этого времени, сохранился во мне благодаря прекрасным докладам Ашенбаха возбужденный интерес к хозяйственной стороне развития страны, юридическая же сторона управления меня менее привлекала. Удобрение почвы, проведение каналов и шоссе, лесное хозяйство, улучшение всевозможных путей сообщения, оздоровление жилищ, введение машин в сельском хозяйстве и их коллективное использование, вот те вопросы, которые и впоследствии меня живо интересовали; особенно водные сооружения и железнодорожная сеть на заброшенном востоке.

Все эти вопросы после моего вступления на престол часто обсуждались мною с моими министрами. Ради успеха этой работы я учредил еще одно ведомство. Но пока у власти был князь Бисмарк, он при всех обстоятельствах выдвигал свое мнение и, таким образом, мешал самостоятельной работе своих сотрудников. Скоро мне стало ясно, что все министры находятся в железной руке канцлера и всем не склонны к „разным новшествам“ и „идеям молодого повелителя“, которых Бисмарк не признавал. Министерство в сущности было лишь орудием в руках князя и согласовалось лишь с его приказаниями. Конечно, было естественно, чтобы президент такого исключительного значения, достигший удивительных политических результатов для своей родины, направлял сам работу министерств и держал бы себя деспотично.

Но я очутился из-за этого в очень щекотливом положении, так как на все свои запросы получал характерные ответы: „Князь Бис-

марк того не желает; на это он не согласится; этого император Вильгельм не потребовал бы; это нарушает традиции и т. д.“ Я все более и более убеждался, что министерства не были государственными учреждениями, а что чиновники, вследствие долгой привычки, считали себя служащими князя Бисмарка. Следующий пример ярко рисует отношение чиновников ко мне во времена Бисмарка. Дело шло о пересмотре закона о социалистах, который, благодаря отрицательному отношению князя к последним, был слишком узким. Чтобы спасти закон, было необходимо видоизменить и смягчить один параграф. Бисмарк этого не пожелал. Дошло до резких разногласий, и я приказал собрать государственный совет. В приемной Бисмарк, в разговоре с моим адъютантом, отозвался обо мне следующим образом:

„Его величество забывает, что он офицер и носит португую; он должен заботиться об армии и в случае революции направить ее против социалистов; император должен оставить свободу действий по крайней мере, мы тогда будем иметь покой“. В государственном совещании Бисмарк остался при своем мнении, а некоторые министры на приглашение высказаться, проявили полное равнодушие. Дело дошло до баллотировки и весь кабинет министров вотировал против меня. Эта баллотировка ясно доказала, до какой степени князь господствовал над своими министрами. Я с большим негодованием обсуждал этот провал с Луканусом, который сам был поражен таким фактом. Луканус переговорил с некоторыми из этих господ и потребовал объяснений, и личности, сами имеющие большое значение, объявили, что они не в состоянии встать в оппозицию к князю Бисмарку и вотировать против канцлера.

Разразившаяся весной 1889 г. большая горнорабочая забастовка застала министерство внутренних дел совсем неподготовленным. Ясно выразилось полное бессилие и растерянность провинциального Вестфальского управления. Все призывали войска, и каждый владелец копей требовал часового к своей двери. Командиры вытребованных частей немедленно донесли мне о создавшемся положении; между ними был мой сослуживец по гвардейскому гусарскому полку, фон-Михаелес, известный своими шутками. По случаю теплой ранней весны забастовщики расположились лагерем на склонах гор, и он один, без оружия разъезжал между ними, и благодаря своей внушающей доверие и приветливой манере сумел войти с ними в близкие отношения. Своими расспросами ему удалось достигнуть очень ценных данных—чем рабочие, правильно или неправильно,

считают себя обиженными, какие у них положение, надежды и желания в будущем. Скоро он заслужил у рабочих общее уважение и любовь и так сумел с ними ладить, что скоро в его районе наступило полное успокоение. И когда я, побуждаемый нервной и озабоченной телеграммой промышленников и начальства, которые уже забегали и к имперскому канцлеру, запросил его, как обстоят дела, Михаелес мне телеграфировал:

„Все спокойно, кроме начальства“.

В конце концов из всех докладов и донесений в продолжение весны и лета собрался материал, доказывающий, что в промышленных кругах не все в порядке. Некоторые требования рабочих, при их справедливости должны были бы заставить работодателей и начальство начать, по крайней мере, добровольное расследование.

Это убеждение, с которым вполне согласился и такой глубокий знаток социальных явлений, особенно в своей провинции, как мой бывший воспитатель тайный советник доктор Хинцперер, заставило меня решиться созвать государственное совещание для обсуждения вопроса о взаимоотношениях рабочих и работодателей, под моим личным председательством и дать нужное освещение рабочему вопросу. Я надеялся при этом обследовании получить руководящие основания и достаточный материал, которыми канцлер и прусское правительство могли бы руководствоваться для создания соответствующего законоположения.

С этой идеей я обратился к фон-Беттихеру, который сейчас же поставил мне на вид несомненное противодействие канцлера и советовал не начинать этого дела. Я настаивал на своем намерении, приведя фразу Фридриха Великого: „Je veux être un roi des gueux“. (Я желал бы быть королем нищих). Я считал своей обязанностью заботиться о той части моих подданных, которые посвятили свою жизнь промышленности, оберегать их силы и по возможности улучшить их существование.

Предсказанное противодействие канцлера не замедлило обнаружиться. Пришлось потратить много труда и сил пока мое намерение было проведено, это было тем тяжелее, что за канцлером стояла большая группа крупных промышленников. Государственное совещание открылось под моим председательством. К моменту открытия неожиданно прибыл канцлер. Он сказал речь, в которой не одобрял и иронически критиковал мое начинание и заранее отказывал в своем содействии. Затем он покинул зал.

После его ухода собрание осталось под впечатлением этой исключительной сцены. Грубость и неуважение, с которыми канцлер, проникнутый убеждением, что лишь его соображения правильны, обрушился на мою политику, произвели на меня и присутствующих сильное впечатление. Кроме того, этот выпад меня глубоко оскорбил. После этого собрание приступило к занятиям и выработало массу материалов для дальнейшего развития социальных мероприятий, увидавших свет еще при императоре Вильгельме Великом, составляющих нашу гордость, и доказывающих такую заботу о рабочем классе, какой не встречается ни в каком другом государстве.

Затем я решил собрать всеобщий конгресс социалистов. Князь Бисмарк и этому воспротивился. Швейцария лелеяла ту же идею и намеревалась созвать подобный конгресс в Берне. Когда швейцарский уполномоченный Рот узнал о моем намерении, он высказался за Берлин. Благодаря лояльности господина Рота конгресс мог собраться в Берлине. Полученные на нем данные и материалы были переработаны в закон, к сожалению, лишь в одной Германии.

Впоследствии мне пришлось в разговорах с Бисмарком часто оспаривать его мнение, что с социалистами можно воевать лишь пушками и штыками, но мои доводы казались ему малоубедительными. Напрасно доказывал я, что не могу начать свое правление с пролития крови своих подданных, Бисмарк стоял на своем и сказал, что если бы я ему разрешил, он взял бы их в переделку. Я ему возразил: „Моя совесть и ответственность перед Богом не позволят мне этого, тем более, что я твердо убежден в плохом положении рабочих, которое должно быть непременно улучшено“.

Вот в этом то различии взглядов императора и канцлера на социальный вопрос и на необходимость постепенного улучшения быта рабочих и лежит причина нашего разрыва и начала той многолетней вражды ко мне, как со стороны князя, так и со стороны многих преданных ему людей и большей части чиновничества. Это противоречие проистекало из его убеждения, что социальный вопрос может быть разрешен лишь строгими мероприятиями, вмешательством войска, а не человеколюбием и гуманностью, которые он находил во мне. Но, несмотря на все вышеизложенное, Бисмарк не был, утверждаю это, врагом рабочего класса. Наоборот! Он был слишком большим государственным деятелем, чтобы отрицать важность для страны социального вопроса.

Но он рассматривал это обстоятельство лишь с точки зрения государственной необходимости. Государство должно было забо-

титься о рабочем по столыку, по сколько это казалось необходимо правительству. Не могло быть и речи о сотрудничестве в этом деле самих рабочих. Возбуждение и восстание должны были резко с оружием в руках подавляться. С одной стороны, заботливое отношение, с другой—железный кулак, вот была социальная политика Бисмарка. Я же хотел завоевать сердца рабочих и горячо стремился к этой цели. Я был преисполнен сознанием ответственности и стремлением исполнить свои обязанности относительно моего народа, следовательно, также и относительно рабочего класса.

Рабочие имели право рассчитывать на исполнение своих законных требований и когда работодатель не мог эти требования удовлетворить, им на помощь должно было притти правительство во главе с императором. Лишь только я признал, что улучшение быта рабочих необходимо, с чем не все промышленники соглашались, я из чувства справедливости принял строгие меры.

Я слишком хорошо понимал, со создание общего благополучия—лишь иллюзия. Мне было ясно, что один человек не может создать счастье всего народа. В конце концов, счастливы лишь довольные или те, кто желая быть такими, чувствуют, что возможность их благополучия покоится на чем-то реальном.

Я узнал, что при некоторых требованиях социалистических вожakov, алчность будет все расти, но именно, чтобы не дать пищи этой беззаконной жадности, необходимо было признать законные требования и удовлетворить их. Без сомнения, государственная политика, встав на защиту блага рабочих и дав известный закон, сильно обременила этим немецких промышленников при конкуренции на всемирном рынке—особенно vis-à-vis с бельгийской промышленностью, которая не останавливалась перед беспрепятственным выжиманием последних соков при очень низкой оплате из своих рабочих, не испытывая никаких угрызений совести и не питая никакого сожаления к падению нравов беззащитного, угнетенного народа. Эти обстоятельства я сделал совершенно невыносимыми в Германии, даровав мой социальный закон, который приказал полковнику ген. штаба Биссингу ввести и в Бельгии во время войны, на благо бельгийского народа.

Этот закон явился, выражаясь спортивным языком, гандикапом для немецкой промышленности в борьбе с мировой конкуренцией и не нравился многим крупным промышленникам, что, принимая во внимание их точку зрения, было вполне понятно. Но монарх должен преследовать идею общего блага и потому я шел непоколебимо избранным путем.

С другой стороны, часть рабочих, слепо идущая за социалистическими вожаками, не признает никакой благодарности ни за их защиту, ни за мой труд. Нас разделяет разность наших лозунгов. Гогенцоллерны говорят „*Suum cuique*“, т. е. „каждому свое“, клич же социал-демократов—„каждому то же самое“!

Также заботила меня мысль, каким образом уменьшить страшную промышленную конкуренцию на континенте и избежать экономической борьбы, что принесло бы большое облегчение производству и имело бы благотворное влияние на быт рабочих.

Очень показательно то впечатление, которое произвел германский социальный закон среди рабочих других стран. Незадолго до войны, в Англии, под давлением рабочего движения, пришли к убеждению о необходимости больше заботиться о рабочих. В Германию явились делегации, между прочим и от рабочих. Они посетили в сопровождении немецких уполномоченных, часто тоже социалистов, фабрики, заводы благотворительные учреждения, лечебницы, страховые общества и т. д. и были всем этим глубоко поражены.

Во время прощального обеда один из вожаков английской делегации обратился к Бебелю со следующим замечанием: „Как вы можете быть социалистами, после того, что у вас в Германии сделано для рабочего класса“? Один свидетель говорит, что англичане утверждали, что они были бы довольны, если бы, после большой борьбы в парламенте, им удалось бы достигнуть хоть десятой доли того, что уже многие годы проведено в Германии.

Я с интересом следил за этим посещением английских делегаций, и был удивлен их полным незнанием немецких условий. Еще более меня поразила полная неосведомленность английского правительства явствовавшая из его вопросов, переданных через посольство, в области успехов и развития социальных реформ в Германии. Я спросил английского посла и заметил, что Англия выступала в 1890 г. на Берлинском социалистическом конгрессе и, конечно, получила, по крайней мере, через посольство, сведения о происходивших по поводу некоторых социалистических мероприятий прениях в рейхстаге. Посол ответил: „Он думал то же самое, а потому приказал пересмотреть прежние акты посольства, причем выяснилось, что посольство посылало в Лондон подробные донесения, и что о каждом более важном периоде развития социальных реформ посылались домой исчерпывающие доклады; но „because they came from Germany, nobody ever read them, they were simply „pigeonholed“, and remained

there ever since, et isa downright shame! Germany does not interest people at home! Так как они приходили из Германии, их никто не читал, их запирали просто в шкапы где они и оставались. Это стыд! У нас не интересуются Германией"—прибавил англичанин, пожимая плечами

Ни король, ни парламент не имели времени и желания заняться поднятием и улучшением быта рабочего класса. „Окружение“ Германии для уничтожения ее и особенно германской промышленности, а как следствие этого и ее рабочего класса, казалось им гораздо более выгодным и важным делом. К этой британской работе уничтожения Германии примкнули 9 ноября 1918 г. и радикальные немецкие лидеры.

Во всех, даже самых незначительных, непосредственно от меня зависящих ведомствах, например, в управлении моего деда, в императорском автомобильном клубе и др. я старался проводить социалистическое начало. Так, из денег, собираемых слугами за обозрение дворцов, я основал фонд для служащих, который с годами достиг значительной суммы. Из этого фонда выдавались деньги на лечение, погребение, детское приданое, конфирмацию и оплачивались все подобные расходы служащих.

Когда я согласился принять под свое покровительство вновь учрежденный императорский автомобильный клуб, я принял приглашение на завтрак в его роскошном, только что отстроенном помещении. Здесь, кроме высшей аристократии, застал я и многих из высшего финансового и промышленного мира. Когда разговор перешел на шофферов, я предложил основать фонд на случай их увечья, болезни или смерти, который представлял бы некоторую гарантию их семьям. Предложение было принято очень охотно и присутствующие пожертвовали достаточное количество денег для его создания. Такой же фонд я учредил позднее в императорском яхт-клубе для капитанов и первых штурманов.

Особенно радовало меня создание „Детского убежища императора Вильгельма“, в Альбене, в которое каждое лето до войны посылались на четыре недели дети беднейших берлинских кварталов. Убежище еще и теперь находится под руководством выдающейся начальницы госпожи Киர்шнер, дочери прежнего берлинского обербургомистра и дало блестящие результаты как в физическом, так и в психическом воспитании детей берлинской бедноты. Изголодавшиеся, бледные, жалкие дети большого города превращались в цветущие жизнерадостные маленькие создания, успехами которых я часто имел случай лично любоваться. .

Я хотел бы, здесь сказать, что, несмотря на то, что мой разрыв с Бисмарком произошел на почве рабочего вопроса из-за различных наших принципиальных взглядов, князь однажды блестяще выказал себя при обстоятельствах, касавшихся рабочих. Вероятно, при этом случае было затронуто и его национальное чувство, но он сразу признал, что масса стоит перед полной безработицей и принял со свойственной ему энергией и авторитетом решительные меры. Дело было в следующем. Однажды, в 1886 г., еще принцем я получил известие из Штетина, что громадная верфь „Вулкан“, за неимением заказов, очутилась перед возможностью ликвидации и несколько тысяч рабочих обречены на безработицу. Это было несчастье и для Штетина. Только заказ большого корабля мог предотвратить катастрофу. В свое время адмирал Штос, желая по возможности ограничить число заказов в Англии, поручил этой верфи постройку первого немецкого броненосца, освещение которого произошло в 1874 году в день празднования рождения моей матери, на котором я присутствовал. Морское ведомство было настолько довольно работой, что все заказы передало этой верфи. К сожалению, их было слишком мало.

Постройку же торговых кораблей наши промышленники не решились передать „Вулкану“, и вот настал момент, когда полезное немецкое сооружение очутилось на краю гибели; предложение Бременскому Ллойдю построить для него пассажирский пароход было отклонено, под тем предлогом, что в Англии строят лучше. Беда была велика. Я поспешил к князю Бисмарку и познакомил его с вышеизложенными обстоятельствами. Полный благородного гнева с блистающими глазами ударил он кулаком по столу. „Что?! Эти денежные мешки желают строить свои барки в Англии, а на дома? Это неслыхано! И при этом пропадает хорошая немецкая верфь? Дьявол их поберит!“ Он позвонил и коротко приказал вошедшему слуге: „Позвать тайного советника X. из министерства иностранных дел, живо!“ Князь молча зашагал по своему кабинету; через несколько минут вошел X. „Телеграфируйте поверенному в Гамбург: Бременский Ллойд передал новый заказ на корабль верфе „Вулкан“ в Штетине!“ Тайный советник стрелой вылетел из кабинета. Князь повернулся ко мне и сказал: „Я вам очень благодарен. Вы оказали громадную услугу родине и мне. С этих пор постройка судет производится только у нас в Германии. Уж я постараюсь внушить это купцам. Вы можете телеграфировать, что канцлер озаботился заказом „Вулкану“; пусть это будет началом целого ряда новых построек! Рабочие

всецело обязаны вам и должны поблагодарить вас за предотвращение безработицы!“ В Штетине было большое ликование, когда я телеграфировал тайному советнику Шлутову о происшедшем.

Это было то начало, которое привело впоследствии к постройке целого ряда великолепных пассажирских пароходов.

Когда я, после моего восшествия на престол, поехал в 1888 году в Штетин передать моим померанским гренадерам ленты на знамя, посетил я по просьбе представителей и „Вулкан“. После встречи начальством завода, открылись громадные ворота и я вошел. Вместо шума и гама, завод встретил меня глубокой тишиной. Собравшиеся рабочие, образовали открытый полукруг и стояли с обнаженными головами. По среди стоял старый седобородый рабочий, в руках у него был лавровый венок. Я был поражен. Шлутов прошептал мне: „Рабочие хотели доставить себе эту радость“. Старый кузнец выступил вперед и в гладкой, энергичной речи высказал мне благодарность рабочих за мое обращение к Бисмарку и за спасение их, а особенно их жен и детей, от нужды и голода. В знак благодарности он просил позволения передать мне лавровый венок. Глубоко тронутый, я принял венок и выразил в нескольких словах свою радость, что первые мои лавры я получил в мирное время из рук немецких рабочих, не пролив ни капли крови. Это было в 1888 году! В то время рабочие еще бережно относились к труду.

КАПРИВИ.

При моем вступлении на престол Каприви занимал место начальника адмиралтейства. Он был последним генералом на этой должности. Изучив морское дело в Англии и дома, я не хотел не только переформировать морское ведомство, но по возможности пересоздать его и с большой энергией принялся за это дело. Это не понравилось умному, но не лишенному тщеславия, генералу.

Он, без сомнения, имел большие заслуги по мобилизации, воспитанию офицерского состава и ускорению развития торпедного дела. Иначе обстояло дело с кораблестроительством и заменой старого материала новым к большому вреду флота и только что расцветающего кораблестроительства, которое почти погибало за недостатком работы. У Каприви были взгляды старого прусского генерала, те взгляды 1864/66 и 1870/71 годов, которые заставляли его все благополучие государства и его защиту возлагать на армию. Всегда армия была впереди, так будет всегда. Поэтому для морского дела нельзя было требовать больших кредитов, так как в противном случае явится опасность, что придется урезать средства, отпускаемые на армию, отчего пострадает ее развитие. Это соображение, которого Каприви твердо держался, было ложно в своем основании. Источник кредитов был не один и, отказывая морскому ведомству в ассигновках, Каприви вовсе не улучшал этим военного бюджета. Армия получала только то, что требовал военный министр у государства. Морское ведомство должно было получать кредиты независимо от военного министерства и в размере, достаточном для защиты нашей торговли и наших колоний. Позднее так это и делалось.

Скоро Каприви обратился ко мне с просьбой освободить его от занимаемого поста, который более ему не подходит, так как мои планы относительно будущего морского дела кажутся ему невыполнимыми уже по одному тому, что у нас слишком мало морских офицеров—ежегодный выпуск колебался от 60 до 80 человек, а развитие морского дела невозможно без многочисленного офицерского состава. Кроме того, на императорском инспекторском смотре выяснилось,

что император больше его осведомлен в морском деле и это ставит его перед подчиненными в невозможное положение. Подчиняясь его желанию, я расстался с ним, поручив ему командование армейским корпусом. Следуя поговорке: „море — морякам“, я поручил руководство ведомством адмиралу, что случилось в первый раз и привело в восторг всех моряков. Это был адмирал граф Монте.

После довольно неожиданного ухода князя Бисмарка, выбор его преемника был не легок. Кто бы он ни был, преемник могущественного канцлера заранее был обречен в жертву общественного мнения и не мог ожидать признания; его будут считать узурпатором, занявшим место князя, заменить которого он никогда не сможет. Критика, критика и только критика— вот на что мог рассчитывать новый канцлер, а также враждебность всех приверженцев князя, включая и тех, которые были в оппозиции. Новому канцлеру придется бороться против сильного течения.

Из этих соображений было решено выбрать человека из поколения князя, который занимал ответственную должность во время войны и работал на государственном посту под руководством князя. Каприви отвечал этим условиям и выбор пал на него. Его возраст гарантировал, что он будет разумным и спокойным советником „осиротелому“ молодому императору.

Скоро явился на сцену вопрос о продлении русско-германского соглашения. Каприви высказал взгляд, что ради хороших отношений с Австрией, договор не может быть продлен, так как скрытая в нем угроза Австрии даже при поверхностном изучении условий соглашения произвела отрицательное впечатление в Вене.

Договор был уничтожен. На мой взгляд он тогда уже потерял свое значение, так как русские перестали относиться к нам с прежней доверчивостью. Это убеждение укрепила во мне еще более докладная записка помощника статс-секретаря, графа Берхема, сотрудника князя Бисмарка.

Консервативные аграрии ополчились против Каприви, как человека, „не имеющего корней“, и жестокая борьба завязалась из-за торговых соглашений. Все эти трудности увеличивались еще больше, так как князь Бисмарк под предлогом уничтожения его принципов принял энергичное участие в борьбе против своего преемника. Так началось недовольство консерваторов правительством и императором, и князь собственноручно посеял семена, из которых потом произросли „непонятый Бисмарк“ и так часто повторяемая в прессе „неопытность правительства“. „Непонятый Бисмарк“ во все время

моего правления сумел непрестанно противодействовать всем моим начинаниям и целям посредством цитат в речах и в прессе, пассивным сопротивлением и бессмысленной критикой. Все, что ни происходило, подвергалось со стороны инспирированной Бисмарком прессы насмешкам, нападкам и критиковалось без конца.

Особенно ярко выразилось это преследование при приобретении Гельгоlanda. Этот остров, расположенный на главном торговом пути Ганзы, в руках англичан был известной угрозой Гамбургу и Бремену и исключал всякую возможность развития военного флота. Поэтому я твердо решил возвратить этот немецкий остров его родине.

В области колониальной политики нашелся путь, идя по которому, можно было заставить Англию вернуть остров. Лорд Салисбюри был склонен отдать „бесплодные камни“ за Занзибар и Виту в восточной Африке. От промышленников и из докладов командиров немецких крейсеров и канонерских лодок, которые крейсеровали у берегов новоприобретенных восточно-африканских немецких колоний, я знал, что с расцветом Танга, Дорес-Салама и др. Занзибар теряет, как гавань, свое первенствующее значение. Надо было лишь углубить дно и соорудить разгрузочные приспособления для торговых пароходов и приходящие из глубины страны грузы вместо того, чтобы, проходя через Дхав в Занзибар, лишний раз перегружались, могли бы из новых гаваней прямо переправляться в Европу.

Таким образом я был убежден, что, с одной стороны, мы совершаем выгодный для нас обмен, а с другой—избегаем колониальных трений с англичанами и устраиваемся с ними полюбовно. Каприви был со мною согласен, переговоры закончились и однажды вечером незадолго до обеда я мог поделиться с императрицей и некоторыми посвященными радостным известием, что Гельголанд принадлежит немцам. Удалось важное бескровное увеличение территории, являющееся первым условием для постройки флота, исполнилось столетнее желание Ганзы и северных немцев. Без шума совершилось событие большого значения.

Если бы приобретение Гельгоlanda произошло при Бисмарке, оно вероятно было бы встречено всеобщим ликованием. Но при Каприви критика разразилась. Ведь это узурпатор Каприви, который рискнул сесть на место князя, и „невменяемый“, „неблагодарный“, „пылкий“ молодой повелитель совершили такой невероятный обмен. Если бы Бисмарк хотел, он всегда мог бы приобрести эти голые камни, но отдать за них англичанам многообещающие африканские

владения, на это он никогда не согласился бы и не дал бы себя провести,—вот что кричали со всех сторон, к великому огорчению Ганзы и в этих нападках ясно слышалось влияние князя.

Удивительно звучали упреки по поводу обмена Занзибара и Виту в прессе князя, который ранее, когда я у него работал, общал мне, что придает значение колониям только как объекту обмена урегулирования отношений с англичанами. Его преемник в вопросе Гельгоlanda действовал сообразно мнению князя, но подвергся за это жестокой критике и нападкам.

Лишь при мировой войне увидел я в немецких газетах статьи, которые приветствовали задним числом приобретение Гельгоlanda и, признавая мою политическую предусмотрительность, строили догадки, что бы произошло, если бы Гельголанд не принадлежал Германии.

Немецкий народ обязан графу Каприви благодарностью за это дело, так как, только благодаря ему, создан был флот и одержана победа при Скагерраке. Моряки давно уже признали это.

Закон о школах графа Зедлица вызвал новый жестокий конфликт. Когда он привел к отставке Зейдлица, раздались крики его приверженцев: „уйдет граф, должен уйти и канцлер“.

Каприви тихо и прилично удалился со своего поста. Он честно из всех своих сил и возможностей старался проводить традиции князя Бисмарка. При этом он получал мало поддержки от партий, а общество отнеслось к нему враждебно и беспощадно критиковали его даже те, которые из справедливости и ради государственного блага должны были стоять на его стороне.

Каприви удалился без единого слова оправдания и остаток дней своих провел в одиночестве и благородном молчании.

ГОГЕНЛОЕ.

Снова стоял я перед тяжелым выбором своего первого помощника. Ясно было: вновь назначенный канцлер вступит на свой пост при одинаковых условиях, что и его предшественник. Выяснилось, однако, что он непременно должен быть государственным деятелем, к которому князь Бисмарк питал бы доверие, а не обыкновенный генерал. Государственный деятель лучше сумеет идти по пути политических начинаний князя и не даст последнему слишком больших поводов к критике и нападкам. Последние возбуждали среди чиновников, которые в большинстве служили еще при Бисмарке, худо скрываемые нервность и недовольство, из-за чего очень страдала работа всего государственного механизма, а оппозиция в парламенте получала все большее и большее подкрепление из кругов, до тех пор бывших верными правительству. Более всего было заметно противодействие и нежелание работать с императором и канцлером, яко-бы против „старых испытанных традиций“, в среде министерства иностранных дел; там открыто считали необходимым самостоятельно проводить политику Бисмарка.

По зрелом размышлении я решил возложить обязанности канцлера на князя Гогенлое, который в то время был наместником имперских областей. Он был во время франко-прусской войны 1870 года баварским министром и, благодаря ему, Бавария примкнула к Пруссии. С тех пор князь Бисмарк очень уважал его и можно было ожидать, что к этому преемнику князь не будет питать неприязни. Таким образом, при выборе нового канцлера, мне пришлось считаться с личностью Бисмарка и с инспирированным князем общественным мнением.

Князь Гогенлое принадлежал к типу старинных важных бар. Очень светский и приветливый, человек тонкого ума, сквозь который часто сквозила легкая ирония, разумный уже вследствие своего возраста, он был хладнокровным ценителем и наблюдателем людей. Несмотря на большое различие возраста, мы с ним великолепно ужились. Внешне это подчеркивалось тем, что я и императрица счи-

тали его дядей и наше обращение и разговоры с ним всегда имели родственный оттенок, что создавало атмосферу известной интимности. В разговорах со мной, часто обсуждая то или иное назначение, он давал прекрасные краткие характеристики иногда с философскими размышлениями, которые доказывали его глубокое знание жизни и людских отношений и полную зрелость и мудрость мышления.

В первое время канцлерства Гогенлоэ произошло событие, проливающее яркий свет на франко-русские отношения. Когда я узнал во время франко-русского братания через генеральный штаб и через моего посла в Париже, что Франция отзывает часть своих войск из Алжира и направляет их в южную Францию, как угрозу против Италии или против Эльзаса, я довел до сведения царя Николая II, что буду должен предпринять подобные же меры для противодействия, и просил его воздействовать на союзника и отклонить его от провокационных шагов. Князь Лобанов, бывший русский посол при венском дворе и ярый франкофил, был тогда министром иностранных дел. Он проводил лето 1895 года во Франции и был там всеми очень радушно принят. Во время моего осеннего пребывания в охотничьем замке Губертушток князь Лобанов на обратном пути в Париж обратился ко мне по поручению царя с просьбой об аудиенции. На приеме он констатировал спокойное и разумное настроение, замеченное им в Париже, и старался меня успокоить по поводу вышеприведенного передвижения войск, которое, по его словам, представляет из себя лишь слухи и сплетни и не имеет никакого реального основания. Он привез с собой самые успокаивающие уверения,—я не должен бояться. Я ответил ему, благодаря за сообщение: „Слово „бояться“ вообще не встречается в словаре немецкого офицера. Я не могу помешать Франции и России объявить войну“. На что князь, „воздев глаза к небу и крестясь, возразил: „Oh la guerre? Quelle idée, qui y pense, cela ne doit pas être!“ (О, война? Что за идея, кто о ней думает! Этого не должно быть!). Я его уверил, что я, конечно, об этом не думаю; но для наблюдателя, который никогда не бывает достаточно предусмотрителен, все эти бесконечные речи и празднества, а также официальные и неофициальные посещения Парижа и Петербурга являются очень показательными и представляют симптомы, которые очень не нравятся в Германии. Если дело, против воли моей и моего народа, дойдет до войны, то я, всецело полагаясь на господ бога, а также на мое войско и мой народ, уверен, что Германия справится с обоими противниками.

Я прибавил к этому переданный мне из Парижа разговор одного офицера русской делегации с французским коллегой. На вопрос, рассчитывают ли русские тоже побить немцев, храбрый славянин ответил: *Non, mon ami, nous serons battus à plate courture, mais qu'est-ce que sa fait? Nous aurons alors aussi la république!* („Нет, мой друг, мы будем здорово побиты, но что же такое, у нас тогда будет республика.“) Князь, ошеломленный, поглядел на меня и пожал плечами. „О войне нечего и думать! Офицер лишь высказал общее мнение всей русской интеллигенции и общества“. Еще в мое первое посещение Петербурга в восьмидесятых годах, одна великая княгиня, сидя рядом за обедом, сообщила мне совершенно спокойно: „Здесь всегда сидишь, как на вулкане, можно ежедневно ждать революции. В славянах нет верности, и они все антимоноархисты; в душе они республиканцы, кроме того, лицемерны и живы“.

Три более значительных события, имеющих отношения к внешней политике, совершились в бытность князя Гогенлоэ канцлером: открытие в 1895 году канала императора Вильгельма, на которое были приглашены корабли и целые эскадры всего мира; приобретение Чингтау в 1897 году и, наконец, знаменитая, вызвавшая столько споров, телеграмма Крюгера.

Князь Гогенлоэ принимал особенное участие в приобретении Чингтау. Он тоже разделял взгляд, что немецкие корабли должны иметь собственные угольные станции и что нельзя игнорировать желание промышленных кругов использовать обстоятельства для вовлечения Китая в международную торговлю. Было решено, под предлогом охранения китайского величия, заплатив отступное, приобрести место для торговли с морской угольной станцией; при чем Китаю было предоставлено преимущество перед другими. Главная цель станции—развитие торговли, военная часть должна была служить лишь защитой развитию торгового города, а не быть самодовлеющей целью или базой для дальнейших вооруженных предприятий.

Многие местности были обследованы, но все они при ближайшем ознакомлении оказывались негодными, большей частью из-за отсутствия хорошей связи с прилегающей территорией и торговых перспектив, или же на них имел уже виды кто-нибудь другой.

Наконец, после доклада адмирала Тирпица, командира восточно-азиатского дивизиона крейсеров, и знакомства с мнениями географа фон Рихтхофена, который показал многообещающую картину торгового развития Шангуна, пришли к заключению основать станцию в бухте Кио-Чао.

Со стороны канцлера были предусмотрены все политические вопросы и затруднения, могущие при этом возникнуть. Особенно было обращено внимание, чтобы не помешать России и не вызвать ее неудовольствия. От нашего восточно-азиатского дивизиона не требовалось новых данных, приходили благоприятные рапорты о грунте моря и о незамерзании бухты Кио-Чао, а также о возможности основания гавани. При встрече с русским китайским дивизионом из разговора начальников выяснилось, что русский адмирал провел, по приказу своего правительства, одну зиму в этой бухте, но нашел ее такой пустынной и ужасной,—ведь там не было ни гейш, ни чайных домиков, которые так необходимы русским на время зимней стоянки, что русская эскадра никогда более туда не вернется. Адмирал настоятельно советовал своему правительству отказаться от мысли обосноваться в этой бухте, так как оттуда нечего вывозить. Так что у России не было видов на эту местность. Эти справки пришли одновременно с ответом русского министра иностранных дел, графа Муравьева, немецкому послу, которому канцлер поручил позондировать почву. Граф Муравьев отвечал, что хотя Россия, несмотря на договор с Китаем, и не предъявляет особых претензий на бухту, все-таки возникает вопрос „о праве первой стоянки“, так как впервые эту бухту посетили русские. Этот ответ был противоположен рапорту нашего восточно-азиатского дивизиона и мнению русского адмирала.

Когда я и канцлер, в присутствии адмирала Хольмана, обсуждали этот ответ, князь с легким ироническим смешком заметил, что во всем министерстве иностранных дел он не мог найти юриста, который дал бы ему какие-нибудь указания об этом пресловутом „*droit du premier mouillage*“ (право первой стоянки). Может быть, в морском ведомстве найдется такой сведущий человек? Хольман пояснил, что, несмотря на его частые путешествия во все страны мира, он никогда и нигде не слышал о таком обычае; это просто выдумка Муравьева, не желающего никого пустить в эту бухту. Тогда я распорядился справиться по этому вопросу у бывшего тогда еще в живых адмиралтейств-советника Перля, признанный авторитет которого в области морского права дал бы нам возможность вынести какое-нибудь решение. Перль заявил, что все заявления Муравьева о „праве первой стоянки“—просто басни.

Прошло несколько месяцев и настало время моей поездки в Петергоф, в августе 1897 года. Переговорив с моим дядей-канцлером, я решил лично и открыто переговорить об этом вопросе с

царем и прекратить Муравьевские придирки. Наша беседа произошла в Петергофе. Царь объяснил, что места южнее линии Тьензин—Пекин не представляют для него интереса, а, следовательно, нет никакой причины мешать нам обосноваться в Шантуне. После того как англичане помешали им около Мокпо, интересы русских сосредоточились у Порт-Артура. Наоборот, немцы явились бы для него желательным соседством и ему было бы приятно, если бы другую сторону залива заняли они, а не кто-нибудь другой. После этого я обратился к Муравьеву. Он долго изворачивался и, наконец, выдвинул свою уловку, т. е. „le droit du premier mouillage“. Я только этого и ожидал и со своей стороны перешел к нападению, доведя до его сведения заключение Перля. Когда я, кроме того, по желанию царя, сказал ему результат моей беседы с последним, то дипломат смутился, потерял свое кажущееся хладнокровие и, наконец, сдался.

Таким образом, политическая почва была подготовлена. Осенью епископ Ануер известил об убийстве в Шангтуне двух католических миссионеров. Весь католический немецкий мир взволновался и, особенно, часть партии центра. Все требовали принять энергичные меры. Канцлер советовал мне немедленно вмешаться. На зимней охоте в Лецлинге, в маленькой башне замка я обсуждал с ним захватывающие события, князь предложил послать на подкрепление нашего восточно-азиатского дивизиона эскадру и командование поручить моему брату принцу Генриху Прусскому. Я тут же в присутствии канцлера сделал это предложение моему брату. И он и все присутствующие были очень обрадованы. Канцлер поспешил уведомить министерство иностранных дел и статс-секретаря Бюлова.

В ноябре 1897 года мы заняли Кио-Чао, а в декабре отплыла в восточную Азию эскадра с принцем Генрихом на борту „Deutschland’a“. В марте 1898 года был подписан арендный договор с Китаем. В это самое время Чемберлен предложил японскому послу в Лондоне, барону Като, заключить англо-японский союз, целью которого было бы остановить захват востока русскими.

Естественно, напрашивается вопрос, почему я здесь не говорю об Англии, хотя занятие нами дальневосточной гавани должно было бы ее живо интересовать. Дело в том, что переговоры с Англией велись прежде других. Я имел намерение, чтобы избавить Германию от недостатка угольных станций, купить или арендовать или вновь создать таковые, но непременно с согласия Англии. Я надеялся что королева Виктория, родственником которой приходился мой дядя Гогенлоэ и которого она очень уважала, воздействует на ан-

глийское правительство в этом направлении и облегчит мне возможность достижения намеченной цели.

Но это было обманчивой надеждой. Переговоры затянулись до бесконечности и было ясно, что они не приведут к желанному концу.

Тогда, по совету канцлера, я решил переговорить с английским послом в Берлине. Я пожаловался ему на поведение английского правительства, которое противодействует наизаконнейшим немецким желаниям. Посол со мной согласился и откровенно высказал свое удивление по поводу такой непредупредительности и близорукости английского правительства. Ведь если такая молодая страна, как Германия, развитию которой все равно помешать невозможно, вместо того, чтобы действовать самостоятельно или искать поддержки какой-либо другой державы, обращается к Англии, то это больше, чем то, на что могла бы последняя рассчитывать. Англии принадлежит почти весь мир, неужели же для Германии не найдется местечка для ее станции. Он вообще отказывается понимать господ из Довнингстрита. Ведь если Германия захочет приобрести гавань, она это сделает и без согласия Англии и займет нужные ей местности, так как в конце концов нет ни у кого права ей в этом помешать.

Я подтвердил, что это как раз и моя точка зрения и еще раз представил послу мои доводы: Германия единственная страна, которая, несмотря на множество колоний и быстро развивающуюся торговлю, не имеет собственных угольных станций. Мы желали бы получить согласие Англии на их приобретение. Но если Англия откажется понимать наши нужды, мы обратимся к какой-нибудь другой державе. Но этот разговор остался без результата. В конце концов Англия в довольно невежливой форме прервала переговоры. Тогда-то я и канцлер решили обратиться к России.

Занятие Кио-Чао произвело в Англии потрясающее впечатление и вызвало изумление и гнев английского правительства. Оно, конечно рассчитывало, отклоняя нашу просьбу, что никто не поможет Германии достигнуть намеченной цели. Из Лондона посыпались упреки и обвинения. Когда посол явился ко мне я дал ему понять, что вина за недостигнутое соглашение падает всецело на Англию.

Вследствие вышеприведенного поведения Англии между обоими государствами явилась известная отчужденность. Причину такого поведения Англии я узнал лишь гораздо позже. В вышедшем в Гааге в 1918 году сочинении „The Problem of Japan“, автором которого явился „ex-дипломат из дальнего Востока“, приводится выдержка из одного труда профессора истории Вашингтонского уни-

верситета в Сан-Луи, Роланда Усхера. Усхер и его коллега профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке Бассет Мур являются самыми лучшими знатоками международного права и Соединенные Штаты часто пользуются их советами в сношениях с другими государствами.

Так вот в труде проф. Усхера, изданном в 1913 году, есть прямые указания на тайный договор между Англией, Америкой и Францией, заключенный весной 1897 года. В этом соглашении предусмотрено, в случае объявления войны во имя „Пангерманизма“ Германией или Австрией или обоими странами совместно, присоединение Америки к Франции и Англии, которая обязуется наперечь все свои силы для помощи союзникам. Профессор Усхер приводит все мотивы, между прочим, и колониальный вопрос, которые диктуют Соединенным Штатам необходимость стать в войне между Германией с одной стороны—и Францией и Англией—с другой на сторону последних. Эту войну он считает в ближайшем будущем неизбежной.

Анонимный автор ^г „The Problem of Japan“ дал себе труд очень тщательно разобрать Англо-Франко-Американский договор и все значение этого договора встает перед нами во всей своей величине. Эта глава книги бросает яркий свет на историческое развитие причин и приготовлений мировой войны со стороны „Антанты“, которая уже тогда существовала хотя и не под этим именем. Автор замечает: „Перед нами договор, который по утверждению проф. Усхер был заключен в 1897 году, в нем подробно разработана каждая деталь взаимных отношений союзников, при грядущих событиях и как возможное последствие мировой войны завоевания испанских колоний, контроль над Мексикой и Средней Америкой, проникновение в Китай и аннексия угольных станций. Профессор Усхер хочет заставить нас верить, что все это делается в противовес мировому „Пангерманизму“.

„Совершенно излишне“, продолжает автор, „напоминать проф. Усхеру, что, если даже мы и признаем „Пангерманизм“ как нечто существующее, в 1897 году о нем не могло быть и речи, так как программу своего флота Германия начала проводить лишь с 1898 г. Следовательно, если проф. Усхер не ошибается, приписывая Англии, Америке и Франции их совместные планы и заключение союза для их проведения, то причиной этого ни в коем случае не мог быть этот пресловутый „Пангерманизм“.

Удивительно! Французы и Англо-Саксы заключают в мирное время в мельчайших деталях разработанный бессовестный договор для уничтожения Австрии и Германии и для избежания их конкуренции на мировом рынке! Семнадцать лет до начала мировой войны французы и англо-саксы заключают этот договор и все эти 17 лет систематически идут к своей цели. Теперь вполне понятно как легко было королю Эдуарду VII проводить свою политику „окружения Германии“, ведь все действующие лица согласно принимали в этом участие.

Для всего мира, а особенно немецкого, подпись „Entente cordiale“ было неприятной и неожиданной новостью, но для наших противников это было лишь официальным признанием давно совершившихся фактов. В связи с этим договором вполне понятны отказ Англии в 1897 году дать свое согласие на приобретение нами угольных станций и ее гнев, когда мы, вопреки ее желанию, достигли своей цели с помощью России и смогли укрепиться в Китае, влияние в котором было одной из причин договора. Усхер, помимо своей воли, доказал, на ком лежит ответственность за мировую войну. Начиная с 1897 года, момента заключения тайного договора, Антанта 17 лет неустанно преследовала свои цели, направленные против Германии. Когда ей удалось привлечь на свою сторону Россию и Японию, в Сараеве было инсценировано убийство, которое сыграло роль фитиля, поднесенного к пороховой бочке. Война разразилась.

Сообщение проф. Усхера может служить опровержением мнения, что причиной выступления Соединенных Штатов были некоторые военные действия со стороны Германии, например, потопление Лузитании, усиление подводной войны и т. д. Ничего подобного. Недавно появившаяся книга Турнера „Shall it be again?“ дает исчерпывающий материал для доказательства, что причины и цели, выставляемые Вильсоном, не были истинными. Америка или вернее ее президент Вильсон, может быть с самого начала, а с 1915 года наверное—решил выступить против Германии, что он и сделал, объявив причиной подводную войну, на самом же деле под влиянием могущественных финансовых кругов и по настоянию и просьбе Франции, людской материал которой с каждым днем уменьшался. Кроме того, Америке было невыгодно оставить ослабевшую Францию одну с Англией, так как в Америке известны были намерения Англии аннексировать Кале, Дюнкирхен и т. д.

Обстоятельство, что германское министерство иностранных дел не смогло выставить в противовес английской политике и русско-

французскому лукавству достаточно искусных дипломатов, стало роковым для Германии. Это было следствием того, что при князе Бисмарке дипломаты не имели достаточно личной практики, а потому, когда после ухода князя и графа Герберта, не стало их сильной воли и ума, самостоятельная работа оказалась нашей дипломатии не по плечу. Вообще в Германии не легко найти хорошего дипломата. Наш народ не имеет ни дипломатического ума, ни дипломатических способностей, и редко появляются единичные личности на этом поприще вроде Фридриха Великого или Бисмарка. Также плохо отзывалась на министерстве иностранных дел частая смена непосредственных начальников в лице статс-секретаря по иностранным делам. Со времени Бисмарка вошло в обычай, что канцлер, сохраняя влияние на внешнюю политику сам назначал и статс-секретаря, выбирая для этой должности человека, который бы вполне ему подчинялся. Признавая право канцлера на самостоятельный выбор своего самого важного сотрудника, я возлагаю и ответственность за вышеизложенное на него. Частая смена статс-секретарей вредила цельности политики и производила изъян, на который надо было обратить внимание.

В министерстве иностранных дел царил основное правило: „никаких столкновений с другими державами!“ „Surtout pas d'histoires!“ (никаких историй) заявил однажды какой-то французский генерал взбунтовавшейся компании. Один из статс-секретарей, на мой вопрос о его взгляде на одно очень серьезное обстоятельство, заметил: „Все должно снова притти в равновесие, министерство больше всего заботилось проводить в жизнь свое основное правило: мир во что бы то ни стало!“ После этого нельзя слишком удивляться ответу немецкого уполномоченного в одной из южно-американских республик, данному им одному немцу, который был ограблен и просил у него защиты: „Ах оставьте меня в покое, я только что достиг таких хороших отношений с республикой, вступаясь за вас, я их могу нарушить“. Разумеется как только я узнал об этом, я уволил этого господина.

И народ и войско относились с предупреждением к министерству иностранных дел. Много раз я поднимал с различными канцлерами вопрос об основательных реформах. Но все было напрасно. Каждый новый канцлер, если только он сам не служил раньше в министерстве, нуждался в нем в начале, чтобы лучше ознакомиться с политической работой. Это, конечно, требовало известного времени, а после этого он из благодарности не решался на серьезные реформы, да и не имел достаточно серьезной подготовки, боялся работать с другими.

Вернемся, однако, к Чингтау. Тут все было рассчитано на оживление торговли и промышленности и делалось совместно с Китаем, вплоть до китайского флота над таможенной. Развитие Чингтау шло настолько быстрыми шагами вперед, что незадолго до войны, мы видели это имя на шестом месте, сейчас же после Тзянзина, в длинном перечне важнейших китайских торговых центров. Немецкая торговая колония Чингтау была в полном расцвете и многие китайские капиталисты вложили в нее свои деньги. Она была для китайцев в некотором роде образцом немецких возможностей и немецкой трудоспособности для выбора и сравнения; до тех пор в Китае были незнакомы с нашей производительной способностью и производством; колония Чингтау была полной противоположностью русским и английским чисто военным, захваченным силой, морским базам.

Быстрый расцвет колонии вызвал зависть японцев и англичан, хотя последние, убегая от жары Конгконга, Кантона и Шанхая, каждое лето целыми семействами посещали чудный берег с дивным прохладным климатом и прекрасными отелями и предавались игре в поло и лаун-тенису. Только зависть руководила англичанами, когда в 1914 году они предложили Японии немедленно занять колонию, хотя фактически Чингтау принадлежала Китаю, а у Японии с Америкой было условие, без согласия Соединенных Штатов не трогать владений Китая, который с трудом после долгих переговоров и только в 1922 году получил свою собственность обратно. Таким образом торговая зависть англичан уничтожила большое немецкое культурное здание, которое служило на чужбине ярким показателем высоты нашей немецкой культуры. И когда придет время и подобное же произойдет с Гонгконгом, Англия хотя и слишком поздно, раскается и будет горько сожалеть, что отступила от своего основного правила—„Белые вместе против цветных“. Когда Япония, преследуя свою цель „Азия для азиатов“, приобретет могущественное влияние в Китае и Индии, то Англии придется пожалеть о Германии и германском флоте.

Я имел по поводу „желтой опасности“ следующий разговор, с царем при свидании (вскоре после русско-японской кампании). Царь, находясь в тот момент под впечатлением возрастающего могущества Японии и возможных последствий от этого для России и Европы, выразил желание выслушать мое мнение по этому поводу. Если Россия причисляет себя к культурным нациям Европы, она обязана быть готова взять на себя защиту последней от „желтой опасности“ и, действуя за одно с нею, бороться за наше общее существование.

и культуру. Если же русские считают себя азиатами, то они конечно соединятся с ними и вместе обрушатся на Европу. Сообразно одному из этих планов, царь должен озаботиться расположением своей армии и обороны страны. На вопрос царя, что я ожидаю со стороны русских, я ответил: „Второго“. Царь рассердился и пожелал знать, на чем я основываю мое мнение. Я ответил: на основании постройки железных дорог и на построении войск на прусско-австрийской границе.—На это царь высказал горячий протест: он и его семья—европейцы и в его стране народ тяготеет к Европе и он считает вопросом чести охранить последнюю от желтого нашествия. Я на это заметил, что если он так думает, то его военные приготовления этому не соответствуют. Царь промолчал.

Во всяком случае я старался опасения царя о растущем могуществе Японии использовать в целях защиты Европы и европейской культуры. Россия с Японией первой разорвала свои сношения во время войны.

Многие умные японские люди будут сомневаться, стала ли Япония в последнюю войну на правильную позицию, и не лучше ли было для их страны помешать возникновению мировой войны. Это было в ее власти, стоило только определенно стать на сторону Германии и Австрии, на сторону стран, от которых она столькому научилась. Если бы японская внешняя политика во—время приняла мирное направление и так же, как Германия, старалась бы мирными путями бороться за свое существование, я с удовольствием отбросил бы „желтую опасность“ и искренно приветствовал бы „восточных Пруссаков“ в кругу мирных наций.

Никто более меня не жалеет, что „желтая опасность“ не потеряла своего смысла при кризисе 1914 года. Но надо надеяться, что война научила кое-чему Японию и она изменит свое поведение. Выступление Германии, совместно с Россией и Францией, против условий мира, заключенного между Китаем и Японией в 1895 году, диктовалось лишь политическим положением Германии в Европе. Заключенная между Россией и, непрерывно усиливающей свои пограничные укрепления, Францией, Германия со страхом взирала на будущее. Вооружение обеих наций в то время было гораздо лучше нашего и флот их состоял из новых хорошо вооруженных судов, тогда как Германия имела лишь несколько негодных старых кораблей. Поэтому казалось умнее согласиться на их предложение и пойти с ними, а не ждать пока эта сильная группа заручится согласием Англии, что случилось бы в случае нашего отказа и повело

бы уже тогда к комбинации 1914 года, направленной против Германии, и чего в тот момент Германия, в виду своей неподготовленности, не могла допустить. Япония и так уже в тот момент склоняла свои симпатии к Англии. Совместное выступление с Россией и Францией на дальнем востоке давало некоторую надежду и в Европе разрядить атмосферу и создать более дружественные отношения с обоими соседями. Мы и тогда, как и всегда, хлопотали лишь об общем мире.

В вопросе о Кио-Чао князь Гогенлоэ, несмотря на свой возраст выказал много последовательности и решительности, которые были очень ценны. Но, посылая известную депешу Крюгеру, он, повидимому, потерял свою осмотрительность и ясный взгляд, иначе нельзя объяснить той настойчивости, которую он проявил при этом. В этом сильно сказалось влияние речи блестящего энергичного оратора Маршала, тогдашнего государственного прокурора, а также нашептывание Гольтштейна, внушению которых и подчинился князь. Во всяком случае он этим оказал плохую услугу своей родине, а мне повредил и в Англии и в отечестве.

Эта телеграмма Крюгеру вызвала вокруг себя столько толков и имела такие политические последствия, что я считаю необходимым описать здесь эту историю.

Набег Джонсона произвел в Германии большое волнение. Немецкий народ возмутился на такое насилие над маленькой нацией, нидерландского, следовательно—саксонско-немецкого происхождения, и к которой мы питаем родственно-братские чувства и большую симпатию. Мне это пылкое возбуждение, распространившееся на самые высшие круги обществ, принесло не мало забот, так как могло вызвать осложнение с Англией. Я был того мнения, что мешать Англии в завоевании Бурской республики не следует, хотя и считал этот факт большой несправедливостью. Но я не имел права поддаваться своему внутреннему внушению, хотя эту мою позицию осуждали даже мои ближайшие друзья.

Однажды, когда я обсуждал какой-то вопрос с моим дядей-канцлером у него в доме, в присутствии морского статс-секретаря адмирала Хольмана, появился очень взволнованный статс-секретарь Фридрих Маршалль с листом бумаги в руке. Он объяснил, что возбуждение в обществе и даже в рейхстаге настолько возросло, что ему надо дать какой-нибудь выход и что лучше всего этого можно достигнуть, послав Крюгеру телеграмму, черновик которой и был у него в руках. Я протестовал и адмирал Хольман меня поддерживал.

Канцлер отнесся к вопросу довольно пассивно. Я, зная полное непонимание министерством иностранных дел и Маршалом в частности английской психологии, постарался указать ему на те последствия которые вызовет подобный шаг с нашей стороны,—адмирал Хольман и в этом был со мной согласен. Но Маршала нельзя было убедить.

Наконец, канцлер начал говорить и заметил, что я, как конституционный монарх, не имею права идти против сознания народа и против моих законных советников. Иначе создается опасность, что возмущение задетого немецкого народа, вызванное чувством справедливости, к которому он всецело присоединяется, слишком разрастется и может направиться против меня лично. Уже и так в народе говорят: Император—полуангличанин и питает к Англии тайные симпатии, он находится под влиянием своей бабки, королевы Виктории, это, наконец, должно прекратиться, император должен сбросить английскую опеку и т. д. Поэтому на обязанности его канцлера, лежит необходимость действовать как в интересах политических, так и в интересах моих отношений к народу, и он, признавал мои доводы правильными, все-таки настаивает на посылке телеграммы за моей подписью. Последствия, могущие возникнуть и самую телеграмму, он и Маршаль, как мои полномочные советники, берут на себя.

Адмирал Хольман, к которому канцлер обратился с просьбой высказать свое мнение и присоединиться к его просьбе, отклонил это и заметил: „Англо-саксы посылку телеграммы отнесут на счет его величества, так как никогда не поверят, чтобы старый канцлер мог посоветовать прибегнуть к такому вызову. Она всецело будет приписана „необдуманности“ „молодого“ императора“.

Я еще раз попробовал уговорить канцлера отказаться от этого плана. Но канцлер и Маршаль настаивали на необходимости посылки, принимая всю ответственность на себя. Наконец их доводы убедили меня и я подписал.

Адмирал Хольман, незадолго до своей смерти, напомнил мне это происшествие, во всех его деталях.

Тогдашний представитель „Таймса“, сэр Широу, рассказывает на страницах этой газеты 11 сентября 1920 года, что Маршаль, непосредственно после посылки телеграммы виделся с ним и объяснил, что депеша не выражает личного взгляда императора, а является „государственным шагом“, за которым ответственность несут он и канцлер. Как я и предвидел опубликование телеграммы вызвало возмущение в Англии. Из всех кругов Англии посыпались на меня

целым потоком письма, полные упреков и даже брани и личных оскорблений. Особенно отличались дамы высшего общества—знакомые и незнакомые. Печать разразилась нападками и клеветами, и уже ничем нельзя было поколебать легенду о происхождении телеграммы. Если бы Маршалль потрудился сказать всю правду сэру Широлю, а также дал бы правильное освещение факта в Рейхстаге, я не пострадал бы так сильно в этой истории.

В феврале 1900 года во время бурской войны, когда я находился в Вильгельмсгафене по случаю привода рекрутов к присяге и морских маневров, получил я телеграмму с предложением со стороны России и Франции напасть врасплох на Англию и лишить ее возможности морского сообщения с театром войны. Я протестовал и категорически отказал в содействии.

Так как я прекрасно знал, что русское и французское правительства постараются убедить Англию, что это предложение исходило из Берлина, я сейчас же телеграфировал королеве Виктории и принцу Уэльскому о полученном предложении и о моем отказе. В своем ответе королева высказала мне сердечную благодарность, а принц Уэльский свое изумление. Позднее королева тайно довела до моего сведения, что, вскоре после моей телеграммы, в Лондоне в самом деле было получено из Парижа и Петербурга предвиденное мною сообщение, и что она была счастлива, имея возможность на основании моей телеграммы открыть своему правительству всю интригу и доказать лояльность Германии; она никогда не забудет моей услуги и дружеского отношения к Англии в тяжелый момент.

Я принял предложение Сесиль Родса провести железную дорогу и телеграф из Капа в Каир через внутренние немецкие восточно-африканские колонии. Канцлер и министерство иностранных дел были также со мной согласны. Условием мы поставили проведение железнодорожной ветви на Табора, а также употребление исключительно немецких материалов на немецкой территории. Родс был благодарен, что с помощью Германии близится к осуществлению его мечта, так как только что перед этим король Леопольд бельгийский отклонил его предложение.

Родсу очень нравился Берлин и его могучие сооружения, он очень часто посещал заводы и фабрики и сожалел, что раньше не был в Берлине и не знал всех сил и способностей Германии. Ему очень хотелось бы войти в более близкие сношения с правительством и руководителями торговли и промышленности. Он думал посетить Берлин сейчас же после набега Джонсона, но задержался в

Лондоне. Если бы он догадался раньше заручиться согласием Германии на проведение железной дороги Кап—Каир через немецкие колонии, то вероятно не было бы бурской войны, так как Германия могла бы уговорить Крюгера не противиться ее проведению, и знаменитая телеграмма не была бы послана. Он прибавил: „Телеграмма имела основание быть посланной! сам он не ставит мне ее в вину: Так как в Германии не могли знать истинных причин наступления Англии, то и считали это наступление просто разбойничьим набегом и, понятно, имели полное право глубоко им возмущаться. Он хотел бы только иметь у буров такую полосу земли для железной дороги, какую ему сейчас уступила Германия в своих владениях, это нельзя считать несправедливым требованием и Германия наверно поддержала бы его. Я не должен слишком мучиться из-за телеграммы и обращать внимание на вопли английской прессы“. Родс не подозревал истинного происхождения депеши и, считая что я ее виновник, хотел меня успокоить.

Родс предложил мне еще постройку Багдадской железной дороги и произвести работы по орошению Месопотамии. Он считал эти два дела задачей Германии, как своей считал—проведение железной дороги из Каира в Кап. Так как одним из условий нашего согласия на проведение этой линии было уступка нам островов Самоа, то Родс усиленно хлопотал об этом в Лондоне.

Во внешней политике князь Гогенлоэ был слишком мягок, что не всегда было полезно для всей системы. С Ватиканом он, благодаря старому знакомству с Хертлингом, установил прекрасные отношения. Он перенес свою мягкость и осмотрительность и на имперские области, к которым питал особый интерес, но он получил за это плохую награду, так как французская партия, косвенно этим поощряемая, делалась все кичливее. Князь Гогенлоэ считал лучшим средством в политике посредничество, полюбовную сделку и соглашение, так же и относительно социалистов он предпочитал мягкие меры, хотя часто жесткий прием был более уместен.

Он приветствовал мое решение поехать в Стамбул и Иерусалим. Он радовался турецким чествованиям и считал соглашение насчет постройки Багдадской железной дороги большой победой немецкой культуры.

Он также горячо одобрил мою поездку в Лондон в 1899 году, предпринятую мною совместно с женой и двумя сыновьями, вызванную горячим желанием стареющей бабушки видеть еще раз своего старшего внука. Канцлер надеялся этой поездкой немного ослабить

впечатление пресловутой крюгеровской депеши, а также выяснить некоторые важные вопросы в беседах с английскими государственными деятелями.

Королева, опасаясь какой-нибудь неприличной выходки со стороны английской прессы, которая была в то время очень враждебно настроена из-за нападок германских газет на Англию, обратилась к автору „Life of the Prince Consort“, сэру Мартину, с просьбой довести до сведения английской прессы желание королевы чтобы ее внук был встречен приветливо и достойно. Поэтому мое посещение сошло гладко во всех отношениях. Кроме того, я имел возможность побеседовать с наиболее выдающимися людьми Англии.

О телеграмме к Крюгеру не было и речи во все время визита. Королева не скрывает от меня, как несимпатична ей лично война с бурами. Она не делала никакой тайны из своего неудовольствия и отрицательного отношения к Чемберлену и еще раз поблагодарила меня за мой резкий отказ на приглашение России и Франции. Ясно видно было, что королева горячо любит свою армию, и что отступление ее и вознаграждаемые потери приносят ей много горя. Старый фельдмаршал, герцог Кембриджский, выразился очень красиво по этому поводу: „Английские аристократы и офицеры доказали, что они умеют умирать с честью“.

При прощании королева поручила мне передать горячий привет ее уважаемому двоюродному брату, князю Гогенлоу, ум и знание которого, она надеется, создадут хорошие отношения между обоими государствами.

Успех моей поездки во всех отношениях удовлетворил канцлера, хотя часть прессы и многие возмущенные „друзья буров“ обрушились на меня за нее с упреками.

Немцам не хватает той политической самодисциплины, которая присуща английскому народу: когда разражается битва, хотя бы только дипломатическая, англичанин без разговоров следует за знаменем. Английская поговорка гласит: „Жюкея не меняют во время скачки“.

Осенью 1900 князь Гогенлоу оставил пост имперского канцлера, его престарелый возраст давал себя чувствовать. Так же и вечная перебранка и борьба партий была ему неприятна и ему казалось тяжело говорить перед ними в рейхстаге. Пресса тоже была слишком распушена и, приводя часто бисмарковские слова, думала, что охраняет мнимые бисмарковские идеалы; эта распушенность очень повредила нашим отношениям с Англией во время бурской войны.

Надежда при назначении князя Гогенлоэ канцлером, что князь Бисмарк не будет ему слишком сильно противодействовать, не оправдалась. Правда, мое примирение с Бисмарком, подчеркнутое его торжественным въездом в Берлин и приемом в старом замке Гогенцоллернов, разрядило до некоторой степени атмосферу и настроило мягче самого князя, но его близкие не хотели оставить своей трави. С другой стороны, во время моего посещения в Фридрахсруэ в день 80-летия Бисмарка, народные представители готовы были присягнуть ему в верности. Это, конечно, не могло не обидеть тонкого и деликатного князя Гогенлоэ. Смерть его могущественного предшественника сильно опечалила меня и Гогенлоэ, и мы вместе с народом оплакивали великого сына Германии, хотя иногда он и затруднял нашу работу.

Я поспешил вернуться из моей северной поездки, чтобы отдать последний долг тому, кто был верным слугой моего старого деда, соединил воедино немецкий народ и под руководством которого я, принцем, начал мою государственную работу. Князя Гогенлоэ, между прочим, уговаривал выйти в отставку его сын Александр, он в обществе был известен под названием „кронпринца“ и очень отличался от своего любезного отца.

Князь Гогенлоэ оставил после себя целый ряд деяний: победу в борьбе за гражданское уложение, реформу наказаний за военные преступления, морской закон, самую первенствующую роль Вальдерзее при подавлении боксерского восстания в Китае, Чинтау и договор с Англией относительно Китая.

Он простился со мной 15 октября 1900 года. Мы оба были расстроганы. Я расставался не только с канцлером, со своим верным сотрудником, — меня покидал дядя, к которому я чувствовал глубокое уважение, и который, несмотря на свои 75 лет, не поколебался последовать призыву своего императора и неустанно работал, посвятив все свое время и все свои силы на пользу отечества. Уходя, он еще раз схватил мою руку и высказал просьбу, чтобы я осчастливил его последние годы, которые он намерен провести в Берлине, такой же дружбой, какая меня соединяла с адмиралом Хольманом и к которой он часто восхищался. Я навсегда сохранил о нем добрую память.

Б Ю Л О В.

Преемником князя Гогенлоэ я назначил графа Бюлова, бывшего в то время министром иностранных дел. Это назначение было вызвано большой эрудицией графа в вопросах внешней политики, а также глубоким пониманием англо-немецких отношений. Кроме того, он был прекрасным оратором и умел искусно парировать партийные выпады в рейхстаге, чего к большому вреду общего дела не хватало его предшественнику.

Когда союзный совет узнал об отставке Гогенлоэ, то баварский представитель, граф Лерхенфельд, посоветовал мне не без колкости, ни в каком случае не приглашать на этот пост южно-германца. Последние не годятся на этот пост в Берлине, тогда как северный немец прекрасно справится с всеми трудностями, следовательно, ради блага империи, надо отдать предпочтение северянину.

Бюлова я знал лично еще римским послом, а также позднее— министром иностранных дел; я уже тогда довольно часто посещал его дом и вел с ним продолжительные беседы в его саду. Ближе я познакомился с ним во время моей поездки на восток, в которой он меня сопровождал. С его и посланника в Турции, Маршала, помощью я вошел тогда в сношение со многими турецкими руководителями государственными деятелями. Таким образом, наши отношения были уже твердо установлены, а так как нам пришлось в продолжение многих лет толковать о политических задачах и нуждах, то и эта сторона была между нами выяснена. Кроме того, он по годам больше подходил ко мне, чем его старые предшественники, которые годились мне в деды. Он был первый молодой канцлер в Германии. Это служило к большому облегчению нашей совместной работы.

Когда двор проводил время в Берлине, я почти каждый день по утрам делал продолжительные прогулки в сопровождении Бюлова в парке дворца рейхс-канцлера; во время этих прогулок я выслушивал его доклады и мы совместно обсуждали текущие дела. Часто я обедал у него и встречал за столом целый ряд интересных собе-

седников, в выборе которых граф был большой мастер. Сам граф был выдающимся и интересным собеседником, всегда находившим неисчерпаемые темы для разговоров. Мне было приятно проводить время в непринужденной, простой беседе с профессорами, учеными, художниками и вступать иногда с ними в спор по различным вопросам. Граф великолепно рассказывал анекдоты и в совершенстве передавал их на разных языках. Рассказывал он также многое из своей жизни и дипломатической деятельности, особенно любил он рассказывать о времени, проведенном в Петербурге.

Отец графа, близкий к Бисмарку, был его ближайшим сотрудником. Молодой Бюлов тоже начал свою карьеру при великом канцлере. Хотя он был воспитан в идеях и идеалах Бисмарка, но не следовал им слепо.

В одном из первых наших разговоров после назначения Бюлова, он пожелал узнать мое мнение насчет отношений с Англией и какой метод я считаю наиболее правильным в сношениях с нею. Я сказал, что, по моему мнению, лучшей системой относительно Англии я считаю полную откровенность. Откровенность англичан при защите своих интересов иногда доходит до грубости, поэтому они прекрасно понимают, если и им отвечают тем же. Но лукавить и хитрить с англичанами не следует, это возможно лишь с романскими и славянскими народностями—англичанин сейчас же делается недоверчивым и подозревает, что его хотят провести. Если же у него явится подозрение, то с ним никакими уступками, никакими прекрасными словами ничего не поделаешь. Поэтому я советовал канцлеру применять в отношении Англии систему откровенных действий. Я высказал свой совет с некоторым ударением, так как знал, что гибкой натуре дипломата свойственно некоторое лукавство. При этой же беседе я воспользовался случаем предостеречь канцлера против господина Гольштейна. Несмотря на мое предостережение,—которое было лишь повторением полученного мною когда-то от Бисмарка, Бюлову пришлось много сотрудничать с Гольштейном. Этот странный господин приобрел в министерстве большое влияние, особенно со времени ухода Бисмарка, когда первое время министерство чувствовало себя как бы осиротелым, и работая с тремя канцлерами, сумел настолько его укрепить, что считался незаменимым. Гольштейн был очень умен, обладал громадной памятью и был способен к дипломатическим комбинациям. В широких кругах его считали „носителем традиций Бисмарка“, которые он отстаивал перед „молодым монархом“, этому он и обязан своим авторитетом. Значе-

ние этого человека больше всего зависело от его основательного знания личного состава министерства. Имея влияние на все назначения, он держал в руках молодых чиновников, ищущих карьеры, и сам достиг в министерстве высокого назначения. Но он стремился иметь постоянное влияние на внешнюю политику и сделался *spiritus rector* министерства и внешней политики.

Свое влияние он старался использовать за кулисами и, всегда давая совет, умел уклониться от ответственности; такое поведение невольно наводило на некоторое размышление. Предпочитая оставаться и действовать в тени, он отказывался от ответственных мест, одно из которых всегда мог получить, также не желал он чинов и повышений. Жил он очень уединенно. Мне очень хотелось лично с ним познакомиться, с этой целью я иногда велел посылать ему приглашения на обеды, но все мои попытки разбивались о его нежелание показаться в обществе. За многие годы он единственный раз присутствовал вместе со мной на обеде в министерстве иностранных дел. Очень характерно для него, что, в то время как все присутствующие были во фраках, он явился в сюртуке и извиняясь заметил: „У него нет фрака“. Таинственность, в которую он облакал свое влияние, проявлялась отчасти и в его докладных записках. Они, правда, говорили о его уме и ловкости, но всегда имели двойной смысл подобно Дельфийскому оракулу. Если, на основании такой записки, делали какое-нибудь заключение, Гольштейн заявлял, что, докладывая, он старался доказать как раз обратное тому, что было вычитано.

Мне не нравилось это закулисное влияние лица, которое было безответственно за свои советы и часто действовало в обход своих начальников. Много раз мне пришлось слышать от иностранных представителей в ответ на мое предложение решить какой-нибудь возникший политический вопрос с моим министром:—*J'en parlerai avec mon ami Holstein* (я переговорю об этом с моим другом Гольштейном). Уж одно то, что простой чиновник министерства обсуждает вопросы с иностранными представителями помимо своего начальства, казалось мне неправильным, но то, что он был с этими представителями на короткой дружеской ноге, было совершенно недопустимо.

Дело дошло до того, что Гольштейн буквально стал самым видным лицом в министерстве иностранных дел и самостоятельно решал важные вопросы. Он еще подчинялся канцлеру,—что-же думает или говорит император было ему безразлично. При положительных ре-

зультатах слава была на стороне министерства, если же что-нибудь шло в разрез с желанием правительства, виноват был „молодой пылкий император“. Бюлов долго считал Гольштейна незаменимым и продолжительное время работал с ним, но, наконец, гнет этого неприятного человека стал ему невыносим. Министр иностранных дел Щирский положил конец такому невероятному положению. На докладе он мне объявил, что не может более держать Гольштейна в министерстве, так как он вносит смуту среди служащих, совершенно игнорирует и, видимо, желает устранить его, Щирского, и даже делает массу неприятностей канцлеру. Я приказал Щирскому озаботиться отставкой Гольштейна. В то время канцлер был серьезно болен, когда же он оправился, то тоже охотно согласился отпустить этого неприятного господина. Гольштейн сам дал себе должную оценку, примкнув тотчас же после своей отставки к партии Гардена, начавшей свою открытую борьбу против императора.

1901 год дал графу Бюлову возможность испытать и показать себя в сношениях с Англией. Бюлов все время придерживался правила князя Бисмарка — сохраняя лучшие отношения с другими государствами, никогда не разрывая дружбы с Россией.

Среди торжеств празднования 200-летнего юбилея дома Гогенцоллернов меня вызвали тревожной телеграммой в Лондон к больной королеве Виктории. Я поспешил к умирающей бабке и выехал в Лондон вместе с дядей, герцогом Коннаутским, любимым сыном королевы и моим лучшим другом, который был ее представителем на берлинских торжествах. Меня встретил в Лондоне сердечный прием со стороны принца Уэльского и всей королевской семьи.

Когда коляска, в которой сидел я с принцем, шагом выезжала из станционного двора, из густой безмолвной толпы выступил высокий человек, приблизился вплотную к экипажу, снял шляпу и сказал: „Thank you, Kaiser!“ (Спасибо император). Принц Уэльский, будущий король Эдуард VII, заметил: „That is what they all think, every one of them, and they will never forget this coming of yours“. (Они все так думают в народе и всегда будут помнить, что ты явился). Однако, они это забыли и даже довольно скоро.

Смертью королевы, тихо угасшей на моих руках, как-бы закончились мои молодые годы. Эта смерть заканчивала целый период истории и должна была повлиять на англо-германские отношения. Из моего общения с государственными деятелями я вынес впечатление хорошего отношения к Германии; многие явно выражали свое дружеское расположение к ней. На прощальном банкете король

Эдуард VII и я, совершенно неподготовленные, произнесли сердечные речи, произведшие на присутствующих громадное впечатление. После банкета английский посол в Германии пожал мне руку и сказал: „Ваша речь придется по душе моим соотечественникам, она была искренна и правдива, что очень ценят англичане. Она должна быть тотчас же опубликована и вызовет сочувствие во всей стране“. Я ответил, что это решать—дело короля и правительства; лично я ничего не имею против огласки. Но речи не были опубликованы и английский народ не узнал моих чувств и моих мыслей. Этот же самый посол как-то, уже в Берлине, высказал по этому поводу глубокое сожаление и удивление, но не привел мне никаких причин, почему это так случилось.

Заканчивая этот маленький обзор моего путешествия в Англии, я должен заметить, что части немецкой прессы не хватило такта достойно отнестись к горю народа и королевской семьи, это испортило мне некоторые политические предположения и повредило моим семейным отношениям.

По приезде, я немедленно познакомил канцлера с моими впечатлениями и заметил, что, по моему настроению Англии благоприятствует взаимному пониманию. Бюлов был очень доволен результатами поездки. Обсуждая положение вещей, мы пришли к убеждению, что наступил момент попробовать заключить соглашение с Англией, на союз, который я, конечно, предпочел бы, нельзя было еще рассчитывать.

В конце концов и соглашение могло впоследствии перейти в союз. Скоро представился удобный случай к заключению такого соглашения. Во время моего весеннего пребывания в Гамбурге, князь Меттерних, который находился при мне в качестве представителя иностранных дел, доложил, что в Берлине получен запрос Чемберлена—не согласится ли Германия заключить с Англией союз. Я тотчас же спросил: „Против кого?“, так как прекрасно знал, что если Англия среди полного общего мира, предлагает союз, то, значит, у нее явилась нужда в немецкой армии. Поэтому важно было знать, против кого будет направлена наша армия ради пользы Англии. Из Лондона ответили: „Против России, так как Англия опасается за Индию и Стамбул“.

Я указал Лондону на традиционную дружбу Германии с Россией, а также на близкое родство царствующих домов.

Кроме того, поставил на вид всю трудность войны на два фронта, так как нельзя было сомневаться, на чьей стороне будет Франция.

Я напомнил, что мы только что выступили совместно с Францией и Россией на Дальнем Востоке, и что, положительно, у Германии не находится достаточно серьезной причины, чтобы среди полного мира и тишины принудить Россию к военным действиям. Русская армия мирного времени очень велика и на прусско-русской границе выставлены со стороны России большие силы. В случае нападения на нашу восточную границу, Англия не в состоянии будет оказать нам нужную помощь, так как ее флот не может многого сделать в Балтийском море, а в Черное он не имеет права входить. Не считая опасности со стороны Франции, Германия должна будет одна нести всю тяжесть войны с Россией. Чемберлен ответил, что союз будет обязывать Англию подать помощь Германии.

Я также поставил на вид, что союз может быть заключен лишь с согласия английского парламента. И так как по воле народа, выразителем которой является парламент, министерство может пасть, подпись его будет таким образом аннулирована и союз не состоится. Пока мы можем смотреть на предложение Чемберлена лишь как на его личное желание.

Чемберлен ответил, что он добьется согласия парламента, только бы договор был подписан со стороны Германии. Но до подписи не дошло, так как парламент отказал в своей согласии, и весь план рушился. Вскоре Англия заключила союз с Японией, и когда разгорелась русско-японская война, то Япония исполнила роль, ранее предназначавшуюся Германии, что, правда соответствовало ее планам и намерениям. Россия была отброшена с Дальнего Востока и, не имея больше возможности распространять свое влияние и власть на Китай,—неволью обратила снова свои взоры на Балканы, Константинополь и Индии, таким образом, развязала руки Японии относительно Кореи и Китая.

В 1905 году предпринял я поездку в Танжер, почти против своего желания. Произошло это следующим образом. В конце марта я пожелал для поправления здоровья отправиться в Средиземное море, для чего был приспособлен пароход „Гамбург“. В поездку я пригласил целый ряд лиц: меня сопровождали тайный советник Альтюф, адмирал Мензин, граф Пиклер, Фарнбюлер, профессор Шиман, адмирал Хольман и многие другие.

Когда поездка была решена, Бюлов доложил мне о желании Португальского двора приветствовать меня в Лиссабоне; я согласился на это посещение. Незадолго до отъезда, Бюлов предложил мне заехать в Танжер и посещением этой Марокканской гавани

укрепить положение султана в глазах французов. Я отказался последовать этому предложению Бюлова, так как, находя, что вопрос о Марокко очень щекотлив и представляет слишком много опасности, считал, что мой визит вместо пользы может принести вред. Но Бюлов не раз еще возвращался к обсуждению этого посещения, хотя никак не мог убедить меня в его целесообразности и необходимости.

Во время поездки я несколько раз обсуждал возможность посещения Танжера с представителем министерства иностранных дел Шеном, и мы пришли к убеждению, что оно было бы политической ошибкой. Из Лиссабона я телеграфировал в этом смысле канцлеру. Бюлов ответил настойчивой просьбой согласиться на визит, прибавляя, что народ и рейхстаг ожидают его и я ответственен перед ними за мой отказ; необходимо во что-бы то ни стало посетить Танжер.

С тяжелым сердцем уступил я, наконец, настояниям канцлера. Я опасался, что Париж может принять этот визит за провокацию, а Англия найдет в нем повод поддержать Францию в случае войны. Так как я подозревал Делькассе в намерении вызвать войну на почве вопроса о Марокко, то я и боялся, что мой визит в Танжер может дать ему благоприятный к тому повод.

Неприятное для меня посещение имело местом рейд Танжера, при чем дело не обошлось без благосклонного участия итальянских и южно-французских анархистов, мошенников и бродяг. На маленькой площади стояла толпа кричащих испанцев с флагами; охранный агент сказал, что это были испанские анархисты.

Первое доказательство несвоевременности моего визита в Танжер получил я при проезде Гибралтара, где я был слишком официально и холодно встречен англичанами. Эта неприветливая встреча очень отличалась от сделанной мне годом ранее. Случилось то, что я предвидел. В Париже рвали и метали. Делькассе старался разжечь общественное мнение и вызвать войну; но к счастью, ему это не удалось, так как морской и военный министры заявили, что Франция не готова к войне. Правильность моих опасений подтвердил напечатанный в „Голуа“ разговор Делькассе с редактором этой газеты, в котором министр объяснил удивленному миру, что, в случае войны, Англия выступила бы на стороне Франции. Таким образом этот навязанный мне поступок едва не сделался причиной всемирной войны, вина за которую могла лечь на меня. Конституционным монархам часто приходится нести ответственность за чужие поступки и решения.

В октябре 1905 года Делькассе заявил в совете министров, что Англия предложила высадить 100.000 человек в Гольштинии и занять канал императора Вильгельма. Это английское предложение было повторено и высказано желание его оформить письменно. Известный депутат, социалист Жорес, убитый в начале войны 1914 года, знал заранее опубликованное в „Matin“ заявление Делькассе.

Падению Делькассе и замене его Рувье способствовал отчасти князь Монако. Во время недели кильских спортивных празднеств, князь из разговоров со мной и канцлером вынес убеждение в искренности нашего желания прийти к полюбовному соглашению с Францией и иметь возможность завязать с ней добрососедские отношения. Князь был другом немецкого посла в Париже Радолина и искренно старался о сближении Германии с Францией. Князь Монако был тоже того мнения, что политика Делькассе угрожает общему миру, но надеялся на его скорое падение. Если портфель получит Рувье, то легче будет добиться сближения, так как это очень серьезный политик, отнюдь не настроенный враждебно против Германии. Князь очень хорош с Рувье и изъявил желание помочь Радолину в его переговорах с министром.

Делькассе пал и министром был назначен Рувье. Я сейчас же постарался использовать это обстоятельство и предложил канцлеру начать выработать проект „сближения“ с Францией. Радолин приехал в Берлин за инструкциями, и я еще раз предложил ему, не теряя времени, воспользоваться хорошим отношением Рувье, пока он у власти, обсудить с ним все наиболее серьезные вопросы и постараться устранить все возможности конфликта. Советы Князя Монако, хорошо знавшего Рувье, должны были служить ему руководством и большою помощью в этих переговорах. Радолин с радостью согласился постараться довести возникающие переговоры до „соглашения“.

В начале переговоры приняли очень благоприятное направление, и я уже надеялся, что столь желанная цель будет достигнута и неприятное впечатление Танжерского посещения сгладится. Но в это время еще продолжалось совещание о Марокко, которое после больших усилий окончилось на основании циркуляра Радолина созывом Алжирской конференции; это было доказательством, что статья № 17 Мадридской конвенции, говорящая о покровительстве держав, остается в силе, и что желательные Франции реформы могут быть проведены лишь с согласия всех подписавших этот договор держав. Мадридский договор о Марокко был подписан в 1880 году и представлял суве-

ренитет Германии и Франции. В 1890 году закончен торговый договор между Германией и Марокко. В 1900 году — соглашение Франции с Италией, последней предоставляется Триполи, а она признает права Франции над Марокко. В 1901 году Германия отклоняет предложение Англии выступить совместно против протектората Франции. В 1904 году франко-английское соглашение, приведшее к протекторату Англии над Египтом и Франции над Марокко. В 1904 года — тайный франко-испанский договор, по которому Испания принимает участие в делах Марокко. В 1905 году путешествие в Танжер императора Вильгельма и приписанное императору желание независимости для Марокко. В 1905 — Германия предлагает созвать международную конференцию. В 1906 году — Алжирская конференция при участии 12 держав. Ее созыв был унижением Франции, ей не удалось отстранить Германию от влияния в Марокко. Результаты конференции: признание независимости Марокко и принцип открытых дверей, на самом же деле замаскированный протекторат Франции, так как ей предоставлено право невооруженного влияния. В 1909 году — соглашение Германии с Францией, по которому первой предоставляется право торговли, а за последней признаются права политические. В 1911 году — посылка канонерской лодки „Пантера“ к берегам Алжира, в противовес захвата французами Феца. Событие произвело сильное волнение в Париже и едва не вызвало войны. В 1912 году Франция заключает договор с султаном Марокко, султан принимает протекторат Франции по Тунисскому образцу.

Из-за этих событий, привлечших всеобщее внимание, пришлось отложить на неопределенное время переговоры с Рувье.

Что касается внутренней политики, то я предложил канцлеру, главным образом, позаботиться об урегулировании отношений между партиями в рейхстаге, которые совсем испортились за время канцлерства Гогенлое, и постараться, чтобы консерваторы, ставшие из-за бисмарковской пропаганды в оппозицию, снова перешли на сторону правительства. Канцлер исполнил эту задачу, идя с великим терпением и настойчивостью к намеченной цели. Он добился, наконец, знаменитого „блока“, который явился следствием поражения социалистов на выборах.

В консервативной партии было много людей, имеющих прямое отношение ко дворцу и ко мне лично, поэтому эта партия лучше всякой другой была осведомлена о моих намерениях и политических планах и, еще задолго до внесения какого-нибудь проекта в рейхстаг, могла лично со мной его обсудить. Но у меня осталось впечатление,

что это положение было плохо использовано партией. Если бы я во время мог переговорить с представителями партии о некоторых проектах, как, например, по вопросу о проведении одного канала, необходимость которого опровергалась консерваторами, а также о постройке собора и Берлинской оперы, то мы, наверно, могли бы прийти к какому-нибудь соглашению.

Я, конечно, не скажу ничего нового, утверждая, что работа с консервативной партией была не легка. Большинство людей этой партии обладали государственными познаниями и собственным мнением о государственных делах и, придя к какому-нибудь убеждению, крепко и консервативно его держались. Из их рядов вышло много известных государственных деятелей, замечательных министров, блестящих офицеров и хороших чиновников, так что в сущности их самомнение имело основание. Их верность трону была незыблема. Король и отечество были им за это благодарны. Их слабая сторона заключалась в их излишнем консерватизме, они не считались с требованиями времени и не признавали прогресса, иногда даже прогресса собственной партии. Об этом говорит все их прошлое, но как раз во время моего правления началось то быстрое возвышение империи и развитие торговли и промышленности, ради которых я обязан был идти по пути прогресса и отсталость партии мешала мне единению с нею.

Если я, на основании приведенного, говорю, что не всегда было легко сговориться с консерваторами, то я знаю, что они держатся точно такого же мнения обо мне. Может быть, это зависело от того, что, несмотря на мои консервативные традиции, я все-таки не был партийным человеком.

Я стою за прогресс в консерватизме и считаю необходимым, сохраняя хорошее старое, отбрасывать все отжившее и заменять его новым. Во всяком случае при всех случавшихся переговорах и обсуждениях я принимал с большим терпением противоречия и переносил даже грубо высказанную правду лучше, чем об этом говорят. По этому вина нашего несогласия лежала на обеих сторонах. Я жалею только, что партийные деятели редко пользовались случаем обсудить предполагаемые вопросы наедине со мной. Я охотно шел на это. И если я не пошел вместе с ними в вопросе о канале, то они должны признать, что слова песенки: „наш король самодержавец, если творит—нашу волю“, были не про меня сказаны, и партия, ставящая так высоко королевское достоинство, должна была бы меня приветствовать, а не противодействовать мне. Они

должны были ценить, что против их основной идеи человеческого достоинства перед тронем я противопоставил свое королевское достоинство перед партией, что делал и буду делать и относительно каждой другой. Случайный разлад с консерваторами никогда не заставит меня забыть те услуги, которые члены этой партии не раз оказали моему дому, прусскому королевству и империи. Наконец, Бюлову удался фокус соединения консерваторов с либералами и таким образом обеспечение правительству большинства. Его способности, ловкость, государственное искусство и знание людей выявились при этом блестящим образом. Его заслуга в этом достижении громадна и приобрела ему благодарность и признательность как мои, так и со стороны народа; мое доверие к нему еще более увеличилось. Безграничный восторг охватил берлинцев после провала социал-демократов на выборах. Я никогда не забуду грандиозной ночной демонстрации перед дворцом, когда мой автомобиль едва пробирался в ликующей толпе. Громадная толпа заполонила сад и на шумные требования я и императрица вышли на балкон ответить на приветствия народа.

Канцлер присутствовал при посещении королем Эдуардом VII Киля в 1904 году. Среди гостей находился прежний обергофмейстер моей матери, императрицы Виктории, граф Секендорф. Он часто посещал Англию и был давно лично знаком королю Эдуарду VII, который питал к нему полное доверие. По инициативе Секендорфа произошел наедине разговор короля с канцлером.

Это случилось однажды в послеобеденное время на королевской английской яхте. На обеде присутствовали я и канцлер, и после обеда король с Бюловым долго сидели вдвоем, куря сигары. Бюлов доложил мне содержание беседы. После обсуждения предварительного заключения союза между Германией и Англией король объяснил, что этот союз совсем не нужен, так как нет никаких поводов для неприязненных отношений или разрыва. Этот отказ был доказательством английской политики „окружения Германии“, которая еще яснее выявилась и в очень неприятной форме при Алжирской конференции. Ярво выраженная на конференции тенденция действовать против Германии и на пользу Франции, была всецело делом короля Эдуарда, который лично дал инструкции своему представителю, сэру Мекензи Валласу.

Из откровенных бесед последнего со своими знакомыми ясно желание короля Эдуарда—поддерживать Францию и, по возможности, противодействовать Германии во всех ее начинаниях. На замечание,

что, ведь, и с Германией можно было бы притти к соглашению по некоторым вопросам и, может быть, даже сблизиться, сэр Мекензи ответил, что раньше нужно англо-русское соглашение, когда оно будет достигнуто, можно будет „устроиться“ и с Германией.

Мое отношение к канцлеру все это время было полно доверия и дружбы. Канцлер посетил и в том году спортивную неделю в Киле, где нашел возможность переговорить с князем Монако, а также с некоторыми видными французами, приехавшими с князем на его яхте; из последних особенно выделялся господин Жюль Рохе знаток бюджетов всех государств и большой почитатель Гете, носящий всегда в кармане „Фауста“.

В апреле 1906 года переутомленный канцлер внезапно заболел на заседании рейхстага. Я поспешил тотчас же туда и был рад узнать, что состояние здоровья Бюлова не внушает серьезных опасений. Летом Бюлов для поправления здоровья поселился на острове Нордерне, и я, во время инспектирования Гефоланде, посетил его в его вилле. Я провел с ним и его женой целый день на острове в приятных разговорах и был доволен окрепшим и загорелым видом канцлера.

Поздней осенью 1907 года я с императрицей посетили, по приглашению Эдуарда VII, Виндзор и были встречены с исключительной приветливостью всей королевской семьей. После Виндзора я посетил для поправления здоровья южный берег Англии и провел время в замке генерала Стюарт-Вортлея.

Канцлер был очень доволен приглашением меня в Виндзор и перед отъездом я подолгу и помногу беседовал с ним относительно средств достигнуть с Англией лучших отношений и Бюлов дал мне массу советов, как этого достигнуть. Я имел возможность использовать эти советы в разговорах со многими государственными деятелями Англии, и мои шифрованные телеграммы регулярно отправлялись в Берлин. Канцлер мне отвечал. Эти телеграммы я показывал моим приближенным, их читали обергофмаршал граф Эйленбург и князь Фирстенберг. По моем возвращении в Берлин я подробно изложил канцлеру результаты и впечатления моей поездки и он очень меня благодарил за то, что я взял на себя такой труд и что я так горячо старался улучшить отношения двух государств.

Через год на сцену явилось событие: так называемое „интервью“, опубликованное „Daily Telegraph“. Его целью—было улучшение англо-немецких отношений. Я передал через посредство г-на Иениша предложенный мне проект на просмотр канцлеру. Я сделал на нем свои

пометки и замечания и предложил вычеркнуть некоторые места, что, по недопустимой небрежности министерства иностранных дел, не было сделано. Пресса взволновалась. Канцлер, говоря в рейхстаге, очень слабо защищал задетого императора, я по правде ожидал другого. Он только заявил, что стремлению императора к личной политике он положит предел. Консервативная партия опубликовала в газетах открытое письмо к императору, его содержание известно.

Во время этих событий я проводил время в Экартэу у австрийского наследника Франца Фердинанда, а после посетил императора Франца Иосифа в Вене. Оба возмущались поведением канцлера. Из Вены я отправился на Дунай к князю Фюрстенбергу. В прессе подняли вопрос об обращении к нему с общей просьбой. Он, как честный человек, должен поговорить с императором и открыть его глаза на положение вищей.

Князь посоветовал мне собрать лежащую в архиве министерства иностранных дел всю переписку 1907 года между мною и канцлером и представить ее в рейхстаг.

Все эти обстоятельства очень тяжело отражались на мне. К этому еще прибавилось горе по поводу преждевременной смерти моего друга юности военного министра графа Хильфен-Хаезелер, который скончался при мне. В эти тяжелые дни меня поддерживала верная и нежная дружба князя Фюрстенберга и его семьи, а также известие и письма с родины, что часть общества и народа строго осуждает канцлера.

По возвращении домой я тотчас же имел свидание с канцлером, который прочел мне целую лекцию о моих политических грехах и потребовал подписи известного документа, который потом был опубликован. Я, также молча, подписал документ, как молча принимал все нападки прессы.

Поведение канцлера нанесло удар нашей дружбе и моему доверию к нему. Князь же Булов объяснил мне свое поведение, и даже говорил об этом в рейхстаге, как намерен наилучше послужить мне и делу, свою резкость он объяснил желанием предотвратить назревшее общее возмущение. Я не мог согласиться с таким объяснением, так как его выступление против меня в деле „Daily Telegraph“ не согласовалось с его уверениями. Я слишком привык к любезности графа, чтобы примириться с его новым поведением. Во всяком случае хорошим дружеским отношениям между нами наступил конец. Я поставил наши отношения на строго-официальную ногу и прекратил мои частые посещения семьи канцлера. Я хотел последовать совету князя Фюрстенберга и, переговорив с министром двора и

начальником кабинета, приказал министерству иностранных дел собрать всю переписку 1907 года между мною и канцлером и разобратить ее. Но из министерства ответили, что переписка затерялась.

В конце зимы канцлер попросил аудиенции. Я ходил с ним взад и вперед по картинной галлерее дворца, а со стен смотрели на нас мои предки; я был поражен, что канцлер снова возвращается к событиям осени 1908 года и старается объяснить и оправдать свое поведение. Я воспользовался случаем переговорить с ним о прошлом.

Откровенный разговор и удовлетворительные объяснения, данные князем, ослабили натянутость отношений. Результатом было продолжение его дружбы. Канцлер просил меня обедать у него вечером, чтобы прекратить все толки и показать, что между нами не нарушены хорошие отношения. Я согласился, и этот знаменательный день закончился вечером, проведенным в обществе обрадованной любезной княгини и живого умного князя. Этим примирением я хотел доказать, что я лично не слишком обидчив и, несмотря на затруднявшее меня поведение канцлера в рейхстаге, я никогда не могу забыть его великих заслуг перед родиной. Его ловкости и уменью я обязан предотвращением всемирной войны, которая могла разразиться как раз во время постройки нашего флота. Это доказало его большую силу.

После аудиенции министерство внутренних дел обратилось в правление консервативной партии с объяснением цели и результата свидания и предложило партии взять назад свое „открытое письмо“. Это предложение партия отвергла и только во время войны, в 1916 году, отчасти наладились мои отношения к партии и то благодаря присутствию в главной квартире одного видного деятеля партии.

Если консерваторы не все шли за монархом, то левые либералы, демократы и социалисты были раздражены до крайности и в их прессе началась настоящая оргия упреков и клевет, и все либеральные газеты требовали укрощения автократического, самодержавного духа и т. д. Это преследование продолжалось всю зиму, не находя никакого противодействия в высшем обществе.

Вскоре началось охлаждение между партиями и канцлером. Консерваторы отошли от либералов и блок получил трещину, а центр и социалисты привели его к полному уничтожению. Но с уничтожением блока пал и канцлер, так как, видя полное крушение своих стараний, он подал просьбу об отставке, предложив мне заменить его господином Бетманом. После долгих размышлений я, согласясь на отставку Бюлова, решил последовать его совету и назначил Бетмана пятым канцлером империи.

БЕТМАН.

С Бетманом-Гольвегом я еще в моей юности был знаком. В 1877 году, когда я первый раз отбывал свою воинскую повинность в качестве лейтенанта в первом гвардейском полку, этот полк квартировал в Хоенфинове, имении отца канцлера. Я вошел в их симпатичный семейный кружок, во главе которого стояла почтенная госпожа Бетман, швейцарка по происхождению, всегда приветливая и любезная. Впоследствии я довольно часто посещал старого господина Бетмана в Хоенфинове. Там я всегда встречал сына Бетмана, и ни я ни он не могли предполагать, что он когда-нибудь будет моим имперским канцлером. При моих посещениях я убедился в больших способностях и трудолюбии, а также в благородном симпатичном характере молодого человека. Эти качества не покидали его на всем его жизненном пути. Бетман служил в министерстве внутренних дел и, когда получил там место статс-секретаря, начальство часто посылало его своим представителем на заседания рейхстага.

Наша совместная работа очень скоро наладилась. Я и при Бетмане не оставил привычки видаться по возможности ежедневно с канцлером и, гуляя с ним в дворцовом саду, выслушивал его доклады и обсуждал политические и повседневные события. Я очень охотно посещал семью канцлера и очень любил и ценил его жену, она была типом настоящей благородной немецкой женщины и в ее присутствии всем было хорошо и уютно. При Бетмане также продолжались те маленькие вечерние собрания, на которых я так любил бывать у прежнего канцлера, и которые давали мне возможность встречаться на нейтральной почве с представителями различных кругов и профессий.

Везде, где только канцлер ни появлялся, он производил прекрасное впечатление своим уверенным спокойствием и приятным обращением. Все дружественные нам государства признавали его политическую твердость залогом общего мира, к которому он, подобно мне, неустанно стремился.

Во внешней политике его очень беспокоили англо-немецкие отношения; после Ревельского свидания в 1908 году царя Николая с Эдуардом VII, нескрываемое более стремление последнего окружать со всех сторон Германию врагами, гораздо больше заботило канцлера, чем желание реванша французов и ненадежность России. Выяснилось также, что в случае войны трудно рассчитывать на Италию,—пропаганда французского посла в Риме имела там полный успех.

При вступлении Бетмана на пост канцлера политический горизонт был достаточно ясен; 9 февраля 1909 года был подписан франко-немецкий договор о Марокко. Прежний канцлер князь Булов признанием политического преимущества Франции как бы начал немецкое отступление из Марокко. Его точка зрения, повлиявшая на поездку в Танжер, а также на созыв Алжирской конференции, была им окончательно оставлена. Полное удовлетворение французского правительства выразилось в пожаловании большого креста ордена Почетного Легиона князю Радолину (германскому послу в Париже) и господину Шёну.

В самый день подписания вышеозначенного договора прибыли в Берлин король английский Эдуард VII и королева Александра с официальным визитом—через восемь лет после своего восшествия на престол! Берлин радостно встретил высоких гостей и не показал никакого неудовольствия за враждебную политику. Король имел очень нездоровый вид, казался утомленным, состарившимся и страдал вдобавок сильным катарром. Тем не менее он согласился принять приглашение берлинских корпораций на чай. Этот праздник, по общему отзыву, прошел весело и непринужденно, и король был им очень доволен. Я довел до сведения моего дяди подписание франко-немецкого договора о Марокко, король, повидимому, был доволен. Когда я прибавил, что теперь надеюсь достигнуть добрых отношений между обоими государствами, Эдуард VII благосклонно кивнул головой и сказал: „если бы этого можно было достичь“! Если бы король выказал более активное участие в этом деле, моя надежда могла бы осуществиться. Во всяком случае визит английской королевской четы разрядил атмосферу. В это время и был призван Бетман-Гольвег на свой пост.

Канцлеру пришлось за время своего пребывания в этой должности усиленно заниматься вопросами внешней политики, не говоря уже о тяжелом, полном волнений времени 1909—1914 г. Об этом периоде появилось в печати много материала и разных разоблаче-

ний, хотя бы книга статс-секретаря Янова: „Причины мировой войны“. В „Бельгийских Ведомостях“ удостоверено нейтральное поведение германского правительства во всей этой путанице. Руководящей нитью этого поведения служило мое твердое решение держаться, по возможности, в стороне, но если Австро-Венгрии, нашему союзнику, будет грозить открытая опасность потерять место великой державы, всячески поддерживать ее, выступать честным посредником во всех случаях, грозящих нарушением всеобщего мира, и твердая защита германских интересов. Тщательная и неустанная забота об увеличении и хорошем устройстве армии и флота диктовалась чувством необходимой самозащиты, так как центральное положение Германии и ее плохо защищенные границы давали нашим противникам возможность полного окружения страны. Этот период строительства хорошо описан в труде Штегмана. Также интересно описано время до войны у Фрийдюнга, Хельфериха и других писателей.

Смерть Эдуарда VII, про которого один бельгийский поверенный выразился следующим образом: „Европейскому миру никогда не грозит большая опасность, чем тогда, когда английский король вмешивается со своими гарантиями“, вызвала мою поездку в Лондон, где я разделил горе родственного мне дома. На вокзале меня встретила вся королевская семья, что служило знаком их благодарности за мое сочувствие. Я поехал с королем Георгом в Вестминстерское аббатство, где в большой зале на высоком катафалке стоял роскошно убранный гроб с телом короля. У гроба несли почетный караул английские и колониальные войска; все они в знак траура стояли с опущенными головами и со скрещенными на прикладах ружей или на рукоятках сабель руками. Величественно выглядел старинный серый зал, покрытый готическим деревянным куполом и освещенный лишь слабыми лучами солнца, глядевшего в узкие окна; один луч, пробегая по короне, украшавшей гроб короля, зажег на ней все цвета радуги. Мимо гроба молча двигалась вереницей огромная толпа людей. Мужчины, женщины и дети пришли дать последний прощальный поцелуй любимому монарху. Средневековая обстановка способствовала величию этой трогательной сцены.

Я подошел к катафалку и, помолясь, положил венок на гроб, затем, совершенно произвольно я и мой двоюродный брат протянули друг другу руки и обменялись дружеским рукопожатием. Эта сцена произвела сильное впечатление на присутствующих. Вечером один из моих родственников заметил в беседе со мной: „О рукопожатиях, которым вы обменялись с нашим королем, говорит весь Лон-

дон; оно произвело хорошее впечатление и народ смотрит на него, как на залог добрых отношений в будущем“. Я ответил: „Это мое глубочайшее сердечное желание“.

Когда я верхом ехал за гробом короля, меня поразило выражение общего глубокого горя. Вся многомиллионная толпа, стоявшая на улицах, на крышах, на балконах и глядевшая в окна, была одета в глубокий траур, и все мужчины с непокрытыми головами. Все прошло в образцовом порядке и в глубокой благоговейной тишине. На темном траурном фоне толпы, британские войска казались еще более красочными. Красиво выглядела английская гвардия: гренадеры, шотландцы, золотой батальон и ирландская гвардия в своих красных мундирах, белых лосинах и медвежьих шапках. Их прекрасный внешний вид и чудная выправка могли порадовать каждое солдатское сердце.

Во время этого посещения я занимал, по желанию короля Георга, помещение в Букингемском дворце. Вдовствующая королева Александра приняла меня с трогательной лобротой и мы много болтали с ней о прошлом. Я помнил еще время ее свадьбы с моим дядей, так как присутствовал на ней.

Король Георг устроил в честь своих гостей и представителей государств банкет, на котором появился также Пишон, французский министр иностранных дел. Он был мне представлен. Я передал ему в разговоре все, что канцлер мне поручил сказать, и мы с ним довольно долго говорили о Марокко и обсуждали некоторые другие вопросы, на дружеские решения которых Пишон охотно согласился. Это и было единственной целью нашего разговора, хотя со всех сторон старались прицепить к нему массу разных фантастических причин.

Хотя период от 1909 до 1914 года был богат внешними событиями и политика привлекала внимание всех, внутреннее строительство шло по мере сил и требований все более и более развивающейся торговли, промышленности, сельского хозяйства и т. д., хотя вечные раздоры партий сильно вредили планомерности работы.

У канцлера было стремление осуществить возможно больше проектов, но его склонность к слишком большому обсуждению задачи и его мучительная нерешительность, с которой он приступал к делу, тормозили работу. Он приходил к какому-нибудь окончательному решению лишь тогда, когда не ждал никаких противоречий. Все это делало работу с ним неприятной, а посторонние приписывали ему нерешительность, хотя это было лишь большая щекотли-

вость. Кроме того, с течением времени у него развилась склонность к самомнению, которое в спорах часто переходило в упрямую неуступчивость и желание поучать несогласных с ним. Это многих восстановило против него и лично мне наделало много неприятностей. Один знакомый Бетмана, знавший его на школьной скамье, с которым я говорил по поводу этого недостатка канцлера, смеясь сказал, что так было и в школе. Бетман всегда поучал своих товарищей, за что получил название „гувернантки“. Этот недостаток большое для него несчастье, так как большинство людей не согласны подчиняться „гувернантке“, но, раз он вошел в его плоть и кровь, ему никогда от него не отделаться.

Ярким примером является отношение канцлера к господину Кидерлену, которого он, вопреки моим советам, хотел назначить министром. Кидерлен был чудный работник с твердым характером и ярко выраженной самостоятельностью. Не прошло и года со времени его назначения, как канцлер начал жаловаться на его упрямство и строптивость и просил меня переговорить с ним. Я отказался на том основании, что канцлер назначил его против моей воли, теперь он может сам с ним справляться, дисциплина в министерстве иностранных дел лежит на ответственности канцлера, я совсем не имел намерения вмешиваться в чужие дела.

Непригодность Бетмана, как канцлера, скоро выяснилась. Он был по своим убеждениям пасифист и мечтал добиться соглашения с Англией, чего бы это ни стоило. Я вполне понимаю, что человек этого направления может много принести в жертву ради избежания войны. Эта цель улыбалась и мне, но приемы канцлера, которыми он старался достигнуть мира, я считал неприемлемыми. Все-таки я всячески поддерживал его старания, хотя не рассчитывал на успех. Все более и более выяснялось его слабое понимание действительных целей политики. Но он воображал, что все понимает лучше других, и старался поучать и меня. В своем самомнении он твердо держался малого хода мыслей, хотя бы результаты показывали всю несостоятельность его идей.

По форме его доклады были блестящи, убедительны и независимы. В этом была своего рода опасность. Лишь свое разрешение какого-нибудь вопроса он считал правильным. Кажущаяся основательность докладов, всестороннее освещение предложений, ссылка на экспертов, государственных деятелей и дипломатов своих и чужих, все это с первого взгляда давало впечатление правильности его вы-

водов. Но несмотря на такую основательную подготовку, на деле он делал ошибку за ошибкой.

В нашем несчастье он виноват вместе со всеми. Когда я вернулся в 1914 году из моей поездки на север, он не возвратил мне своего портфеля, хотя и признал все свои расчеты уничтоженными. Я оставил его на его посту и после речи в рейхстаге, так как считал невозможным менять канцлера в такой критический момент. Эта смена могла нарушить то твердое настроение народа на вызов Антанты, которое нам было необходимо. При этом и канцлер и министр внутренних дел уверяли, что рабочие стоят за канцлера. В 1914 году рабочие вели себя безупречно и я не хотел сменять человека, к которому они относились—как меня уверяли—с доверием.

Неоднократно повторяемое мне заявление министра внутренних дел и представителя министерства иностранных дел, что рабочие довольны Бетманом, подкреплялось еще общим будто бы мнением, что для заключения мира Бетман будет необходим, как лицо, которому вполне доверяли за границей. Вот причины, по которым Бетман так долго оставался на службе. Наконец, кронпринц решил сделать известную проверку данного положения у вожаков партий, после которой выяснилось, что Бетман совсем не пользуется таким большим доверием рабочих. После его ухода как раз газеты социал-демократов и демократов поместили у себя статьи с уничтожающей канцлера оценкой.

Я вовсе не хочу этими замечаниями свалить вину на Бетмана и обелить других, но когда происходят такие важные исторические события, надо стараться дать точную оценку людей, стоящих около них. Благородство же Бетмана для меня не подлежит сомнению.

Я хочу здесь сказать несколько слов о реформе прусского избирательного права; отношение Бетмана к нему служит ярким доказательством медлительности канцлера.

После блестящей летней кампании началась зимой 1914/15 года тяжелая окопная война. Труд, который несла наша армия, а также блестящее настроение, царившее среди офицерства и солдат и замеченное мною как в поле, так и в лазаретах, произвело на меня столь глубокое впечатление, что я твердо решил даровать этим людям после войны радость признанием их политических прав. Мы не имели права „классифицировать“ людей, безропотно отдающих свою жизнь родине.

Как раз в это время мне была представлена докладная записка господина Лёбеля о пересмотре прусского избирательного права.

Лёбель подал ее на основании тех же причин, о которых я только что говорил. Сжатое, ясное и убедительное изложение записки мне так понравилось, что я ее показывал многим из моих приближенных. Записка не была разработана в деталях, но тем не менее, к моему удовольствию, понравилась всем.

Я поблагодарил через министра внутренних дел Лёбеля и велел поручить ему более детальную разработку проекта. Это было весной 1915 года. Записка оказалась очень подробно составленной и предусматривала различные возможности при выборах, но не предлагала никакой определенной системы. Я ее одобрил и передал через министра канцлеру, с приказанием в продолжение года обработать ее в министерствах в предварительный законопроект и представить его мне на рассмотрение. Конечно, закон мог быть проведен лишь после заключения мира.

Вскоре после этого я уехал в Плесс.

Битва при Тарнове, где мы уничтожили врага, повел к дальнейшему галицийско-польскому наступлению, к обратному отнятию Лемберга, Пшемисла, к взятию Варшавы, Ивангорода, Модлина, Брест-Литовска и т. д., что потребовало от меня много внимания и сил. В это же время произошла гибель „Лузитании“ и Италия порвала союз—неудивительно, что закон не занимал первого места в моих мыслях.

Так же в продолжение зимы и лета 1916 года нам пришлось воевать на всех фронтах. Блестяще прошла осенняя и зимняя кампания в Румынии, где мы одержали целый ряд побед. Все это заставило меня перебрасываться с фронта на фронт, пришлось поехать в Ниш на свидание с царем Болгарским Фердинандом, а также в Орсову, и я совсем не имел времени заняться достаточно серьезно выборной реформой.

Весной 1917 года я обратился к канцлеру с предложением опубликовать предположение о реформе, чтобы народ узнал намерения правительства. Я был убежден, что министерство давно обсудило записку Лёбеля. В Гамбурге канцлер с министром и со мной установил текст обнародования, при чем предложил вопрос о системе выборов оставить открытым, так как эту деталь он еще не достаточно разработал. Обнародование произошло на Пасхе, но в нем не было выяснено, что реформа будет проведена лишь после войны.

Партии и пресса сделали свое, и ссорами и требованием реформы еще во время войны заставили отложить мое первоначальное намерение. Итак, вопрос пошел знакомым неутешительным путем,

и, после бесконечных прений в ландтаге, оказался плохо скроеным. Лишь после отставки Бетмана узнал я от Лёбеля, что докладная записка пролежала без движения полтора года у канцлера и никогда не представлялась министерству. Канцлер же, находясь под впечатлением будто бы желания страны, не остановился ни на одной системе выборов, так как был внутренне убежден о необходимости общего избирательного права.

Таким образом, медлительность Бетмана и партийные ссоры испортили мое первоначальное намерение, а я так желал поднести этот закон в подарок моим вернувшимся домой храбрым пруссакам, с которыми я провел несколько тяжелых лет войны.

Стремление канцлера к превосходству было настолько сильно, что министр иностранных дел был лишь его сотрудником, и чиновники канцлера считали себя начальниками чиновников министерства, что особенно замечалось в отделе печати. Относительно меня канцлер тоже держался самостоятельной позиции. Опираясь на конституцию, по которой он лишь один был ответствен за внешнюю политику, он свободно делал все, что хотел. Министерство о многом не смело мне докладывать, разрешалось доносить лишь то, что желал канцлер, и потому я часто не знал о многом происшедшем.

В возможности этого виновато несовершенство нашей конституции. Здесь я скажу несколько слов о взаимоотношениях канцлера с императором. Я не говорю о моих личных отношениях к Бетману, а лишь вообще об отношении императора и канцлера по германской конституции.

Я намечу следующие пункты:

1) Канцлер по имперской конституции ответствен за внешнюю политику, он ее ведет самостоятельно посредством министерства иностранных дел и лишь обязан докладывать императору.

2) Император может влиять на внешнюю политику лишь постольку, по сколько это допускается канцлером.

3) Император может оказать свое влияние посредством споров, информации, предложений. Полученные им в путешествии впечатления могут также служить дополнением к политическим докладам послов и поверенных тех стран, которые он посещал.

4) Канцлер может соглашаться с этими впечатлениями императора и принимать их во внимание при своих расчетах, если они согласуются с его собственными. В противном случае, он остается при своем мнении и проводит его (как было в телеграмме к Крюгеру).

5) Конституция не предоставляет императору никаких средств заставить канцлера и министерство встать на *его точку зрения*. Он не может принудить канцлера к действиям, за которые канцлер не желает отвечать. Если же император настаивает на своем мнении, канцлер может подать просьбу об отставке.

6) Также не дает конституция императору средства для противодействия политике, кажущейся ему вредной. В случае его полного несогласия с канцлером, приходится прибегнуть к устранению последнего. Но всякая смена канцлера тяжело отражается на политической жизни народа и трудно исполнима, в виду небольшого выбора лиц, способных занять этот высокий ответственный пост.

Положение имперского канцлера, от которого зависело все чиновничество, положение, рассчитанное на исключительное дорование и выдающиеся способности Бисмарка, оказалось слишком большим противовесом императору. Если случалось, что какой-нибудь факт шел в разрез с общественным мнением, ответственность ложилась на императора. Не задолго до окончания войны и после ее конца, всезнающие критики и брюжжащие революционеры и дома и со стороны Антанты кричали об ответственности императора.

* * *

В ноябре 1910 года царь Николай посетил Потсдам. С ним приехал новый русский министр иностранных дел Сазонов. Свидание сошло к общему удовлетворению, канцлер и министр Кидерлен могли познакомиться и переговорить с Сазоновым. Русский монарх заметно был доволен своим посещением, и принял живое участие в охоте, выказав себя страстным охотником. Переговоры государственных деятелей давали повод обоим сторонам надеяться на улучшение отношений в будущем.

Во время моего пребывания весной на острове Корфу начались албанские беспорядки, грозящие интересам греков. В Корфу не была секретом контрабандная перевозка оружия из Италии в Албанию, что доказывало причастность первой к беспорядкам. Греки имели сведения об участии в них также и Черногории. Новое турецкое правительство не умело справляться с албанцами, которые вообще очень недоверчивы и раздражительны. Прежний султан Абдул Гамид прекрасно понимал албанцев и умел их держать в повиновении. Но никто не ожидал дальнейших последствий беспорядков.

В начале 1911 года, я и императрица получили приглашение от короля Георга на открытие памятника королевы Виктории, нашей общей бабки, и в середине мая я с императрицей и дочерью отпра-

вился в Лондон. Прием как королевской семьи, так и лондонцев был более, чем сердечен. Открытие было великолепно обставлено и прошло с большой торжественностью. Большая круглая площадь перед Букингамским дворцом была обнесена трибунами, которые были полны приглашенных. Перед трибунами стояли войска в парадной одежде, конница и артиллерия в пешем строю. У памятника были собраны все знамена. Королевская семья с гостями и свитой стояла около. После нескольких слов, сказанных королевой в виде приветствия, раздался салют и покрывало, скрывавшее памятник, — упало. Мраморное изображение королевы, сидящей на троне, как бы охранялось золотой Победой. Памятник производил большое впечатление. Затем, войска прошли церемониальным маршем, гвардия впереди, затем горцы в их пестрой одежде, давшей красивое красочное пятно на общем фоне картины, потом остальные войска. Это прохождение множества войск на сравнительно небольшой круглой площади было очень трудным маневром, но войска выполнили задачу превосходно и герцог Коннаутский, который командовал парадом, заслужил всеобщую похвалу. Остальные дни нашего пребывания в Лондоне прошли в поездках и посещениях некоторых высокопоставленных семейств.

В „Drury Lane“ король Георг предложил своим гостям великолепно обставленный спектакль. Шла известная английская пьеса „Money“,⁹ при чем даже самые маленькие роли играли знаменитые артисты. По окончании первого акта упал громадный занавес, написанный дамой из высшего общества, на котором были изображены король Георг и я во весь рост верхом, едущие, салютуя навстречу друг другу. Картина была очень хорошо сделана и вызвала громкие одобрение публики. Игра артистов в „Money“ была исключительна и произвела глубокое художественное впечатление. Это было в полном смысле классическое исполнение. На другой день мы посетили спортивные состязания английской армии и флота, при чем выполнение некоторых упражнений поражало своей строгостью и легкостью.

Я намеренно остановился на описаниях погребения Эдуарда VII и на праздновании открытия памятника королевы Виктории. Несмотря на так называемый демократический строй Англии, в ней гораздо больше придают значения военным упражнениям и считают необходимым присутствие войск при каждом торжестве, чем в немецкой империи.

Отношение Франции к Марокко, которое не могла исправить Алжирская конференция, снова привлекло внимание всех дипломатов. Поэтому канцлер просил меня, если обстоятельства позволят, спросить у короля Георга его мнение о Мароккском вопросе. Я обратился к королю с вопросом, находит ли он, что поведение Франции согласуется с статьями Алжирского договора. Король ответил, что вообще считает, что Алжирский договор надо предать забвению, в конце концов Франция делает в Марокко то же, что Англия в Египте, и не в интересах англичан мешать ей. Надо считать, что занятие Марокко есть неоспоримый факт и искать соглашения с Францией на почве торговых обеспечений.

Наше посещение до конца сохранило родственный характер и при каждом нашем выезде лондонцы дружно нас приветствовали.

Таким образом, мы вернулись домой полные прекрасных впечатлений. Когда я поделился ими с канцлером, он высказал свою радость по этому поводу. Из ответа короля Георга на счет Алжирской конференции он вынес впечатление, что Англия более не считается с ней и не будет противиться занятию нами Марокко. Этот взгляд канцлер и министерство взяли руководящей нитью в деле о Марокко, и он привел к Алжирскому инциденту, который был последней и тоже неудачной попыткой закрепить за Германией политическое влияние в Марокко. Положение обострилось как раз во время Кильской спортивной недели. Министерство иностранных дел предложило мне послать „Пантеру“ к берегам Марокко. Эта мера вызвала мое возражение, но под настоятельным давлением министерства иностранных дел я должен был на нее согласиться.

В первой половине 1912 года Англия прислала Германии вербальную ноту. Сэр Эрнест Кассель явился к нам с заявлением, что в случае нападения какой-нибудь державы на Германию Англия согласна держать нейтралитет лишь в том случае, если мы ограничим теперь же свою постройку военного флота и если предложение о новых ассигновках на морское дело не будет проведено в рейхстаге. Так как наш ответ показал, что мы пойдем навстречу желаниям Англии, последняя доверила ведение переговоров лорду Холдану, который вскоре явился в Берлин. Но переговоры не удались; вызывающее поведение Англии в лице ее министра Грея заставило в конце концов лорда Холдана взять обратно свою вербальную ноту; Грей боялся англо-германским соглашением обидеть Францию и повредить франко-русско-английским отношениям.

Вот история этих переговоров. 29 января 1912 года во дворец явился главный директор Гамбург-Американского Ллойда Баллин и попросил аудиенции. Я принял его, предполагая, что дело идет о простом поздравлении с прошедшим днем рождения. Велико же было мое удивление, когда он объявил, что явился с просьбой принять сэра Касселя, который только что приехал с особой тайной миссией в Берлин. Я спросил, имеет ли политический характер его миссия, и если это так, то почему не английский посол просит аудиенции. Из ответа Баллина выяснилось, что сэр Кассель считает порученное ему дело очень серьезным, обход же посла объясняется желанием Лондона вступить в переговоры помимо официальных представителей, как английских, так и германских. Я согласился на немедленное свидание, но заметил, что если дело затрагивает политические вопросы, я должен буду сейчас же вызвать канцлера, так как в качестве конституционного монарха не имею права вести переговоры с представителем другой державы.

Баллин вскоре вернулся с Касселем, который передал мне записку, сказав, что она составлена „с одобрения английского правительства“. Я прочел этот маленький листок и был поражен, узнав, что держу в руках формальное предложение нейтралитета на случай будущего вооруженного нажима на Германию. Нейтралитет был обещан за наше согласие ограничить постройку нашего военного флота, это обстоятельство и должно было служить предметом дальнейших переговоров. Я пошел с Баллином в соседнюю комнату (адъютантскую) и дал ему прочесть записку. После прочтения мы оба в один голос решили: „Вербальная нота“!

Было ясно, что эта „Вербальная нота“ относилась к предполагаемой поправке наших морских законов и к новым ассигновкам на флот и имела назначение ее замедлить или даже совсем уничтожить.

Во всяком случае я очутился в очень странном положении, которое возбудило удивление у Баллина. Это положение очень напоминало мне то, в котором я очутился в Крамберге в 1908 году, когда должен был отклонить лично мне переданное товарищем министра Гардингом английское требование приостановить нашу постройку флота. В настоящий момент появляется интимный друг покойного короля Эдуарда и, без посредничества дипломатов, обращается к германскому императору с „вербальной нотой“, в обход всех дипломатических инстанций. Он передает мне предложение английского правительства ограничить постройку нашего флота,—только на этом условии Англия соглашается, в случае войны сохранять нейтраль-

тет. И это последовало со стороны Англии, родины „конституционализма“! Баллин заметил: „Святой конституционализм! Где ты? Ведь это личная политика в своем крайнем проявлении“. Баллин согласился со мной, что надо сейчас же вызвать канцлера, чтобы он ознакомился с нотой и принял меры для выхода из создавшегося положения.

Бетман, вызванный по телефону, тотчас же явился; его удивление не имело границ; было интересно смотреть на игру его физиономии во время чтения записки. Он предложил, ради полного освещения вопроса, немедленно вызвать морского министра адмирала Тирпица и составить ответ на английском языке, придерживаясь формы переданной Касселем записки. Английский язык мы предпочли немецкому, так как боялись неточности перевода. Ответ должен был быть написан сейчас же, так как Кассель хотел вечером же отправиться обратно.

Канцлер попросил меня, в виду моего основательного знания английского языка, набросать ноту; после некоторого колебания я согласился.

И вот я сел за письменный стол в адъютантской, а все стояли вокруг меня. Я прочитывал одну фразу из английской ноты и сейчас же составлял на нее ответ, который тоже перечитывал. Мои сотрудники ее критиковали; одному ответ казался слишком уступчивым, другому слишком резким; начинались бесконечные переделки и поправки. Особенно придирался канцлер со своей исключительной, философской основательностью—он без конца взвешивал и обсуждал каждое слово, боясь дать малейший повод к критике. Его придирчивость очень затруднила мне работу. Наконец, после долгой, многочасовой работы ответ нашли удачным, и он был, наконец, подпечан.

При расставании канцлер спросил сэра Касселя, кого предполагают в Лондоне назначить для переговоров. Кассель ответил, что он точно не знает, но, вероятно, будет назначен один из министров, возможно, что морской—Винстон Черчилль, так как вопрос касается морского дела. Канцлер также сговорился с ним насчет ведения переговоров неофициальным путем, который предпочитал и он. Баллин должен был быть посредником при передаче разных известий из Англии.

Баллин после отъезда Касселя рассказывал мне, как доволен был англичанин успехом своей миссии, и о его намерении составить доклад своему правительству в духе своих прекрасных впечатлений.

Когда я беседовал с Тирпицем по поводу этого посещения, мы оба пришли к убеждению, что наша морская законодательная новелла находится в опасности и что мы должны быть очень осторожны.

Поэтому был собран весь материал, на основании которого адмирал Тирпиц предполагал вести предстоящие переговоры; в них вошел маленький исторический обзор развития флота и будущие наши задачи в этом направлении; морские законы, цели, проведение и развитие их; наконец, предстоящая новелла, ее значение и способ проведения ее в жизнь. Канцлер просил, чтобы переговоры велись во дворце, в моем присутствии. Кроме того, я убедил Тирпица говорить по-английски, обещая при трудных выражениях служить переводчиком.

Не зная, кого назначит Англия своим представителем на предстоящее заседание, мы строили различные догадки и Баллин называл разные имена, даже предполагал возможность приезда самого Грея. Наконец, через Баллина дано было знать, что для ведения переговоров получил полномочия военный министр, юрист по образованию, Гольдани, который скоро должен явиться в Берлин. Судите о нашем общем изумлении! Мы представили себе, что было бы если бы Германия послала в Лондон для переговоров о морском деле своего военного министра Геринга вместо морского адмирала Тирпица! Обсуждая это обстоятельство между собою, мы высказывали разные предположения. Канцлер думал, что выбор Гольдани есть акт вежливости относительно Германии, так как Гольдани великолепно владеет немецким языком и известен как знаток Гёте и немецкой философии. Тирпиц заметил, что Гольдани некоторое время работал в Берлине у генерала Эйнема в военном министерстве, и знаком со здешними обстоятельствами. Я настаивал на том, что выбор Гольдани, человека знакомого, вероятно, лишь очень поверхностно с морским делом, доказывает, что Англия перейдет во время переговоров на чисто политическую почву. Возможно, что вообще все дело направлено против общей морской политики Германии и против новеллы в частности. Я считал, что на этот пункт надо обратить особое внимание, чтобы неожиданное английское вмешательство не явилось бы просто вмешательством в личную жизнь Германии и помехой нашей самостоятельной работе по обороне.

Прибыл Гольдани и был принят как гость императора. Баллин, который его сопровождал, разгадал, наконец, на основании присланных ему из Англии известий, загадку выбора Гольдани. Когда Кассель, по возвращении в Лондон, передал ответную ноту и по-

делился с правительством своими впечатлениями, то там составилось твердое убеждение в благополучном исходе переговоров о заключении соглашения. И вот начался спор между Черчилем и Греем, кому ехать в Берлин, так как каждому хотелось видеть свою подпись под таким исторически-важным документом, как отказ Германии от дальнейшего развития флота. Черчилль выставлял на вид, что он морской министр, но Грей и Асквит совсем не имели намерения уступить славу ему. Поэтому одно время хотели назначить Грея, новое доказательство, что роль играла политика, а не число немецких кораблей. Наконец, было решено, что Грею лучше всего поехать в Берлин при окончании переговоров и подписать знаменитый документ. Для переговоров же должен быть послан человек, которому оба, и Грей и Асквит, безусловно доверяют, и которому можно было бы поручить всю предварительную работу по заключению соглашения, кроме того, было необходимо его знакомство с Берлином и Германией. Черчилль не отвечал этим требованиям, так как его знакомство с Германией ограничивалось маневрами в Шлезвиге и Вюртемберге, на которых он присутствовал в качестве императорского гостя. Баллин ручался за доверенность лондонского источника.

При начале переговоров я обратил внимание адмирала Тирпица, что хотя Гольдани занимает пост военного министра, тем не менее, он, вероятно, и в морском деле не новичок и, наверно, лондонское адмиралтейство, в котором еще жив дух Фисхера, приняло меры к его ознакомлению с порученным делом. Адмирал Фисхер в своем руководителе для английских морских офицеров, наряду с очень ценными указаниями, обмолвился следующей фразой, характерной для адмирала и его ведомства: *If you tell a lie, stikto it*, т. е. „если ты лжешь, то лги до конца“. Кроме того, приспособляемость англичан так велика, что у них часто человек берет совершенно неожиданно назначение, к которому, казалось бы, он не подготовлен ни своим образованием, ни жизненным опытом, и прекрасно справляется с ним, а к морскому делу интерес в Англии так интенсивен, что каждый мало-мальски образованный человек понимает в нем достаточно.

При переговорах Гольдани оказался очень осведомленным человеком и ловким противником при дебатах, при чем ярко выявились его блестящие адвокатские способности. Разговор продолжался много часов и привел к общей ясности и к предварительному соглашению об изменении сроков постройки судов. Подробности заседаний можно найти в актах морского министерства. Тирпиц ликовал.

После нескольких переговоров, в которых принимал участие и Баллин, Гольдани уехал. Баллин доложил мне, что Гольдани удовлетворен исходом своей миссии, и надеется, что через 10—14 дней нам будет прислан план соглашения. Время шло. Приближался срок внесения новеллы в рейхстаг. Тирпиц предложил, в случае, если соглашение будет подписано заблаговременно, соответственно изменить закон, в противном случае, представить его в первоначальном виде. Наконец был получен не план соглашения, а документ, полный разных вопросов и желаний, ответ на который потребовал новых переговоров. Во мне постепенно начало слагаться убеждение, что англичане совсем несерьезно относятся к предстоящему соглашению. Слишком много нагромождали они вопросов и деталей, не имеющих ничего общего с соглашением. Англия постепенно брала назад свои предложения и обещания, а о плане соглашения ничего не было слышно.

В Берлине начали со всех сторон распространяться слухи, и общее мнение восстало против новеллы, адмирала Тирпица и даже меня. Даже канцлер, который питал надежду добиться соглашения и иметь возможность подписать своим именем документ, выводящий Германию из „блокады“ и обещающий будущие хорошие отношения с Англией, был готов отказаться от нового законопроекта и провалить его. Но ведь это означало бы, что чужая держава получила настолько большое влияние на немецкие дела, что должна была страдать наша национальная гордость, а также и наша готовность к обороне в случае войны. Германия должна была согласиться, без всяких гарантий, на условия, которые ей диктовал ее противник, действующий, конечно, в своих интересах, и делать только то, что было бы угодно Англии.

Около создавшегося положения началась бесконечная борьба и именно больше всего спорили круги, мало понимающие в морском деле; нападки велись в очень резкой форме и часто страдали полным отсутствием логики. В эту тяжелую для меня и морского министра зиму адмирал Тирпиц вел себя, как настоящий офицер и патриот. Его взор старался проникнуть в положение и разгадать противника, я по мере сил и возможности поддерживал его.

Надежда на соглашение делалась все более и более эфемерной. Англия выказывала к договору все меньше интереса и отказывалась от важных частей своей первой вербальной ноты. Тирпиц и я догадались, что все предложение было лишь „маневром“.

Борьба около новеллы разгоралась все сильнее. Случайно я встретил доктора Бурхарда, президента Гамбургского сената. Я его ценил и уважал как совершенный образец аристократа-ганзейца и нередко советовался с ним по некоторым вопросам. Я рассказал ему всю историю, начиная с получения „Вербальной ноты“, последующие переговоры, борьбу в Берлине около законопроекта и мое колебание вносить или не вносить новеллу в рейхстаг. Потом я попросил его высказаться откровенно и с обычной его искренностью, что, по его мнению, надо предпринять для блага отечества; для меня ценно объективное мнение человека, далекого от партийной борьбы Берлина.

Доктор Бурхард ответил с присущей ему определенной и ясной манерой: долг императора перед народом и отечеством не отказываться от новеллы. Он считает преступниками кричащих против нее. То, что считается правительством необходимым для защиты государства, должно быть проведено во что бы то ни стало. Но самое главное в этом деле заключается в вмешательстве чужого государства в наши внутренние дела, это совершенно недопустимо. Со стороны Англии эти все переговоры просто фокус, чтобы заставить нас отказаться от новеллы. Германский народ не потерпит поползновения на его самостоятельность. Новелла должна быть внесена в рейхстаг. Он выступит в союзном совете за ее прием и вообще постарается использовать в Берлине все свое влияние в этом направлении. Англичане, конечно, рассердятся и начнут браниться, но в конце концов они уже давно этим занимаются, войны же они из-за этого не объявят. Пусть адмирал Тирпиц исполняет свой долг, а император обязан его поддерживать. Канцлер должен уступить, а то он рискует быть обвиненным в „англomanии“ и тогда ему придется уйти. Так говорил представитель большого ганзейского города, который в случае войны с англичанами первый почувствовал бы всю ее тяжесть. Но это был человек старого ганзейского закала.

Только что недавно уже в Голландии я выслушал от одного голландца точно такое же мнение; в Голландии было известно, что предложение Англией нейтралитета было, как мы с Тирпицем и предполагали, лишь политическим маневром.

Баллин извещал, что дело с соглашением не подвигается вперед. В Англии возгорелся спор около этого дела, Гольдани недовольны, считая, что он дал Тирпицу возможность надуть себя. Чувствовалась злоба, что Тирпиц не поддался на удочку и не отказался окончательно от новеллы, и что Гольдани не смог преподнести английским

министрам провал нового законопроекта на подносе. О „надувании“ со стороны Германии не может быть и речи; скорее недовольство Гольдани доказывает, что это он имел инструкции „надуть“ Германию, и если в Англии считают, что случилось наоборот, то немцы должны горячо благодарить Тирпица, отстоявшего их достоинство.

В конце марта борьба около новеллы настолько обострилась, что канцлер 22 марта обратился ко мне с просьбой об отставке. Это случилось в Шарлотенбурге. Но после долгой беседы, в которой я передал ему точку зрения доктора Бурхарда, он взял свою просьбу обратно.

Когда я через некоторое время посетил канцлера, я нашел его в саду. Он держал полученную из Лондона телеграмму и имел совсем убитый вид. Телеграмма содержала отказ от какого бы то ни было соглашения, взятие обратно обещания о нейтралитете и в конце концов обращение ко мне с предложением сохранить пост канцлера за Бетманом, так как он пользуется доверием Англии! Со слезами на глазах принял канцлер крушение своих лучших надежд, а похвалы людей, которые только что нанесли и мне и ему жестокий удар, глубоко оскорбили его. Он повторил свою просьбу об отставке; я ее не принял и старался хоть немного его успокоить. Потом я велел поставить на вид нашему послу в Лондоне, как он рискнул принять подобный документ и переслать его своему правительству.

Канцлер, наконец, согласился на внесение новеллы в рейхстаг. Но она поступила на рассмотрение в том ограниченном виде, который предполагался по соглашению с Англией. В Англии же в это время выполнялась полная программа постройки флота.

„Эпизод Гольдани“ очень характерен для политики Англии. Весь этот маневр был проведен с целью лишить Германию возможности развивать флот в той мере, в какой ей было необходимо. В то же время Америка, Франция, флот которой был многочисленнее немецкого, Италия и Россия, строящая даже за границей, выполняли целиком свои строительные программы и это отнюдь не вызывало противодействия со стороны Англии. Германия лежит между Францией и Россией и должна, по крайней мере, обладать хоть таким флотом, который мог бы оберегать ее берега от нападения с моря. Немецкий флот не предназначался для борьбы с английским, в 4—5 раз сильнее, никому в Германии и не снилась победа над английским флотом; первой задачей нашего флота была охрана немецкой торговли и немецких берегов. Для этой цели маленькие суда

не годятся. Кроме того, наши укрепления на берегу Балтийского моря настолько устарели и пришли в ветхость, что достаточно было бы для их разрушения одной хорошей бамбардировки артиллерии с новейшего броненосца. Поэтому наш балтийский берег не был защищен, и для защиты нужен был флот. Необходимость флота доказала битва при Скагерраке. Мы смело могли бы рассчитывать уничтожить англичан, если бы рейхстаг не отклонял вплоть до 1900 года все предполагаемые ассигновки на флот. Эти 12 лет опоздания тяжело отразились на нашем могуществе.

Прежде чем распространиться здесь с Гольдани, я хочу рассказать еще один эпизод, в котором этот господин играл выдающуюся роль. В 1906 году он явился в Берлин с позволения германского правительства, для ознакомления с прусским рекрутским набором, деятельностью штаба и т. д. Ему разрешено было заниматься в военном министерстве, под руководством самого министра, генерала Эйнема. После двух-трехнедельных занятий Гольдани вернулся в Англию.

После начала мировой войны Гольдани начали бойкотировать в Англии за его будто бы германофильство и любовь к немецкой литературе, что он опасался показываться на улицах. Тогда, ради своего оправдания, он просил известного журналиста и писателя Бегби написать книгу о его деятельности, как военного министра. Книга скоро появилась в свет под названием „Vindication of Great Britain“. В ней описаны заслуги Гольдани по подготовке к войне английских войск и по изданию правильного генерального штаба. В книге указывается на ту ловкость, с которой Гольдани в свое время использовал разрешение прусского военного министерства работать в его стенах. Он многому научился в Германии и реорганизовал английскую армию по немецкому образцу для предстоящей борьбы англичан с его гостеприимными хозяевами. Он вникнул в малейшие детали. В нем сказался ловкий адвокат, который под личиной друга явился в Германию, все высмотрел, изучил ее военное устройство и любезность своих хозяев использовал, как орудие против них же. Книга посвящена памяти короля Эдуарда VII, друга и творца Гольдани. Берлин усматривал в миссии Гольдани возможность сближения с Англией, к которому мы всегда стремились; на самом деле миссия обратилась в шпионаж относительно немецкого родственника, в его же доме. В благодарность за охотно данные сведения, Англия ответила всемирной войной, и Гольдани

был одним из ее самых ярких помощников. В этом случае Гольдани с успехом „надул“ немцев.

Вот правдивая история миссии Гольдани. Позднее политиканствующая пресса и публика утверждали, что возможность сближения „с Англией была упущена, благодаря упрямству императора и адмирала Тирпица и тому упорству, с которым они желали, вопреки просьбам „благоразумных советников“ проведения морских ассигновок!“.

В это время возник вопрос об основании самостоятельного Албанского государства. Нужно было выбрать подходящего главу новому княжеству, и на этот выбор державы пригласили и меня. А некоторые, жаждущие короны, кандидаты были забракованы державным ареопагом, другие не понравились албанцам. Меня лично мало трогал данный вопрос, но я был того мнения, что прежде всего при выборе надо считаться с историческим развитием, а также с особенностями географического положения и обычаев страны.

Этот удивительный народ никогда не имел ни собственного государства, ни собственной династии. Албанские роды живут обособленно друг от друга и занимают несколько долин, окруженных высокими горами. Их государственное устройство напоминает шотландские кланы. Среди них встречаются и магометане и христиане. Кровавая месть—считается у албанцев святым обычаем. Не брезгают они также разбоем и грабежом. Сельское хозяйство находится в зачаточном состоянии. Суд совсем примитивен, и судит глава рода под деревом, как в доброе старое время у нас в Германии. Все албанцы вооружены и между ними много отличных стрелков. Если глава рода посещает какое-нибудь местечко, он разбрасывает мелкую монету своим подданным, и последние были бы очень обижены в случае его отказа от этого обычая.

До Балканской войны многие албанцы служили в рядах турецких войск и часто достигали высоких постов, благодаря своему прилежанию, уму и энергии. Турки их очень ценили. Также многие турецкие чиновники и дипломаты были родом из Албании. Молодые знатные албанцы с гордостью служили в великолепной султанской дворцовой гвардии, равной которой по красоте солдат и по великолепию их одежды нет в целом мире. Большинство из них были в родстве с султаном, так как многие знатные албанки числились в его гареме, это делалось для избежания кровавой мести со стороны родов и чтобы, по возможности, быть в курсе намерений всех маленьких албанских князьков. Только через родственные связи

удавалось султану держать в повиновении и зависимости этот бурный народ.

Имея все эти сведения, я советовал выбирать какого-нибудь магометанского князя, например, египетского принца; богатство я считал неизменным условием, так как деньги албанцы ценят выше всего. Но „ареопаг держав“ не обратил никакого внимания на мой совет. Было ясно, что совсем не преследовалась цель улучшить положение албанцев, а просто желали ловить рыбу в мутной воде.

Мне было очень неприятно, когда выбор остановился на принце Вельгельме Вид. Я его уважал за его рыцарский, благородный характер и тонкую восприимчивость, но считал совсем не подходящим кандидатом на этот пост. Принц был слишком мало знаком с балканскими условиями, чтобы с успехом выполнить взятую на себя задачу. Я вообще считал нежелательным, чтобы именно немецкий принц компрометировался подобным образом. Мне было заранее известно, что Антанта будет ему всячески мешать и вкладывать палки в колеса. Когда принц Вид, с которым мы двоюродные братья, обратился ко мне за советом, я старался отговорить его от этой, затеи и указывал на те трудности и неприятности, которые его ожидают. Приказать я ему не мог, так как последнее слово было за главой дома, князем Вид.

После принятия им кандидатуры я принял его в присутствии канцлера. Нам обоим бросилась в глаза какая-то неуверенность в принце и видимое отсутствие всякого желания принять предлагаемый пост; но наши уговоры и советы отказаться не привели ни к чему; на него имела сильное влияние его жена; честолюбивая, мистически настроенная женщина видела в албанском „троне“ исполнение всех своих мечтаний. А „ce que femme veut, Dieu le veut“, т. е. „что хочет женщина—хочет бог“. Да и Кармен Сильва, румынская королева и тетка принца, старалась склонить его согласиться на предложение и даже напечатала брошюру под заглавием: „Сказочная страна ждет своего князя“...

Таким образом, все даваемые с добрым намерением предостережения не достигли цели. Я особенно настаивал, что ранее урегулирования денежного вопроса, князь не может вступить на престол Албании. Все сильнее выступала необходимость для князя иметь большие средства; эту цель я и преследовал, советуя остановить выбор на египетском принце. Принц же Вид был не богат и на сцену выступал вопрос о субсидировании его державами. Около

цифры этой субсидии возгорелся безотрадный спор. Наконец, получен был зачетный платеж.

Огромная опасность для нового князя и его системы управления являлась в лице Эссада-паши; это был ненадежный, алчный интриган; он сам пытал надежду занять Албанский престол и имел за собой много вооруженных сторонников. С самого начала он сделался врагом князя и втихомолку всюду интриговал против принца Вида. При этих обстоятельствах было бы вполне понятно, если бы принц Вид взял верных приближенных из Германии, чтобы иметь в них защиту и опору. Но и этого не случилось. Его секретарями назначили англичанина и итальянца, и они с самого начала открыли кампанию против князя и завели разные интриги.

Во время сборов принца Вида на его новую родину в печати появилась брошюра одного австрийского офицера с описанием путешествия по Албании. Автор живо и интересно описывал страну и ее географические и климатические условия, народ и его обычаи и всю страшную отсталость страны. Он настаивал в своей книге, что будущий князь обязательно должен будет объехать всю страну, проникая в ее глубь, а не оставаться на берегу, около моря. Ему надо будет показаться всему населению. Целыми днями будущий князь должен разъезжать верхом по примитивным гористым дорогам страны, имея у седла мешок с цехинами, мешок, фигурирующий во всех восточных сказаниях, и, рассыпая цехины, приобретать сердца подданных. Он должен во что бы то ни стало постараться привязать к себе хотя бы некоторые роды, чтобы иметь в своем распоряжении военную силу, на которую можно было бы положиться. Только при этих условиях он сможет проводить свои реформы и бороться с противниками. Это единственное средство остаться у власти, раз у него нет под рукой европейской армии.

Из этого следовало, что первоначально жизнь князя должна быть чисто кочевой и для этого он должен оборудовать палатки для лагеря и хороших лошадей для свиты. Верных людей он мог бы найти в своем 3 гвардейском уланском полку, так как солдаты его любили и многие уланы добровольно последовали бы за ним. Во всяком случае они пригодились бы ему больше, чем все, что приготавлила чужая страна для принятия своего нового князя.

Я рекомендовал моему кузену хорошенько прочесть эту брошюру и принять к сведению советы автора, особенно касающиеся местожительства, которое надо выбрать в глубине страны, дальше от судов держав, чтобы у албанцев не возникло подозрения, что их

князь считается только с могуществом держав, действует под давлением их пушек и нуждается в охране от своих подданных. Читал ли князь эту брошюру? Я сильно в этом сомневаюсь, так как его последующее поведение шло в разрез с высказанными в ней советами.

Княжеская чета отбыла в Албанию, и последующие события доказали мою правоту. По известиям, княгиня объявила с балкона, собравшимся албанцам о приезде князя на французском языке, так как по немецки они не понимали! „Двор“ остался в Дураццо, оберегаемый пушками иностранных судов. Князь не развежал верхом и не изливал золотого дождя на подданных, не отстранил во-время Эссад-пашу, и вся авантюра кончилась так, как этого можно было ожидать.

Я долго остановился на истории выбора албанского князя, так как в свое время распространилось множество фальшивых слухов о моем участии в этом деле и мне приписывались мотивы и намерения, чуждые мне. Когда ко мне обратились с вопросом о выборе князя, я дал тот здравый ответ, который находился в согласии с моим разумом и совестью.

В 1912 году я посетил в Балтийском порту на моей яхте царя Николая II, по его приглашению. Наши яхты стояли борт-о-борт и мы могли беспрепятственно посещать друг друга. Любезности царя, его детей и его свиты не было границ. Мы совместно осматривали русские и немецкие суда, сопровождающие наши яхты, обедали или у царя или у меня. Однажды мы провели все утро на берегу в Балтийском порту, где я принял парад от Выборского 85 пехотного полка, шефом которого я состоял. Полк проделал все эволюции в совершенстве и в конце блестяще прошел перед нами церемониальным маршем. Солдаты были одеты в походную серо-коричневую форму, со смело надвинутыми на ухо шапками, их загорелые простонародные лица и крепкое, молодое телосложение производили в высшей степени благоприятное впечатление.

При этом любезном приеме мне не было сделано даже намека на только что заключенный Балканский союз.

Это было мое последнее посещение России.

Мои сотрудники по управлению.

Одним из моих самых любимых сотрудников был главный почт-директор Стефан. Общение и работа с ним доставляли мне большое удовольствие. Он принадлежал к старой школе и его понимание моих идей и намерений облегчало работу. Кроме того, он умел твердо и неукоснительно идти к намеченной цели. Обладая железной энергией, неутомимой работоспособностью и веселым живым характером, он был создан для творческой работы. Стефан хорошо понимал политические дела и был незаурядным знатоком технических наук. Я ему доверял безусловно и мое доверие никогда не было поколеблено. Общение с этим человеком многому научило меня, и его умные советы часто выводили меня из затруднения.

Под его руководством почтовое сообщение достигло необыкновенной высоты и заслужило удивление всего мира. Также проведению и быстрому развитию телефона, столь необходимого при частных и служебных сношениях, мы обязаны Стефану. Много внес он и в строительное дело. Во всех своих культурных начинаниях он находил во мне необходимую поддержку.

В Германии существовала „Академия построек“, это было устаревшее учреждение, тормозящее работу и очень отсталое по своим взглядам. Я сам имел случай познакомиться с ее отрицательными качествами. Так называемый „белый зал“, временная постройка, сооруженная когда-то для индийского маскарада „Лалла-Рок“, во время празднования приезда великой княгини Шарлотты (вел. кн. Александра Федоровна) и ее мужа,—великого князя, впоследствии царя Николая II, страдал полным отсутствием стиля.

Здание обветшало, грозило разрушением и следовало приступить к сооружению нового на этом месте. Императрица Виктория очень интересовалась этой постройкой, и, руководствуясь ее указаниями, архитектор Ине представил проекты, планы, а также модель, которые заслужили общее одобрение. Но „Академия“ отнеслась враждебно к предполагаемой перемене, она находила, что необходимо сохранить „белый зал“ и его „старинную историческую красоту“

без изменений. Но когда новая постройка, несмотря на затруднения была окончена, члены „Академии“ признали ее совершенство.

Стефан поссорился с Академией по следующему поводу: он желал перестроить некоторые здания почт в больших городах и ни как не мог добиться быстрого решения вопроса от вечно медлящего учреждения. Оно всегда было склонно тормозить дело. Стефан считал перестройку необходимой в интересах государства, чтобы молодая империя и своими постройками производила свежее и сильное впечатление. Кроме того, он считал необходимым, чтобы почтовые здания гармонировали с общим стилем и видом городов, в которых они находятся. С таким взглядом на дело я не мог не согласиться.

Наконец, у Стефана лопнуло терпение и он доложил мне о своем намерении вести постройки помимо Академии. Стефан собрал комиссию из своих архитекторов и чиновников и попросил меня лично рассмотреть и утвердить его планы. Я охотно пошел на встречу.

Стефан был ярым охотником, так что я имел возможность встретиться с ним на придворных охотах и беседовать с этим живым умным чиновником на нейтральной почве.

Из более уважаемых мною министров назову министра финансов Микеля. На этом посту он ввел новую финансовую систему в Пруссии и поставил финансы на то прочное основание, которое помогло быстрому разцвету страны. Общение с этим светлым, умным политиком доставило мне много опыта и знания.

Микель поражал своей эрудицией во всех областях знания и был исключительно умным и острым собеседником, умеющим верно подойти к теме и ярко осветить все вопросы. Во всех его доказательствах красной нитью проходило великолепное знание истории. Древними языками владел он в совершенстве и часто в своих докладах цитировал древних классиков. Его объяснения всегда были интересны и приковывали внимание слушателя.

Микель поддерживал мои громадные планы по постройке каналов, и стоял на моей стороне, когда прусские консерваторы спорили о необходимости проведения среднего канала и провалили мой проект. Он уговаривал меня не бросать борьбы и поддерживал меня в ней до тех пор, пока мы не восторжествовали. Нам обоим было известно, какое благодеяние оказывают каналы государству и населению в Голландии и Франции и каким облегчением служат при перевозке товаров, особенно, когда железные дороги безмерно перегружены.

Великая война доказала всю необходимость водяных сообщений. Благодаря сети каналов, мы могли транспорты раненых и частью

даже солдат, амуницию и все материалы переправлять водным путем и, таким образом разгрузить, железные дороги и до известной степени сэкономять уголь. Но и в мирное время значение каналов незаменимо.

Стефан был горячий приверженец идеи Германской империи и дома Гогенцоллернов; он никогда не уставал беседовать на эти темы и всегда находил во мне внимательного слушателя. Но, несмотря на воспитание в старых немецких традициях, он вполне признавал прогресс, если только последний не шел в разрез с идеей об империи и императоре.

Первой моей заботой по вступлении на престол явилась постройка сети железных дорог. Из докладов и моих наблюдений я вывел заключение, что Восточная Пруссия страдает от недостатка железно-дорожных путей. Я считал это очень важным упущением. Такое положение могло сделаться опасным, в виду хотя и медленного, но неустанного стягивания русских войск к нашей границе. Кроме того, русские постепенно увеличивали сеть своих жел. дорог.

Уже император Вильгельм I был обеспокоен этим накапливаемым русскими армиями у прусской границы. Под влиянием Франции, Россия расположила на границе большие отряды кавалерии, что ставило под угрозу Позен и Шлезвиг. Покойный император обратился к Мольтке для выяснения создавшегося положения. На докладе фельд-маршала присутствовали начальник главной квартиры граф Вальдерзе и я. Результатом совещания явилось постановление о необходимости переброски немецкой армии к восточной границе и развитие железнодорожных путей. Принятые при императоре Вильгельме I меры требовали для своего проведения очень много времени, особенно постройка больших железных мостов. Их сооружению противилось министерство путей сообщения и оно было произведено силами военного ведомства. Министр путей сообщения Майбах, имея в виду лишь денежную выгоду государства, считал необходимым оборудование пассажирских поездов и все его ведомство вообще игнорировало военные нужды страны.

Все начатые при императоре Вильгельме I постройки были выполнены полностью в мое царствование. Если сравнить железнодорожную карту 1914 года с картой 1888, то поражаешься достигнутым в этот промежуток времени результатам. Особенно развилась за это время железнодорожная сеть на востоке и больше всего в восточной Пруссии. Если бы не это преимущество железнодорожных путей, восточная часть империи погибла бы в 1914 году.

Министр Майбах, бесспорно, имеет важные заслуги перед государством. Он много постарался над развитием железных дорог. Отдавая себе точный отчет в быстром росте промышленности запада, Майбах употребил все силы для развития железнодорожного сообщения в этой части государства, но нужды востока мало интересовали его и при его управлении мосты и железные дороги востока были в забросе. Для обслуживания в случае мобилизации восточная часть империи нуждалась в сотнях локомотивов и большом подвижном составе. Для связи с востоком существовали лишь два старых обветшалых моста около Диршау и Мариенбурга. Генеральный штаб настаивал на необходимости обратить большее внимание на восток и из-за этого у него с Майбахом возник конфликт.

Лишь министр Тилен понял нужды восточной части государства и ту настоятельную необходимость ускорить ради военных целей постройку железнодорожных путей по направлению нашей восточной границы. Тилен был старый верный служака, горячо преданный делу и мне, и пользовался моим глубоким уважением. Показательны его слова на открытии Эльбо-Траве-канала в Любеке, где присутствовал я и масса приглашенных. Министр сказал: „Средний канал нужен и будет выстроен“. Наши отношения вплоть до его отставки не были ничем омрачены.

Несмотря на усиленную постройку железнодорожных линий на западе, там все-таки не все было в порядке. В участке до Майнца на Рейне был всего один железнодорожный мост, а Майнц можно было переехать только у Франкфурта. Генеральный штаб давно обращал внимание министерства на это обстоятельство. Как раз и необходимость общего порядка требовала увеличения переправ через эти реки,—это было на руку военному министерству.

Имея в виду эти нужды железнодорожного дела, на пост министра путей сообщения был назначен Будде, бывший ранее начальником железнодорожного отдела при генеральном штабе. Он был мне известен, как большой работник, полный энергии и решимости; он пополнил все военные пробелы нашего железнодорожного дела на обоих фронтах, так что мы, в виду все прогрессирующих военных подготовлений Франции и России, могли, ради защиты родины, принять соответствующие меры.

Но для требований быстро развившейся промышленности и торговли все же было мало выстроенных железных дорог, так как сети каналов еще не было. Кроме того, мы все время находились под угрозой войны на два фронта, и военная необходимость развития

сообщений росла с каждым днем. Россия выстроила на французские деньги целую огромную сеть железных дорог на своей Западной окраине, а Франция увеличила свою пропускную способность, прибавив три и даже четыре колеи на своих путях. Последнее было у нас совсем неизвестным нововведением.

Министр Будде без замедления принялся за дело, и скоро был воздвигнут около Майнца громадный мост через Рейн, а также у Костгейма мост через Майнц. При этом были построены нужные ветви и соединения с правым берегом Рейна и Висбаденом, а также треугольник при Бибрих-Мосбахе. Будде был блестящий организатор и великолепно справлялся с громадной массой своих подчиненных, к которым относился с истинно отеческой заботливостью.

Я уважал этого свежего деятельного человека и был глубоко опечален, когда тяжкий недуг положил конец его плодотворной деятельности.

В министре Брейтенбахе я приобрел прекрасного сотрудника для осуществления моих железнодорожных проектов. С годами из этого человека образовалась выдающаяся личность. Его благородство и общительность, большие знания, острый политический взгляд и неутомимая энергия заставили меня близко сойтись с ним. Он работал в полном согласии с генеральным штабом и понимал всю необходимость принимаемых военным ведомством мер для защиты государства против будущего нападения врагов. Начаты были три моста через Рейн около Рюдесгейма, Нейвиде и Лорелей; они были окончены лишь после начала войны и были названы именами кронпринца, Гинденбурга и Людендорфа. На востоке также еще во время войны продолжались постройки подъездных путей и мостов, а также новых железнодорожных линий.

На западе велись Брейтенбахом важные работы. Им был выстроен большой мост через Рейн у Кельна, а также мост около Байенской башни. В Эйфеле построена железная дорога. По моему желанию была сооружена прямая линия от Гисена до Висбадена и перестроены вокзалы в Гамбурге и Висбадене, а также железнодорожная петля вокруг Франкфурта и Хехста. Было установлено беспересадочное сообщение от Флиссенгена до Тадкуса. Но так как никогда нельзя угодить каждому, то последняя мера вызвала неудовольствие содержателей Франкфуртских гостиниц. Прямое сообщение лишало их туристов, которые ранее должны были волей-неволей ночевать во Франкфурте. Особенно большую оппозицию оказали содержатели отелей в Хехсте.

Долго продолжавшийся спор по поводу прорытия среднего канала окончился, наконец, к моему полному удовлетворению. При Брейтенбахе постройка пошла быстрым темпом вперед. Строили канал частями и польза даже неоконченной работы превзошла все ожидания. Затем, приступили к расширению и углублению канала императора Вильгельма—это была очень тяжелая работа. Под Эмденом соорудили огромный морской шлюз. Сооружения шлюза и мостов вызвали удивление всего мира, так как они превосходили постройки Панамского канала. Все служащие прекрасно справились со своей задачей, и всеми постройками, которые велись за счет государства, распоряжалось прусское министерство путей сообщения.

Я часто посещал Брейтенбаха. В его доме читались торгово-политические и экономические доклады, и можно было переговорить о всевозможных вопросах со многими знающими людьми, и осветить разные проекты со всех сторон. Все большие вокзалы, шлюзы и мосты представлялись мне в планах министром.

Я дольше остановился на этих обстоятельствах, так как хотел доказать, во-первых,—насколько каждый монарх может влиять на развитие своего государства личным вмешательством. Во-вторых,—как важен его независимый от партийных взглядов выбор умных работоспособных сотрудников. В-третьих,—какие блестящие результаты достигаются, когда люди работают совместно с государем и чувствуют его доверие к себе. В нашей совместной работе все было ясно и честно. Нашей целью было благо родины, ее развитие и укрепление, поэтому и работа оказалась плодотворной.

С министерством вероисповеданий и народного просвещения у меня естественно были очень близкие и непрерывные сношения. Из министров этого ведомства назову Госслера и Тротта, как наиболее выдающихся. В лице директора Альтгофа они имели гениального сотрудника.

Из собственного опыта я узнал все неприглядные стороны школьного, особенно гимназического воспитания. Философский подход делал образование очень односторонним.

В Кассельской гимназии я провел три года от 1874 до 1877 г. и наблюдал воодушевление и восторг юношества по поводу франко-прусской войны 1870/71 года и создания единой германской империи. Но сознание „*civis Germanis sum*“, т. е. „я немец“, было ему еще чуждо. Пробудить в молодежи это сознание и глубоко заложить его в их нежных сердцах было непосильной задачей для педагогического персонала с его сухой древне-философской программой. Изучение

отечественной истории, которое так способствует развитию любви к отечеству, и стремления к его славе, было в законе. История после 1815 года почти не изучалась. На жизненное поприще выпускалось ежегодно большое количество филологов, но это не были практические сотрудники и сознательные немцы. Я часто старался пробудить в моих школьных товарищах идею о великой Германии и желание к изучению этого предмета, но, к несчастью, это было почти безнадежно и лишь небольшая книжка адмирала Вернера „Книга немецкого флота“ вызвала их любопытство.

Вместе с односторонностью тогдашнего образования привлекло мое внимание и то направление, которое принимали надежды и мечтания юношества. Большинство мечтало сделаться юристами и приобрести звание ассесора. Такое направление вполне понятно, оно вытекало из этой формы государственности, которая была присуща старой Пруссии. Государство состояло из правительства и чиновников и, конечно, целью каждого юноши было достигнуть возможности сделаться членом и сотрудником управления. Английские юноши того времени, я с ними близко познакомился в Итоне, резко отличались от немецких. Сознательные, окрепшие в спорте, они уже тогда стремились к завоеванию колоний, к открытию новых земель, мечтали об увеличении и усилении своей Британии. Англия была мировой державой уже тогда, когда мы еще были просто чиновничьим государством, потому перспективы английской молодежи были шире и глубже наших. Но как скоро Германия начала приобретать мировое значение, ее юношество должно было наметить себе цели, более согласные с ее величием. С болью в сердце сравнивал я британских гордых юношей с нашими бледными замученными ученьем детьми. Первые очень мало знали латинский и греческий языки, но были сильны и предприимчивы. Конечно, и тогда были предприимчивые люди в Германии, но идея широкого служения родине была усвоена лишь очень немногими.

Я выработал, уже будучи императором, учебную программу для моей молодежи, и, несмотря на протесты и противодействия со стороны филологов и министерства, провел ее в жизнь. Но реформа, к сожалению, не дала тех результатов, на которые я рассчитывал.

Германию во всем ее блеске и славе обрисовал перед изумленными немцами Чемберлен в своей книге: „Основы XIX столетия“, как показало падение немецкого народа, напрасно. Правда, все охотно пели „Deutschland über alles“, но все-таки по приказу врага разгромили государство и низвергли империю, подпали под влияние рус-

ских некультурных вожаков, часто просто преступников, и всадили с их помощью предательский нож в спину родины. Если бы немцы были воспитаны, как нужно, подобное самоунижение было бы невысказано. Я считаю, что вообще во всем происшедшем виноваты внешние враждебные влияния, так как немецкая молодежь, несмотря на свою неподготовленность, стойко вела себя на войне и достигала исключительных результатов. 1914/18 годы показали, что можно было бы ожидать от немецкой молодежи, если бы ее способности были направлены по правильному пути развития. Немец способен на многое, если он сумеет отбросить свои будничные интересы, и народ должен всегда это помнить и стараться развить свой дух.

Верный друг и поверенный моего отца Фридберг занимал пост министра юстиции при моем восшествии на престол; я относился к нему с тем же доверием и уважением, как и мои родители.

Позднее я часто и охотно встречался с министром Везелером, но юстиция вообще не прельщала меня, я находил в ней слишком много педантизма, доктринерства и мертвечины. Но составление гражданского уложения меня очень интересовало, и я присутствовал иногда на заседаниях комиссии. Я горд, что новое гражданское уложение вошло в силу в мое царствование.

Однажды я спросил главного английского судью, известного юриста, что он думает о немецком судопроизводстве, и он ответил: „Вы придерживаетесь буквы закона, тогда как мы вникаем в его смысл и суть“. Я много раз повторял, что для мелких полицейских случаев, как, быстрая езда, несчастные случаи при ней, уличные недоразумения, нужна и у нас английская так называемая „Police court“, которая в тот же день судит и присуждает к штрафу провинившихся. У нас подобные дела тянутся чуть ли не годами.

Министра финансов Шольца я знал еще принцем и заседал вместе с ним в некоторых комиссиях. В то время в министерстве большую роль играл товарищ министра Мейнеке. Не было положения, из которого этот ловкий человек не выпутался бы. Шольц был умным и верным человеком, но слишком сухим, что отражалось на деле. С его уходом и назначением Микеля, о котором я уже говорил, в министерство влилась свежая струя; Микель сразу предложил мне реформу прусских финансов. У него было три проекта: большой, средний и малый. Я сразу же рискнул к его удовольствию произвести большую реформу и к нашей общей радости ее удалось провести.

Министр внутренних дел моего деда Путткамер должен был удалиться во время 99 дней. Меня это очень опечалило, так как я считал его уважаемым, умным человеком и рыцарем чести и благородства. Говорили тогда об интриге со стороны императрицы Виктории. Правда, императрица была заражена английским либерализмом и не любила консервативного в старо-прусском духе Путткамера, но она непричастна его удалению. Его отстранил князь Бисмарк.

Лесоводство всегда обращало на себя мое внимание. Подбельский и Шорлемер — вот два выдающихся министра земледелия и лесоводства. Подбельский стремился засадить на востоке по возможности большие участки лесом. Они должны были служить защитой против восточного холодного ветра и способствовать таким образом смягчению нашего климата, а также защищать восточную Пруссию от русского вторжения. Шорлемер позаботился о развитии лесной промышленности и мы скоро смогли конкурировать с Россией на этой почве. Оба они озаботились улучшить положение служащих их ведомства, и я надеюсь, что Шорлемер принесет еще много пользы своему отечеству.

Многому научился я на охотах от главных лесничих Хёвеля и Штернбурга. Оба были великолепные охотники и прекрасные администраторы.

Расскажу здесь случай из русских курьезов. Царь Николай захотел развести в Спале сорт оленей, который был у нас и о котором он много слышал. Как советчик в этом деле от нас был послан в Спалу Штернбург. Его встретил очень приветливо генерал, заведывающий охотой в Спале и живущий во дворце. Штернбург обратил внимание, что весь дворец, в большей части которого никто не жил, отапливался ежедневно. Когда Штернбург спросил генерала, почему уничтожается даром такая масса дров, генерал пожал плечами и ответил, что ведь никогда нельзя наверно знать, император может все-таки приехать когда-нибудь. Штернбургу в проводники дали немецкого лесника, так как сам генерал и понятия не имел ни о лесном участке, которым заведывал, ни о разведении и корме дичи.

При объезде с лесником Штернбург намечал места, годные для разведения дичи, и для склада корма, при чем обратил внимание, что дичь находится в плохом состоянии и что масса деревьев обглоданы, а, следовательно, могут считаться погибшими. Когда он сказал об этом леснику, тот покачал печально головой: он об этом докладывал, но безрезультатно, так как сено для корма, привозимое

железной дорогой с Черного моря, часто запаздывает и доходит в испорченном виде, и дичи приходится голодать. Изменить этого нельзя, так как в этом транспорте, который стоит громадных денег, слишком много заинтересованных лиц. Так как масса деревянных остатков, находимых во внутренностях дичи, обратили на себя внимание, то была собрана комиссия. Эта комиссия заседала много недель, жила во дворце и кормилась за счет царя. Она убила и выпотрошила массу дичи. Результатом всего этого было: у дичи найдены в желудке остатки дерева, следовательно, она может питаться им, и сена, посылаемого с Черного моря, совершенно достаточно для добавочного корма! Тем и кончилось посещение Штернбурга!

При этих воспоминаниях мне невольно приходит на память анекдот из петербургской жизни, рассказанный Бюловым. Однажды в салоне госпожи Дурново, один высокопоставленный генерал жаловался, что влетел в неприятную денежную историю и ожидает „сверху“ массу неприятностей. Повидимому, он хотел возбудить сочувствие к своей горькой участи, но госпожа Дурново ответила ему коротко своим сухим тоном: „*Mon cher général, quand on fait des saletés, il faut qu'elles réussissent!*“, т. е. „когда делаешь гадости, надо, чтобы они удавались“.

Когда Подбельский занял место имперского министра почт и телеграфа, то, идя по стопам Стефана, он оказался очень практическим деятелем, обладающим большими знаниями и административным талантом. Подбельский оказал незаменимые услуги родине.

Министр торговли Мёллер был другом моего воспитателя Гинцпетера. Он был одним из корифеев национал-либералов и депутатом в рейхстаге. Все партии уважали его за благородство и знания. Когда канцлер князь Бюлов предложил мне его кандидатуру в министры, я заметил, что Мёллер—партийный и депутат. Канцлер полагал, что национал-либералам будет приятно назначение члена их партии. Я находил, что прусские министерства не могут быть партийными и должны держаться независимо. Лично я очень ценил Мёллера, но его назначение может создать нежелательный прецедент. Кроме того, Мёллер необходим в рейхстаге, так как он имеет влияние на все партии. Несмотря на мои доводы, Бюлов настоял на своем. Мёллер получил портфель. Мои личные с ним отношения были наилучшими. Но скоро основательность моих доводов стала очевидной и создавшееся положение заставило Мёллера подать в отставку.

Наука и искусство.

Министерству народного просвещения и исповеданий принадлежала широкая и разнородная область искусства, науки, исследования, народного здоровья и т. д. Все эти предметы возбуждали мой интерес и желание способствовать их развитию.

Особенно радовало меня развитие высших технических школ. Растущее значение техники привлекало все более и более нашу молодежь в эти учреждения, и достижения, как учителей, так и новых молодых инженеров доставили много славы нашей родине.

Профессор Слаби в Шарлоттенбурге был одним из выдающихся мировых ученых. До самой своей смерти он часто бывал у меня и посвящал меня во все новые открытия и изобретения. Наши беседы часто происходили на охоте в лесу, где я, императрица и маленький кружок приближенных следили, затаив дыхание за интересными сообщениями Слаби. Он был мне близок не только, как ученый, но и как человек, и его советы, знания и ясный, проникновенный ум часто помогали мне на моем тяжелом пути. Слаби много значил в моей жизни и его память для меня священна.

Видя успехи и необходимость технического образования, я пожелал дать высшим техническим школам те же государственные права, которые были прерогативой университетов. Это вызвало протест последних, гордых своими классическими знаниями; борьба прекратилась только после моего декрета. Слаби получил мою телеграмму об осуществлении его надежд на лекции в своей лаборатории и прочитал ее студентам, которые разразились радостными возгласами. Высшие технические школы вполне заслужили дарованные им преимущества.

В интересах науки необходимо было освободить корифеев ее от перегруженности в работе; большинство знаменитых профессоров читали лекции и эти занятия отнимали у них столько времени, что чистой науке они могли посвящать только свое каникулярное время. Им нужно было дать возможность работать в покое, на свободе и предоставить нужные им материалы и обстановку. Переутомление

мешало ученой деятельности. Министр Тротт и его товарищ Альтгоф ясно понимали недопустимость создавшегося положения и, идя мне навстречу, предложили создать „общество императора Вильгельма“. Это общество в короткое время достигло блестящего развития и дало мне возможность на своих заседаниях познакомиться со всеми выдающимися учеными нашего времени. Я часто посещал лаборатории и таким образом мог следить за успехами науки. Были оборудованы новые лаборатории, а некоторые, старые исправлены. Я горжусь этим моим созданием, так как оно принесло большую пользу государству и народу. Это было мирное завоевание очень большого значения и министр Тротт направлял его твердой рукой на благо родине. Война отняла у меня и эту радость, я вынужден был прекратить столь дорогое для меня общение с учеными. Дай бог, чтобы это мое создание продолжало долгие годы свою плодотворную деятельность.

Мое желание назначить профессора Харнака на берлинскую кафедру церковного права вызвало протест со стороны правых теологов. После неоднократного разговора с Гинцпетером я выяснил всю необходимость для Берлина и Пруссии этого назначения и настоял на нем. В настоящий момент это сопротивление кажется невероятным. Что за личность Харнак! Какого значения достиг он в мире науки! Сколько знания и пользы принесло мне общение с этим пламенным умом! Какую пользу принес он, как руководитель королевской библиотеки и как член общества императора Вильгельма, в котором он, теолог, произносил речи, касающиеся точных наук, изобретений и успехов химии и т. д. Я всегда буду вспоминать с удовольствием о личности и влиянии Харнака.

Также с удовольствием вспоминаю я вечера, проведенные в обществе профессора берлинского университета по кафедре истории литературы Эрика Шмидта.

С глубоким уважением относился я к профессору Шиману, уроженцу балтийских провинций и яркому защитнику германизма против славянского засилия. Прекрасный историк и блестящий литератор Шиман часто вызывался мною для обсуждения некоторых политических и исторических фактов. Он прекрасно знал восток и часто сопровождал меня в путешествиях; так, например, Танжер я посетил в его обществе. Я часто беседовал с ним о тайных политических обстоятельствах, и своею скромностью он заслужил мое полное доверие. Он был счастлив освобождением Балтийских провинций и занял кафедру в Дерпте (Юрьеве).

Общность наших взглядов на Россию ярко проявилась после Портсмутского мира, заключенного с помощью президента Рузвельта между Россией и Японией. Возможные последствия этого мира обсуждались на все лады и частным образом, и в министерстве иностранных дел. Всех интересовало, какое направление примет политика России после японского разгрома. Общее мнение было, что Россия, потерпев неудачу на востоке, обратится к Германии за поддержкой и помощью для будущего реванша; один я был совсем другого взгляда. Я настаивал, что русские, азиаты и славяне, как первые, они имеют влияние в Японии, несмотря на поражение, как вторые, они охотнее сходятся с показавшими им свою мощь. Поэтому, несмотря на договор при Бьерке, они заключили союз с Японией, а не с Германией. Мои фантазии жестоко осмеяли. Я вызвал Шимана и, не открывая ему моего взгляда, спросил его мнения о спорном вопросе, и вот Шиман дословно подтвердил мой взгляд на Россию и ее будущие отношения к Японии. Долгое время мы оставались одиноки в этой оценке важного политического обстоятельства. События доказали нашу правоту. Ошибки были на стороне берлинских знатоков русского вопроса и министерства иностранных дел.

В первые же годы моего правления явились поводы к новым постройкам.

Нужно было создать достойную гробницу моим деду и бабке. Так как старый мавзолей в Шарлоттенбурге был слишком мал, то явилась необходимость в пристройке. Императором Вильгельмом был основан для подобных построек фонд, но во время 99 дней он получил другое назначение. Поэтому мне пришлось обременить казну непредвиденными расходами. Мавзолей моих родителей в Марли, для которого я тоже должен был достать средства, был выстроен под наблюдением и по планам моей матери императрицы Виктории.

Обследование королевских дворцов, также и провинциальных показало их плохое состояние. Особенно был плох в санитарном отношении берлинский дворец. Я начал заботливо восстанавливать замки и дворцы моих предков и, с помощью знающих архитекторов и художников, мне удалось за 30 лет моего правления привести большинство из них в хороший вид, при чем соблюден в неприкосновенности их прежний стиль. Моя мать оказала своими советами и знанием стиля большую помощь при перестройке берлинского дворца. Таким образом, прежние неудобства были устранены. Моя мать находила, что „каждый стиль хорош, если он чист“. Архи-

тектор Ине называл постройки девяностых годов „а реу прès—стиль“. Последнее произведение этого, так рано угасшего, талантливого архитектора, возобновление картинной галлерей—было закончено лишь во время войны. Но моя гордость, дворец моих предков, который я восстанавливал с такою заботливостью, был разгромлен в дни революции.

Художественные постройки страны являются показателем ее культурности и, требуя участия художественных сил, помогают развитию искусства. Они необходимы при каждом режиме—монархическом ли, демократическом ли, так как служат представительству государства.

В дни отдыха я охотно занимался археологией и раскопками. Меня преследовала мысль найти основу эллинского античного искусства и доказать влияние востока на западную культуру. А раскопки в Ассирии казались мне наиболее важными, так как там можно было найти следы Библии. Поэтому я с радостью согласился председательствовать в „Немецком Восточном Обществе“, всеми силами старался содействовать его успехам и не пропускал ни одного более или менее значительного доклада. Я встречался с членами общества и всегда был в курсе раскопок Ниневии, Ассирии, Вавилона, Египта и Сирии. О их охране и облегчении я лично хлопотал у турецкого правительства.

Член общества, профессор Делич, прочел известный доклад—„Вавилон и Библия“, доклад, вызвавший среди неподготовленной публики массу нападок. Особенно возмущались церковные круги. Так как я знал, что хотя историей Ассирии занимались многие, даже духовные, как протестанты, так и католики, они были известны массам, я с помощью моего друга, управляющего театрами графа Хюльзен-Хезелера велел поставить на сцене „Ассурбанипала“¹⁾. Немецкое восточное общество помогало своими знаниями. На генеральную репетицию были приглашены все любители ассириологии. Рядом сидели протестантские и католические духовные, профессора, ученые, христиане и евреи. Многие благодарили меня за этот показательный спектакль, из которого видно было, какие успехи достигнуты в изысканиях, и который наглядно познакомил большую публику с важным значением ассириологии.

Пребывание на Корфу доставляло мне радость самому принимать участие в раскопках. Случайная находка в окрестностях Корфу ба-

¹⁾ Внук Ноя, сын Сима, по сказанию—основатель Ниневии, начальник ассирийян (прим. переводчика).

рельефной головы Горгоны заставила меня взять раскопки в свои руки. В помощь я призвал профессора Дорпфельда, который и руководил раскопками. В течение года этот выдающийся знаток древней Греции сделался моим другом и источником, из которого я жадно черпал знания об искусстве, постройках и стилях старых греков и афинян. Дорпфельд читал Гомера и указывал на карте места, о которых говорил поэт. Часто народ, меняя свое местожительство, переводил с собой и названия местностей, что очень осложняло работу, но Дорпфельд, с Гомером в качестве Бедекера в руках, находил их по описанию и установил, таким образом, очень многие планы местностей древней Греции. Я с императрицей, в сопровождении профессора, предприняли морскую поездку и посетили древнюю Итаку и места, воспетые в Одисее, причем Дорпфельд читал соответствующие выдержки. Я был поражен, насколько описание совпадало с действительностью.

Раскопки, руководимые Дорпфельдом, дали блестящие для археологии результаты, так как доказали глубокую древность дорического искусства. Голова Горгоны вызвала полемику и всевозможные предположения. Начала обрисовываться предполагаемая мною связь между Азией и Европой. Я регулярно посылал сведения в археологическое общество и был занят подготовкой докладов к зиме 1914—1915 года. Надеялся я внести луч света во многие темные вопросы древней культуры. На Корфу меня посещали довольно часто английские и американские археологи, бывшие ученики профессора Дорпфельда, и принимали участие в разрешении многих трудных проблем. Они были заняты раскопками в Малой Азии и так же, как и я, все более убеждались во влиянии азиатской культуры на древне-греческое искусство. В 1914 году, профессор Дун из Гейдельберга посетил раскопки Корфу. О моих раскопках на острове Корфу я издал отдельный труд.

Вот занятие немецкого императора весной 1914 год, когда будто бы он приготавливал мировую войну и будущее разрушение! В то время, как я занимался дорийскими колоннами, Горгоной и Гомером, в России и на Кавказе шла тайная мобилизация! И царь еще в начале года на вопрос о летней программе путешествия ответил: „Je resterai chez moi cette année, parce que nous aurons la guerre“ (Я останусь нынче дома, так как война неизбежна).

Мое отношение к церкви.

О моем отношении к церкви говорилось и писалось очень много. Еще студентом в Бонне я наблюдал вредное влияние культур-кампа, который я застал в его последнем периоде. Религиозная распря была так велика и ожесточенна, что на одной охоте вестфальское католическое дворянство буквально меня бойкотировало. Я тогда же порешил в душе создать наиболее возможные условия, при которых обе религии могли бы без особой враждебности существовать около друг друга. Культур-кампф прекратился с моим восшествием на престол.

Я терпеливо и заботливо налаживал хорошие отношения с католическим епископатом и довольно близко сошелся с некоторыми князьями церкви. Особенно хорошие отношения у меня были с кардиналом Коппом, епископом Симаром, доктором Шульте, епископами Бертрамом, Тилем и Фаульхабером и кардиналом Гартманом. Это все люди, стоящие выше среднего уровня, и составляют украшение немецкой католической церкви. Их патриотизм и верность родине и государю ярко выразились в последнюю войну. Таким образом мне удалось рассеять туман религиозной борьбы и успокоить католических подданных.

Особенно близок я был с бреславским князем—епископом кардиналом Копп. Он отличался полной лояльностью и я относился к нему с глубоким доверием. Его посредничество между Германией и Ватиканом принесло огромную пользу, так как несмотря на свою чисто-немецкую позицию, он пользовался большим уважением у папы.

Моя дружба с папой Львом XIII мало известна широким кругам. После моего первого посещения один из приближенных папе прелатов рассказал мне, что своею откровенностью и прямотою я заслужил полное доверие папы. Ему очень понравилась та искренность, с которой я говорил ему о вещах, часто от него скрывааемых.

Прием у папы был всегда обставлен с поражающей роскошью. Швейцарская и дворянская гвардия в блестящей форме, прислуга,

камергеры и духовные в огромном числе, все это служило маленькой иллюстрацией к могуществу римско-католической церкви.

Пройдя дворы, залы и передние комнаты, наполненные блестящей, разряженной толпой, я очутился сидящим против папы в маленьком с одним окном кабинете. Тонкое благородное лицо и большие умные глаза, пронизывающие насквозь собеседника, произвели на меня глубокое впечатление. Мы пришли к соглашению по многим вопросам. Я сердечно радовался, что папа с благодарностью признал восстановление положения римско-католической религии и немецких католиков и уверил меня в преданности последних родине и императору.

Папа Лев XIII выказывал, где только мог, свою дружбу ко мне. Так, при одном моем посещении Рима, он дал аудиенцию моей свите и моим служащим, а это считается большой милостью. Он назначил кардиналом кельнского епископа Фишера ко дню освящения портала собора в Меце, на котором присутствовал его делегат, князь-епископ Копп.

К двадцатипятилетнему юбилею папы я послал с поздравлением особую миссию, во главе которой стоял близкий ему генерал-адъютант Лёе.

Вскоре после этого юбилея я посетил папу в третий и последний раз. Это случилось незадолго до его смерти; несмотря на свою слабость, девяностотрехлетний старец вышел мне навстречу и протянул мне обе руки. Свидание отличалось большой взаимной сердечностью. Еще недавно мне попались под руку заметки, набросанные мною по поводу этого посещения.

Между прочим, папа сказал, что он от души приветствует основы моего царствования. Он долго с интересом присматривался к способу моего управления государством и с радостью увидел, что я действую в полном согласии с заветами христианства, он может с чистым сердцем призвать благословение неба и даровать свое апостольское благословение на такого государя, его династию и монархию.

При этом папа заметил, что считает Германию защитой католической церкви и, хотя я старался убедить его, что немецкой римской империи более не существует и обстоятельства радикально изменились, он остался при своем мнении.

Папа еще раз благодарил меня за мою заботу о моих католических подданных. Он сказал, что со всех сторон слышит о моем

хорошем отношении к ним, и все католики во главе с папой глубоко признательны мне за мою сердечность.

Он может меня уверить в абсолютной преданности католиков при всяких обстоятельствах. „Ils restent absolument et infailliblement fidèles“, т. е. „они всегда будут абсолютно и непоколебимо верны“.

Такое признание высокопоставленной ответственной личности меня сердечно порадовало. Заботу о своих подданных без различия вероисповеданий я всегда считал первым долгом каждого христианского государя. Я утверждаю, что во время моего правления каждый мог свободно исповедывать свою религию и исполнять обязанности относительно главы своей церкви. От этого моего жизненного идеала я никогда не отступал.

Эта полная свобода вероисповедания и уверенность католиков, что их не преследуют за религию, внесли покой в государство, и следы культур-кампа мало-по-малу начали исчезать. Но я не обольщался надеждой, что, несмотря на всю предупредительность князей церкви, во мне не видят еретика и считался с тем, что это убеждение еще живет на католическом юге и западе моей империи. Мне много раз с благодарностью повторяли, что католики чувствуют себя настолько хорошо, что не желают лучшего. Но все увеличивающаяся непримиримость церкви в вопросе смешанных браков, а также противодействие центра в политике были показателями, что под спокойной поверхностью живы прежние „антиеретические“ тенденции.

В виду последних обстоятельств я был сильно озабочен объединением протестантских церквей как в Пруссии, так и Германии и в конце концов—во всей Европе. Я часто обсуждал этот вопрос с главными представителями протестантских церквей и старался найти путь для этого объединения. С интересом следил я за эйзенахской конференцией. На освящении церкви в Иерусалиме было много приглашенных из высших чинов протестантской церкви, а также представители из Швеции и Норвегии. То же самое было и при освящении собора в Берлине, куда в числе многих депутатий явилась также депутация от английской церкви, во главе которой находились известный писатель и проповедник епископ фон-Рипон и духовник королевы Виктории Английской, Бойд Карпентор. При каждом удобном случае я старался устроить сближение и союз церквей, но не мог добиться никаких реальных результатов. Многие государи слишком ценили свою власть над церковью и поэтому невозможно было установить более близкое единение. Таким образом, несмотря

на все мои старания, протестантская церковь долго не могла объединиться и дружно противостоять враждебным влияниям. Хотя в Пруссии дело объединения и шло быстрым шагом вперед, в других частях империи лютеране и реформаты оставались чуждыми друг другу. Лишь политический переворот, принесший церкви нужду и горе, вызвал исполнение моего заветного желания. В день Вознесения 1922 года в церкви Винтенбергского замка состоялось к моей радости учреждение „Союза немецких евангелических церквей“.

В начале моей военной службы в Потсдаме я сильно ощущал недостаточность и сухость проповедей, часто оставляющих в стороне личность Христа. В Бонне я познакомился с пастором Дриандер, и его проповеди оставили глубокий след в моей душе. Догматика была чужда его проповедям, и на первый план выдвигалась личность Христа и христианство. Я перевел пастора в Берлинский собор и в дворцовую церковь. Пастор Дриандер был моим жизненным спутником вплоть до 9 ноября. Я часто обсуждал с ним церковные вопросы и обязанности и будущее протестантской церкви. Мягкая, но убежденная, светлая евангельская личность Дриандера служила опорой протестантской религии и помощником своему государю, с которым его связывало взаимное сердечное влечение и глубокое понимание. После 9 ноября он стойко выдерживал преследование. На нем и евангелической церкви покоится надежда, вера и доверие государя. Церковь призвана духовно возродить павший народ: бог—наша защита.

Большое влияние имели изданные по моему приказанию перевод с английского „Беседы о Христе“ миссионера Лукаса, „Проповеди о Христе“—иерусалимского проповедника Шпеллера и сборник изречений „Еще жив старый бог“—советника консистории Конрада. Чтение этих трудов произвело на императрицу и меня неизгладимое впечатление своим захватывающим интересом.

Объективным подходом к религии я обязан моему воспитателю, вестфальскому кальвинисту профессору Гинцпетеру. Он внушил моему воспитаннику руководствоваться Библией, оставляя в стороне все догматические вопросы, а потому я долго был чужд религиозной полемике, и такие понятия, как независимый „православный“, отталкивают меня. Мое собственное исповедание я изложил в ниженапечатанном письме к адмиралу Хольману.

В 1898 году я обрадовал немецких католиков, предоставив им кусок земли в Иерусалиме, который я приобрел у султана во время моего посещения. Патер Шмидт, представитель католиков в Иеру-

салиме, благодарил меня за подарок от лица всех немецких католиков. Когда я обсуждал с ним вопрос об устройстве будущих учреждений, этот старый знаток Иерусалима посоветовал не представлять помещения ни одному из иерусалимских духовных орденов, так как все они слишком привыкли к интригам.

Когда я вернулся домой, ко мне явилась с благодарностью депутация мальтийского ордена с графом Прашма во главе. Мне был представлен план церкви одного известного кельнского архитектора, выдержанный в стиле страны. После окончания постройки я решил передать церковь и землю Бейронским Бенедиктинцам (Бейрон-бенедиктинский монастырь на Дунае); они переселились в 1906 году в выстроенный около церкви монастырь.

С Бейронской бенедиктинской конгрегацией и ее настоятелем аббатом Вольтером я познакомился в Селмарингене. Орден в средние века был всегда в хороших отношениях с германскими императорами, и почти всегда императоры, посещая Рим, заезжали в живописный монастырь на Монте-Кассино, лежащий между Римом и Неаполем и бывший колыбелью Бенедиктинского ордена. Когда бенедиктинцы просили меня о помещении на Рейне, я предложил им великолепное, но запущенное аббатство св. Марии, ранее принадлежавшее иезуитам. Орден, располагающий среди своих членов многими тонкими художниками, привел монастырь в порядок, и он обратился в красивую художественную постройку, служащую украшением всего округа. Я посетил этот монастырь и с удовольствием беседовал с умными, образованными аббатами. В Монте-Кассино я познакомился с настоятелем Кругом, человеком выдающихся способностей и всеобъемлющего образования: он много путешествовал и говорил по-итальянски, французски и английски так же свободно, как и по-немецки. Отвечая на вопрос короля Виктора-Эммануила, он нам рассказал, что все немецкие императоры, а до них лангобардские короли обязательно посещали Монте-Кассино. Он мне поднес копии грамот императора Фридриха II (1194—1250), хранящихся в монастырской библиотеке, я же ему подарил произведения Фридриха Великого. Братья бенедиктинцы—хорошие земледельцы и вокруг их жилища поля поражают своей культурой; пение и игра на органе стоит в монастыре также на высокой ступени развития. Кроме того они прекрасные ювелиры, а сестры бенедиктинки известны своими выдающимися рукоделиями.

Монах магистр Вильперт представил мне плод своих долгих изысканий—рисунок штандарта императора Константина Великого;

по этому рисунку я велел изготовить два экземпляра, из которых один послал в подарок папе, а другой подарил моей дворцовой часовне в Берлине. Последний экземпляр был выкраден в дни революции. Металлические изделия изготовлялись всей братией монастыря, а тканьем и вышиванием занимались бенедиктинки сообща. В 1917 году я посетил женский бенедиктинский монастырь около Рюдесхайма.

* * *

Мое письмо адмиралу Хольману было вызвано тем волнением, которое произвел доклад проф. Делича „Вавилон и Библия“ в немецком восточном обществе. Адмирал был членом-учредителем названного общества. Первая часть письма, которая непосредственно касается доклада Делича, выпущена при печатании.

15 февраля 1903 г.

Мой милый Хольман!

.

Я возвращаюсь снова к моему личному взгляду. Божественное откровение. Я не раз с вами, милый Хольман, а также другими снова беседовал на эту тему. Я различаю два рода откровения: одно непрерывное, так-сказать историческое, другое чисто религиозное—на котором зиждилась надежда на будущее пришествие мессии.

О первом могу сказать: во мне не возбуждает никакого сомнения, что господь всегда невидимо присутствует в каждом человеческом существе. Он вдунул в человека душу, т. е. часть самого себя. С любовью взирает он на развитие человечества и ради этого его „откровение“ нисходит иногда то на одного, то на другого избранника,—этот человек может быть священником или королем, язычником, евреем или христианином—это для него безразлично. Гаммураб *), Моисей, Авраам, Гомер, Карл Великий, Лютер, Шекспир, Гёте, Кант, император Вильгельм Великий были подобными людьми. Он их избрал и осенил своею милостью, чтобы через них их народы могли духовно и физически развиваться во славу божию. Сколько раз мой дед говорил, что он только орудие в руках господя. Бог дарует народам великих людей, чтобы они следовали их примеру и, идя по их стопам, развивались на земле. Разумеется, бог

*) Царь Вавилона времен Авраама. В 1901 году около Сузы открыт его писанный закон, на 700 лет более древний, чем Моисей.

„открывается“ различно, смотря по развитию и положению народа. И как мы с изумлением смотрим на сотворенный богом мир и в каждой былинке видим величие бога, так и в деяниях великих избранных людей мы должны видеть проявление божественной воли и божественного откровения; оно всегда в нас и на нас.

Второй род божественного откровения, более религиозный, есть откровение о пришествии мессии. Начиная с Авраама, человечество постепенно к нему готовится медленно, но последовательно, и без этого человечество погибло бы. И вот начинается поразительное действие божественного откровения. Племя Авраама и происшедший от него народ самым святым и непреложным считает *веру в единого бога*. Они должны его почитать и уважать. Разрозненные в египетском плену части еврейского народа собираются снова около Моисея и все они остаются верны своему единобожию. Разве возрождение этого народа не доказывает вмешательство бога?

И так, через многие века, пока не пришел мессия, возвещенный пророками и псалмопевцами. Наибольшее божественное откровение. Бог явился в сыне; Христос есть бог; бог в человеческом образе. Он нас освобождает, он нас зажигает, он нас прельщает, мы чувствуем в себе его огонь, его милосердие служит нам опорой, его гнев нас уничтожает, а его защита нас спасает. Через работу, ненависть, нужду, несчастье и смерть мы идем к победе, веря его слову, а он никогда не лжет, так как он есть божественное откровение.

Вот мой взгляд на этот вопрос. Лютер утвердил в нас веру в евангельскую истину и Делич, как хороший теолог, не должен был забывать, что Лютер нам сказал: „Писание вы должны оставить неприкосновенным!“ Конечно, каждому ясно, что библия содержит многое не религиозное, в ней попадают чисто житейские советы, ничего не имеющие общего с „божественным откровением“. Это часто лишь исторические описания обычаев и нравов, а также умственного и политического развития израильского народа. Например, Моисеевы „Скрижали Завета“, полученные им яко бы от бога на Синае, вероятно, являются лишь восстановлением прежнего закона, возможно заимствованного из кодекса Гаммураба. Моисею необходимо было укрепить пошатнувшиеся обычаи и строй народа. Историк, вероятно, с легкостью найдет по смыслу или по созвучью родственную связь между законом Моисея и Гаммураба, друга Авраама, но это не может нарушить веры в факт „божественного откровения“ Моисею.

По моему, наш милый профессор отныне должен избегать в своих докладах обществу касаться религии, как таковой, что не мешает ему доказывать отношение обычаев, религии и т. д. Вавилона к старому завету.

Из вышесказанного можно вывести следующее заключение:

а) Я верю в единого бога.

б) Для его познания нам и особенно нашим детям нужен образец.

в) Этим образцом до сих пор служил ветхий завет в его теперешней передаче. Этот образец возможно изменится под влиянием новых исследований, раскопок и найденных новых письмен; это ничего; также не повредит, что от этого пострадает блеск избранного народа. Содержание и ядро останутся те же: бог и его влияние. Религия никогда не была продуктом знания. Она вытекает из общения человеческого сердца и человеческой сущности с богом.

С сердечной благодарностью

Ваш верный друг

Вильгельм.

Армия и флот.

Всем известно мое тесное единение с армией. На этом поприще я следовал преданиям моей семьи. Прусские короли никогда не были космополитами и прекрасно понимали, что для процветания и благоденствия страны нужна реальная сила. Если я требовал внимания к военным вопросам, то только преследуя эту цель. Враг должен был знать нашу силу и взвесить свои шансы на победу прежде, чем объявить нам войну. В немецком народе я хотел развить мужество, чтобы час нашей победы застал достойных граждан.

Я считал служение в армии воспитательным средством. Общая воинская повинность разрушает социальные перегородки. Молодежь, жизненные пути которой столь различны, сходится в армии и сближается между собою в служении общей идее. И что удалось нам создать из нашего юношества! Бледные городские дети превращались в крепких, здоровых людей; в тяжелой работе члены приобретали гибкость и ловкость.

Я из бригадного генерала превратился в императора; но я прошел последовательно всю офицерскую службу. Я и теперь с удовольствием вспоминаю день 2 мая 1869 года, когда я стоял впервые в строю перед моим дедом-императором. Я всегда ценил личные хорошие отношения. Поэтому я с радостью вспоминаю свою службу эскадронным, батарейным и полковым командиром; в то время я приобрел много друзей.

Безгранично доверяя солдатам, я чувствовал себя родным среди них. События осени 1918 года не поколебали моего доверия. Я признаю, что после четырехлетних нечеловеческих усилий и трудов большая часть армии была больна и слишком слаба, чтобы противостоять влиянию внешних и внутренних врагов. Лучшие были в могиле. Остальные, смущенные революцией, оказались недееспособными.

Общая воинская повинность принесла народу большую пользу. Она дала нам сознательных людей. Из них вышли прекрасные унтер-офицеры, а эти в свою очередь выделили из своей среды

кадр хороших служащих, верных своему дому и твердых как сталь, таких, каких не имеет ни одна страна в мире. Как раз из этих кругов я и теперь получаю, так утешающие меня, знаки верности. Мой первый гвардейский второй дивизии пехотный полк принимал участие в моем счастье и несчастье. Последний раз я его видел всего лишь 125 человек под командой фельдфебеля Гартмана на моем двадцатипятилетнем юбилее в 1913 году.

Ответственное место в государстве отведено офицерскому корпусу, этому воспитателю и вожаку вооруженного народа. Некоторые офицерские части получили право самостоятельно дополнять свой состав и эта мера ручалась за однородность офицерства. Случаи проявления кастового духа были единичны и сейчас же подавлялись. При моих частых встречах с офицерами я всегда чувствовал себя их товарищем. Конечно материалистическое течение нашего века отзывалось так же и на офицерах, но вообще надо признать, что ни в какой другой корпорации не было столько дисциплины, простоты и верности своему делу.

Серьезная поверка допускала только лучшим достигнуть высоких и ответственных должностей. Командующие генералы все были высокообразованные люди и, что почти еще важнее, сильные духом.

Хорошей школой для офицера служил генеральный штаб. Я уже говорил, что фельдмаршал граф Мольтке сумел создавать людей, которые стояли высоко не только как техники дела, но и способны были к ответственной, самостоятельной работе. Его преемники граф Вальдерзее, гениальный граф Шлифен и генерал Мольтке продолжали совершенствовать офицерский состав генерального штаба, результатом чего было, что наш генеральный штаб оказался в последнюю войну на высоте, возбудив удивление всего мира.

Я давно убедился, что высоко развитая немецкая техника служит большой помощью и военном деле и сохраняет людей. Поэтому я старался совершенствовать вооружение армии и предоставлять армии возможно более орудий и разных технических машин.

Прежде всего я создал тяжелую полевую артиллерию. Против этого восставали многие и, как ни странно, среди недовольных были артиллеристы. Но, к моему удовлетворению, мне удалось провести мой проект. Во время войны эта артиллерия доказала всю необходимость ее создания. Прошло много времени, пока наши противники смогли нас догнать на этом поприще. Развитие вооружения пехоты усилило нашу боевую способность и помогло сократить потери.

Также были введены подвижные полевые кухни; впервые я их увидел на маневрах в России. Они давали возможность быстро готовить свежую пищу, что благотворно отражалось на здоровье солдат.

Человеческая работа не может быть совершенной; но без преувеличения можно сказать, что немецкая армия представляла из себя в 1914 году инструмент, равного которому не было во всей вселенной.

Если я застал при своем воцарении армию, нуждающуюся лишь в дальнейшем развитии, то наш флот в то время был лишь в зачаточном состоянии.

Когда все старания морского министра адмирала Хольмана увеличить наше морское могущество разбились о непреклонность рейхстага, смущаемого дешевыми речами депутата Рихтера, а также агитацией левых либералов, министр просил отставки.

Я с грустью согласился на его отставку; этот честный, верный человек, вышедший из среды берлинской буржуазии, был мне дорог. Наши отношения прервались только с его внезапной смертью. Я иногда бывал в его доме, где встречался с представителями „восточного общества“, также и он часто бывал моим гостем и спутником по путешествию. Он был вернейшим среди верных, полный альтруизма, он никогда не думал о себе и никогда ничего не просил для себя. Счастлив народ, имеющий таких граждан! Добрая память о нем навсегда сохранилась в моем сердце.

Преемником Хольмана был назначен адмирал Тирпиц. Он при первом же докладе согласился со мной, что при существующих обстоятельствах невозможно заставить рейхстаг согласиться на новые кредиты для морского строительства. Оппозиция была слишком сильна. Тон, которым депутат Рихтер вел свои дебаты, был недостойн серьезности вопроса. Он даже вспомнил, что когда-то выстроенный в Польше господином Козельским корвет, был насмешливо прозван „Козельский“. Таким образом в рейхстаге не останавливались перед насмешкой и издевательствами, хотя дело шло о будущем родины. Это следовало изменить. Представитель морского министерства должен был иметь за собой ряд поддерживающих его людей. Нужно было ближе познакомить еще достаточно невежественных в морском деле депутатов с нуждами флота, развить пропаганду в пользу последнего в народе и заинтересовать им широкие круги публики, чтобы сам народ воздействовал на своих представителей. Нужно было для этой пропаганды заручиться содействием хорошо органи-

зованной прессы, а также ученых и профессоров университета и высших технических школ.

Вся постановка вопроса в рейхстаге должна была быть изменена, перебранка по поводу разных кораблей и доков не могла быть более допущена. При внесении предложения о военных кредитах никогда не поднимался вопрос о составе армии. Поэтому нужно было, что бы и состав флота был утвержден законом. Офицерский и унтер-офицерский корпус должен быть увеличен и приготовлен для службы на новых судах. В начале моего правления в год поступало едва 60—70 кадет, а перед войной их число увеличилось до нескольких сот. Но двенадцать лет было потеряно из-за противодействия парламента. Это запоздание возместить было невозможно, так как для создания флота требуется еще больше времени, чем для создания армии.

Цель, наконец, была достигнута и утверждение закона привело к созданию настолько сильного флота, что во время войны даже гораздо лучше обставленный противник должен был долго взвешивать свои шансы на успех прежде, чем решиться на рискованный шаг. При Скагерраке наш флот настолько отличился, что противник не помышлял о вторичной битве. Слава Трафальгара померкла и его лавры увяли.

В основу морского закона было положено число существующих единиц, в сущности линейных кораблей, хотя они почти все, исключая четырех типа „Бранденбург“, были никуда негодны. Многие считали, что это постановление усиливает и увеличивает число наших судов. На самом деле это было совершенно ложное представление. Наш флот того времени не мог даже претендовать на это наименование. Он медленно умирал — как сказал адмирал Хольман при своем уходе — от старческой слабости. В его составе были самые старые корабли Европы.

Когда началась постройка новых судов, многие радовались тому количеству единиц, которое представлял наш флот, забывая, что старые корабли уже выходят из строя и что поэтому число единиц почти не изменяется. Если бы в пропавшие даром 12 лет была начата постройка, наш флот был бы совсем другим. В сущности пришлось создавать весь флот заново. Если считать все корабли, то, конечно, наш флот был очень многочислен, но это была только видимость. Ею и воспользовались англичане, когда кричали о неимоверно растущей силе германского флота.

Адмирал Тирпиц перешел к осуществлению программы. С железной энергией, не щадя своих сил и здоровья, он вскоре достиг блестящих результатов. По моему приказу, он отправился в Фридрихсруэ к князю Бисмарку, что бы убедить последнего в необходимости создания флота.

Англичане совершенно случайно, конечно, помогли нам при проведении новых морских кредитов. Разразилась бурская война и все симпатии Германии были на стороне маленького, отважного народа. Пришло известие о незаконном захвате английским военным флотом двух немецких пароходов около африканского побережья. Это известие министр иностранных дел граф Бюлов получил в моем и адмирала Тирпица присутствии. Как только Бюлов прочел депешу, я процитировал старинную английскую поговорку: „It's a will wind that blows nobody good“, (т. е. даже плохой ветер может приносить что-нибудь хорошее), а Тирпиц воскликнул: „Наконец-то подул ветер, который нам нужен, чтобы ввести корабль в гавань, морские кредиты будут утверждены. Ваше Величество, вы должны пожаловать орден английскому командиру“. Граф велел подать шампанское, и мы трое выпили за английских моряков, за будущие морские кредиты и за создание германского флота.

Несколько лет спустя я останавливался проездом с охоты у лорда Лонсдаля в чудном, лежащем недалеко от моря, имении Дальмени Касть лорда Розбери, бывшего министра иностранных дел, блестящего либерального политического деятеля и известного последователя Наполеона. За обедом я встретил знакомого мне генерала сэра Яна Гамильтона (шотландца), который когда-то был моим гостем на маневрах, бургомистра города Эдинбурга лорда Провоста и капитана английского флота, коменданта морской станции.

Последний обратил мое внимание своим сконфуженным видом во время его тихой беседы с соседом по столу, моим адмиралом Зенденом. После обеда Зенден представил мне капитана, который показался мне еще более смущенным, чем за обедом. Когда общий разговор кончился, я спросил Зендена, что такое в сущности случилось с этим капитаном. Адмирал, смеясь, рассказал, что за обедом ему удалось узнать от своего соседа, что это он был тем командиром, который захватил в бурскую войну два немецких парохода; теперь он очень боится, чтобы я об этом не узнал. Но Зенден успокоил его, сказав, что он может быть уверен в моей благодарности. „Благодарности? За что?“ удивился англичанин. „За то, что вы облегчили для императора принятие рейхстагом морского закона“.

При проведении в рейхстаге морского закона и морских кредитов всегда тормозило дело мнение что немецкая промышленность не сможет справиться с заказами и выполнить намеченую программу построек. Тирпиц и в этом деле выказал лишь ему одному свойственную энергию. Под его руководством немецкие верфи начали свою работу, а рабочие заразились от него энтузиазмом и исполняли свое дело великолепно. Немецкие инженеры и более образованные, чем их иностранные коллеги, рабочие оказались на высоте и немецкое производство оставило далеко за собой всех конкурентов.

Совещания, конференции, доклады у меня, служебные поездки по всем верфям, вот чем был занят Тирпиц, и это ежедневно. Но огромный труд и энергия были вознаграждены по заслугам. Народ проснулся, желал соображать и понемногу приспособляться к колониальной торговле, и к работе в колониях, начал привыкать к морским путешествиям и ценить новые земли. Оппозиция, наконец, прекратила свои насмешки. Тирпиц не любил шутить и противники умолкли. Особенно неприятно чувствовал себя депутат Рихтер, когда Тирпиц в блестящей патриотической речи доказал необходимость флота и посадил депутата на место.

Наконец, настал великий день и закон был принят громадным большинством. Существование немецкого флота и его постройка являлись уже фактом. Вскоре появился первый броненосец. Для управления и командования им нужны были новые правила и новая сигнальная книга; при моем вступлении на престол эти правила были выработаны лишь для одного дивизиона—четырёх судов, т. к. в то время более четырёх единиц не выступало совместно, да и те на зимнее время шли на отдых, так что зимой вообще немецкого флота не существовало (исключая судов заграничного плавания). Все усилия летнего полугодия, направленные на образование и усовершенствование матросов и офицеров, кочегаров и машинистов, уничтожались осенью и зимой. Весной приходилось все начинать сначала. Вследствие этого не могло быть и речи об общем подъеме. Поэтому я приказал на зиму оборудовать на судах особые топки и не прекращать кампании в холода. Эта мера хорошо подействовала на развитие флота.

Установление новых правил и новых сигналов требовало известное количество судов, поэтому Тирпиц собрал все новые и старые и разделил их на дивизионы; правила и сигналы были выработаны и вскоре вступили в силу.

Очень интенсивно протекали работы по сооружению торпедных лодок и в 1887 году первый немецкий дивизион торпедных лодок явился под командою моего брата, принца Генриха, в Англию на пятидесятилетний юбилей королевы Виктории.

Быстрым темпом шла постройка укреплений на Гельголанде, который должен был служить базой для маленьких крейсеров и торпедных лодок, а позднее—и для подводных лодок.

С увеличением флота потребовалось расширение канала императора Вильгельма. После долгих прений были сооружены огромные шлюзы, которые впоследствии позволили входить в канал и дрейтноутам. В этом блестяще проявилась предусмотрительность адмирала, которую совершенно неожиданно подтвердил следующий случай. Один из строителей панамского канала, полковник Гетхальс, попросил через американское представительство позволение осмотреть канал императора Вильгельма и новые шлюзы на нем. Это было ему охотно разрешено. После одного обеда у меня адмирал Тирпиц спросил восхищенного нашим каналом полковника, какие размеры имеют шлюзы на панамском канале и значительно ли они превышают наши. Ответ был совсем неожиданный. Оказалось что панамские шлюзы меньше наших и рассчитаны на проход лишь линейных кораблей. Тирпиц, очень удивленный, заметил, что в ближайшем будущем, когда на сцену появятся дрейтноуты и сверх-дрейтноуты, канал окажется непригодным. Полковник ответил, что таково было желание морского министерства и что он поздравляет адмирала с его предусмотрительностью и завидует нашей постройке.

Устарелые верфи также были приведены Тирпицем в порядок согласно последнему слову техники, а рабочие поставлены в наилучшие социальные условия. Лишь тот, который, как я, присутствовал с самого начала работ по созданию нашего флота, может оценить всю энергию и работоспособность адмирала Тирпица и его служащих.

Служащие морского ведомства были также созданием адмирала. В настоящее время и штаб адмиралтейства и морское ведомство состоят под непосредственным начальством верховного вождя и, следовательно, между императором и его флотом не существует никакой промежуточной инстанции.

Когда адмирал Фискер создал для английского флота судно совершенно нового типа, а именно „Дрейтноут“, думая этим обеспечить преимущество Англии на море, весь мир, конечно, пришел в волнение. Всюду хотели перещеголять Фискера. Я присутствовал

на первом обсуждении вопроса, что введение дрейтноутов в английском флоте уничтожает все суда прежнего типа. Адмирал Тирпиц заметил, что подобное положение касается и английского флота, раз остальные государства озаботятся созданием дрейтноутов. Англия сама уничтожает свой громадный материал судов до-дрейтноутовского типа и принуждена будет создать новый флот громадных броненосцев для успешного конкуррирования со всем миром, т. к. все государства последуют ее примеру. Это будет стоить баснословных денег. Но чтобы высоко держать свое знамя, Англия не остановится перед издержками, тем более, что она становится все более завистливой к чужим постройкам и это ближе всего касается нас. Но делать нечего. С флотом нашего типа мы не можем бороться против дрейтноутов, и волей неволей мы должны последовать за Англией на этом пути. Война доказала всю верность взгляда адмирала. Все малые суда оказались неприменимыми в сражении.

В Англии поднялся шум, когда первый немецкий большой броненосец был спущен на воду. Мы узнали, что Фисхер и его строители не рассчитывали, что Германия сможет строить большие суда. Поэтому их изумление не имело границ. Подобное предположение было совершенно непонятно. Уже тогда пассажирские немецкие быстроходные пароходы успешно конкуррировали с английскими.

В битве при Скагерраке наши большие корабли оказались лучше английских и более выносливыми в огне.

До войны постройка подводных лодок шла не настолько быстро, как мне лично было желательно. Во-первых, морские кредиты были и так слишком обременены, а, во-вторых, нужно было еще собрать больше данных для нового дела. Тирпиц полагал, что тот тип лодок, который преобладал в других государствах, слишком мал и годен лишь для защиты берегов. Германия должна была выстроить подводные лодки, могущие ходить в открытом море. Для этого нужен был больший тип, но его надо было достигнуть постепенно. Это потребовало много времени и большой возни с моделями. Поэтому в 1914 году мы имели очень ограниченное количество готовых лодок. Но даже с этим количеством мы могли бы сильнее воздействовать на Англию, если-бы канцлер не боялся слишком возмутить ее. Число и мощность лодок быстро увеличилось с начала войны. Надо брать во внимание, что действует лишь $\frac{1}{3}$ имеющегося количества, $\frac{1}{3}$ находится на обратном пути, а $\frac{1}{3}$ —в починке. Могуществу наших подводных лодок удивлялся весь мир, и они заслужили глубокую благодарность родины.

Адмирал Тирпиц может считаться творцом торговой колонии Чинтау. При этом он показал весь свой административный и организаторский талант. Из пустынного, почти неизвестного места он создал в короткое время торговый центр с оборотом в 50—60 миллионов.

Дальновидность Тирпица принуждала его к быстрой деятельности, и он всегда немедленно переходил от слова к делу. Противодействие или медлительность могли привести его в бешенство. Большое знание людей и их недостатков сделали его недоверчивым, очень часто он не доверял некоторым людям без всякого основания. Это недоверие к людям заставляло Тирпица держаться обособленно и мешало людям подходить к нему с открытой душой. Если он менял свое мнение, то делал это быстро и без оглядки, и тогда стремительно шел по новому избранному пути. Вследствие этого работать с ним было не легко. Успехи его работоспособности, которыми он по праву гордился, давали ему ощущение мощи и влияние этого замечали на себе даже его друзья.

Во время войны его склонность к политике настолько в нем восторжествовала над всем остальным, что возбудила распри и привела к его уходу. Рейхсканцлер Бетман требовал отставки великого адмирала на том основании, что министры подчинены ему, канцлеру, и политику ведет канцлер единолично.

С тяжелым сердцем расстался я с этим деятельным, сильным человеком. Он гениально выполнял мои предназначения и был незаменимым сотрудником. Вечная благодарность императора адмиралу Тирпицу. Дай бог, чтобы этот сильный смелый человек снова вскоре встал в ряды работников нашего несчастного отечества. Он сможет сделать для него много больше, чем другие. Об адмирале Тирпице можно сказать словами поэта: „наивысшее счастье человека есть индивидуальность“.

Мой взгляд на его деятельность и на него самого не могла изменить критика, с которой он отнесся ко мне в своей интересной книге.

В О Й Н А.

По получению известия об убийстве моего друга, эрцгерцога Франца Фердинанда, я прекратил спортивную неделю в Киле и поспешил домой, думая проехать в Вену на погребение. Но из Вены просили меня воздержаться от поездки. Впоследствии я узнал, что дело шло о моей личной безопасности; если бы я знал об этом, я, конечно, не обратил бы внимания на этот факт и непременно бы поехал отдать последний долг моему другу. Последствия этого убийства могли быть настолько серьезны, что я, обеспокоенный, хотел отменить мою обычную поездку на север и остаться дома. Но канцлер и министерство иностранных дел были противоположного взгляда и находили, что я обязательно должен поехать, так как это внесет успокоение в общественное мнение Европы. Я долго размышлял, не решаясь покинуть государство в такой критический момент. Но рейхсканцлер заявил коротко и ясно, что нарушение всем известного плана моей поездки может представить положение более серьезным, чем оно есть в действительности, и послужит началом войны, за которую я в этом случае становлюсь ответственным лицом. Весь мир ждет успокоительного известия, что я, несмотря на серьезность положения, отправился в путешествие. Я посоветовался с начальником генерального штаба, но когда и он нашел, что положение ничем не угрожает и сам попросил отпуск в Карлсбад, я решил, скрепя сердце, предпринять путешествие.

Так называемый Потсдамский совет 5 июля, о котором было столько говорено, не был созван. Это злонамеренное измышление. Я, разумеется, перед отъездом, как и всегда, принял некоторых министров и говорил с ними о делах их ведомств; но ни с одним не был поднят вопрос о войне.

Мой флот находился в норвежских фиордах, что было обычно при моих северных поездках.

Министерство иностранных дел присылало мне очень скудные доклады, и я лишь из норвежских газет узнал, что положение становится серьезным. Я несколько раз телеграфировал канцлеру, что

нахожу необходимым вернуться домой, но каждый раз он отклонял мое предложение. Когда я узнал, что английский флот после смотра в Спитхедде не разошелся, а, наоборот, концентрируется, я телеграфировал в Берлин еще раз о необходимости моего возвращения, но и на этот раз канцлер не был со мной согласен. Но когда до моего сведения дошло, через норвежские газеты, а не из Берлина, об австрийском ультиматуме Сербии и об ответной сербской ноте, я немедленно вернулся домой, велел флоту собраться в Вильгельмсгафене. При отъезде я узнал, что часть английского флота прошла в норвежские воды, чтобы (до объявления войны) словить меня.

Очень показателен следующий факт: 26 июля английский посол сэр Эдвард Гошен узнал в министерстве иностранных дел о моей обратной поездке и о мнении министерства иностранных дел, как бы это несвоевременное возвращение императора не послужило бы основанием превратных толков.

В Потсдаме я застал конфликт между имперским канцлером и министерством иностранных дел, с одной стороны, и начальником генерального штаба—с другой. Граф Мольтке был убежден в неизбежности войны, а противная сторона утверждала, что до войны дело не дойдет, если только я не объявлю мобилизации. Этот спор продолжался довольно долго, пока граф Мольтке не получил известия, что русские сожгли пограничные строения, взорвали станционные постройки и вывесили объявления о мобилизации. Тогда, наконец, дипломаты наши прозрели.

Из вышесказанного ясно видно, что в июле 1914 года мы не только не приготавливались к войне, а были далеки от мысли о ее возможности. Когда весной 1914 года гофмаршал осведомился у царя Николая II о программе его летней поездки, царь ответил: „Je resterai chez moi cette année, parce que nous aurons la guerre“ (я останусь в этом году дома, так как будет война). Этот факт был известен канцлеру Бетману, но он не донес мне о нем и лишь в 1918 году я узнал об этих словах царя. Это тот самый царь, который два раза, первый раз в Бьерке, а второй в Балтийском Порту, пожимая мне руки и обнимая меня, давал мне честное слово в своей неизменной дружбе и благодарности за корректное отношение Германии в русско-японскую войну, и обещал не выступать на стороне врагов Германии, если бы разгорелась война, а особенно никогда не быть за-одно с Англией. Он признавался в своей ненависти к Англии, так как считал ее виновницей войны России с Японией.

В то время, как царь разрабатывал программу «летней войны», я был на острове Корфу и занимался раскопками древностей, потом поехал в Висбаден и, наконец, в северную поездку. Государь, который хочет и готовится к нападению на соседей, что требует тайной мобилизации и тщательной подготовки, не покидает на многие месяцы государства и не отпускает начальника своего генерального штаба на отдых. В это время наши враги вели планомерные приготовления к нападению.

Наша дипломатия оказалась далеко не на высоте положения. Она не заметила надвигающейся войны, так как наше министерство иностранных дел более всего опасалось, как выражались, разных „историй“, оно считало необходимым сохранять мир во что бы то ни стало, совсем выпустило из виду, что Антанта может сама желать войны, и поэтому придавало мало значения грозным признакам. В этом тоже видны миролюбивые намерения Германии. Эта ошибка дипломатии привела к конфликту между министерством и генеральным и морским штабами, так как последние во-время предвидели войну и желали к ней подготовиться, но министерство все время им препятствовало; армия долго не могла простить нашим дипломатам, что объявление войны застало ее врасплох, а дипломаты были недовольны, так как, несмотря на все их усилия, война все таки разразилась.

Доказательства, что весной и летом 1914 года, когда у нас никто и не помышлял о войне, Англия, Россия, Франция и Бельгия готовяли свое нападение, неисчислимы. Я собрал все наиболее веские доказательства в „сравнительную историческую сводку“. Из огромного числа этих доказательств я приведу здесь некоторые. Из уважительных причин я не назову всех имен. Весь этот материал был собран во время, а в большей своей части—после войны.

1) Английские банки в апреле 1914 года начали собирать золото. Германия еще в июле вывозит золото и зерно за границу, частью в страны Антанты.

2) В апреле 1914 года немецкий морской аташе в Токио капитан Кнорр доносит: „Он изумлен разговорами о предстоящей войне тройственного согласия против Германии. . . В воздухе чувствуется гроза“.

3) Генерал Щербачев, начальник академии Генерального Штаба в Петербурге, сказал на лекции своим офицерам: „Война с тройственным союзом, вследствие австрийской балканской политики, идущей в разрез с русскими интересами, сделалась неизбежной. . .

Возможно, что она начнется еще этим летом. России предоставлена честь первого наступления“.

4) Бельгийский посол в Берлине доносил о разговорах офицеров японской делегации, прибывшей через Петербург. Японские офицеры, как слышали в Петербурге, совершенно открыто говорят о войне против Австро-Венгрии и Германии. Русская армия готова к войне и время благоприятствует как русским, так и их союзникам, французам.

5) В своих воспоминаниях, напечатанных в 1921 году в „Revue des Deux Mondes“, тогдашний французский посол в России, Палеолог, пишет, что 22 июля 1914 года в Царском Селе великие княгини Милица и Анастасия Николаевны (бывшие черногорские княжны) рассказали ему о получении ими шифрованного письма от их отца, короля Черногории Николая, который пишет, что в конце месяца (т. е. 13 авг. по новому стилю) разразится война. . . . От Австрии ничего не останется. . . Франция получит Эльзас-Лотарингию. . . Французские и русские войска встретятся в Берлине. . . Германия будет уничтожена.

6) В появившейся в 1919 году книге бывшего сербского поверенного по делам Богишевича сказано, что 26 или 27 июля 1914 года французский посол в Берлине Камбон заявил ему: „Если Германия объявит войну, то Англия будет против нее. Английский флот форсирует Гамбург. Мы уничтожим немцев“.

7) Один высокопоставленный русский, член Думы и хороший знакомый Сазонова, рассказывал мне позднее о тайном совете, под председательством царя Николая, имевшем место в феврале 1914 года. Об этом совете я знаю и из других русских источников. Сазонов предложил царю занять Константинополь. Так как это не понравится тройственному союзу, то начнется война против Германии и Австрии. Италия от них отпадет; Россия может твердо рассчитывать на Францию, а возможно и на Англию. Царь согласился и приказал начать подготовительные работы. Русский министр финансов, граф Коковцев, представил царю докладную записку, в которой рекомендовал царю тесное единение с Германией и предостерегал против войны, которая будет несчастна и поведет к революции и к падению династии. Царь не последовал этому совету и предпочел войну.

8) Этот же господин рассказал мне еще один факт: через два дня после объявления войны, он был приглашен на завтрак к Сазонову. Этот встретил его сияющий и, потирая руки, сказал: „Ну, милый барон, вы должны признать, что я удачно выбрал момент для начала

войны“. Когда барон озабоченно спросил его насчет Англии, министр, смеясь, ударил себя по карману и, хитро подмигивая, прошептал на ухо своему собеседнику: „У меня есть в кармане нечто, способное удивить весь мир и обрадовать Россию,—я добился английского согласия на совместное с Россией выступление против Германии!“.

9) Русские пленные сибирского корпуса, взятые в Восточной Пруссии, рассказали, что они летом 1913 года были по жел. дор. переправлены к Москве под предлогом царских маневров. Маневры не состоялись. Но войска не были отправлены обратно, а были на зиму расположены около Москвы. Летом 1914 года их переправили к Вильне для больших маневров, но когда они пришли в Вильну им неожиданно выдали боевые патроны и сказали, что предстоит война с Германией.

Почему и отчего—этого они не узнали.

10) Один американец рассказывает зимой 1914/15 г. в одном журнале о своем путешествии летом 1914 г. по Кавказу.—Май 1914 застал его на Кавказе; проезжая в Тифлис, он встретил массу войска в боевом снаряжении. Он подумал, что на Кавказе восстание, которое помешает ему продолжать путешествие, но при проверке паспорта в Тифлисе чиновник сказал, что никакого восстания нет, а войска просто маневрируют. Когда при окончании путешествия, он хотел занять место на пароходе, то оказалось, что все пароходы заняты перевозкой войск, и ему лишь с большим трудом удалось достать себе и жене каюту на каком-то пароходе. Офицеры говорили ему, что войска направляются в Одессу, а оттуда на Украину для маневров.

11) Князь Тундутов, атаман казачьих войск, личный адъютант великого князя Николая Николаевича, посетил главную квартиру в Босмоне в 1918 г.; с целью завязать сношения с Германией, т. к. казаки не славяне и враги большевиков. Он рассказывал, что еще до войны Ник. Никол. послал его в генеральный штаб, чтобы он мог сообщать великому князю происходящее. Таким образом, он был свидетелем разговора по телефону между царем и начальником генерального штаба Янушкевича. Царь, вероятно, под впечатлением первой телеграммы германского императора хотел отменить мобилизацию и передал свое приказание Янушкевичу по телефону. Этот не исполнил приказания, а обратился за советом к министру иностранных дел Сазонову, с которым был последнее время в близких отношениях и который все время подстрекал к войне, Сазонов ответил ему по телефону же, что приказ царя глупости, на которые не

стоит обращать внимание, генерал должен начать мобилизацию, а он, Сазонов, постарается убедить царя и уничтожить впечатление телеграммы германского императора. После этого разговора Янушкевич донес царю, что мобилизация уже начата и прекратить ее невозможно. Князь Тундутов прибавил: „Это была ложь, так как я сам видел в тот момент приказ о мобилизации лежащим на столе у Янушкевича, следовательно, он еще не вошел в силу“.

В этом факте интересна психология царя Николая, который, приготавливая войну и приказав мобилизацию, хотел в последний момент отступить. Вероятно, после моей ясной серьезной телеграммы он впервые сознал всю громадную ответственность, которую брал на себя, начиная войну. Поэтому он и пожелал остановить грядущее кровопролитие. Этого можно было бы достигнуть и избежать войны, если бы не Сазонов.

12) На мой вопрос, как отнесся великий князь, известный за германофоба, к войне, князь ответил: „Великий князь стоял за войну, но особенно пропагандировать ее не пришлось, так как весь офицерский состав был настроен против немцев и жаждал войны. Этой ненавистью русские офицеры заразились от французов. В сущности, думали объявить войну еще в 1908/09 году (вопрос о Боснии), но Франция не была достаточно подготовлена. В 1914 году Россия тоже не была совсем готова; Янушкевич и Сухомлинов рассчитывали ее начать только в 1917 году. Но Сазонов и Извольский, а также французы поспешили.

Первые боялись революции в России, а также влияния на царя императора Вильгельма, который, пожалуй, отговорил бы царя от воинственных планов. Французы же в тот момент могли рассчитывать на помощь Англии и боялись, как бы Англия не пришла к соглашению с Германией.

На мой вопрос, знал ли царь подобное настроение офицеров, и если знал, то как он это мог дозволить, князь объяснил, что, во избежание разных недоразумений, царь запретил приглашать немецкий дипломатический корпус и военных немецких аташе на обеды в военных собраниях в его присутствии.

13) При нашем продвижении в 1914 году наши войска нашли в северной Франции и на Бельгийской границе большие английские склады солдатских шинелей. По рассказам жителей можно установить факт, что эти склады постепенно устраивались все последние годы в мирное время. Английские пехотинцы, взятые в плен летом 1914 года, почти все были без шинелей и говорили, что они должны

были получить свои шинели из депо в Мобеже и других местах северной Франции и Бельгии. Также нашли мы в Мобеже массу английских карт северной Франции и Бельгии. Названия были напечатаны по-французски и по-английски, а все объяснительные слова были напечатаны на полях на этих двух языках например: moulin-mull, pont-bridge, maison-house и т. д. Эти карты были в 1911 году напечатаны в Сутамтоне. Депо были, с согласия Франции и Бельгии, основаны англичанами задолго до войны среди полного мира.

Какое негодование вызвало бы в Бельгии, этой „нейтральной“ стране, и какой бы шум подняло в Англии и Франции наше желание завести в мирное время депо карт и солдатских шинелей в Спа, Льеже и Намюре!

Среди государственных деятелей, окружавших Пуанкаре и стремившихся к войне, первое место занимала группа Сазонова и Извольского. Извольский, как мне рассказывали, восклицал, гордо ударяя себя в грудь: „Я отец войны!“ (Je suis le père de la guerre!). Делькассе тоже несет ответственность за мировую войну, но еще более виноват Грей, как руководитель „окружения“ Германии и верный исполнитель завещания своего умершего государя Эдуарда VII.

До моего сведения дошло, что большую роль в подготовке мировой войны, направленной против монархических государств средней Европы, сыграла интернациональная „Великая Восточная ложа“, которая много лет определенно стремилась к этой цели. Немецкие ложи, кроме двух, которые финансировались не немецкими деньгами и которые были в тайных сношениях с „Восточной ложей“ в Париже, не имели к „Восточной ложе“ никакого отношения и всегда, как меня уверил один немецкий вольный каменщик, были патриотичны и лояльны. Все эти факты мне были раньше неизвестны. В 1917 году в Париже происходило интернациональное заседание „Великой Восточной ложи“, после которого еще велись дополнительные переговоры в Швеции. В этом заседании была выработана следующая программа: Разделение Австро-Венгрии, демократизация Германии, свержение Габсбургов, отречение императора Германского, возврат Франции Эльзас-Лотарингии, объединение Галиции с Польшей, уничтожение папы и католической церкви и вообще всех государственных церквей в Европе.

Здесь не место заниматься исследованием организации и влияния „Великой Восточной ложи“. Тайные и явные политические организации всегда играли большую роль в истории народов. Некоторые имели благотворное влияние, большинство разрушительное. Самые

опасные из этих организаций это те, которые прикрываются блестящими лозунгами, как то, любовью к ближнему, помощью слабым и бедным и т. д. Под этим покровом преследуются личные цели. Во всяком случае необходимо бороться против влияния „Восточной ложи“, так как лишь после основательного исследования ее деятельности, можно придти к окончательному отношению к ней.

Военных операций я здесь не хочу касаться. Этот труд я предоставляю офицерам и историкам. Тем более, что, не имея никаких актов и документов, я мог бы их обрисовать лишь в общих чертах.

Когда я думаю об этих тяжелых четырех годах войны с их надеждами и разочарованиями, блестящими победами и потерями то прежде всего я ощущаю чувство благодарности и удивления перед вооруженным немецким народом и его громадными усилиями. Эта благодарность прежде всего относится к его вожакам в этой страшной борьбе: к генерал-фельдмаршалу Гинденбургу и его советнику генералу Людендорфу; также каждому незначительному солдату шлю я мою горячую благодарность, особенно же тем, которые пролили кровь в этой борьбе за родину и императора.

Для защиты отечества никакие лишения, никакое терпение не кажутся слишком великими. Армия защищалась в этой преступно навязанной нам войне против много раз сильнеешего противника, состоящего из 28 государств. Армия побеждала на воде, на суше и в воздухе и, хотя эти победы затемнены сейчас, но тем не менее история осветит их и свет увидит их во всем их блеске. И это не все. Мы приходили все время на помощь нашим союзникам, и часто одно наше появление даже с малыми силами восстанавливало положение и приносило победу.

Героическая храбрость немецкого народа заслуживала лучшей участи, чем быть жертвой воткнутого в спину кинжала. Как кажется,— судьба немецкого народа быть побежденным немцами же. Недавно я прочел верные слова: в Германии каждый Зигфрид имеет за собой своего Хедура.

В заключение—еще два примера немецких „ужасов“ на войне!

При продвижении в северной Франции я немедленно обращал охрану художественных ценностей. При каждой армии находились профессора, историки и художники, которые, разъезжая, осматривали церкви, замки, дворцы и т. д., принимали их и записывали. Особенно отличился своей работой хранитель музея в Рейнской провинции, профессор Клемен, который докладывал мне на поле сражения об охране памятников. Для всех собраний редкостей

в музеях, замках и городах были составлены каталоги. Если им угрожала опасность, то их перевозили в Валансьен или Мобеж, где были организованы два великолепных музея; около каждой вещи была надпись с именем владельца. Старинные окна Сент-Кантенского собора были сняты с опасностью жизни немецкими солдатами, под огнем англичан. Один католический священник рассказал о разгроме церкви англичанами, у него были фотографии этого разгрома и я велел послать их папе.

Командный состав третьего армейского корпуса квартировал в замке Пинон, принадлежавшем принцессе Пуа; принцесса была принята в Берлине императрицей и мною и провела у нас несколько дней в гостях. Я посетил замок и жил в нем. Раньше нас замок занимали англичане. Они вели себя отвратительно. Генерал Лохов и его штаб с трудом привели замок в некоторый порядок после нашествия англичан. Я посетил частные комнаты принцессы, вход в которые был нами воспрещен. Я нашел все гардеробные шкафы открытыми, а платья и шляпы брошенными на пол. Я приказал вычистить и повесить все платья, а шкафы запереть. Точно так же были сломаны ящики письменного стола и корреспонденция принцессы валялась кругом. По моему приказу все письма были собраны, перевязаны, запечатаны, положены в ящики и заперты на ключ. Позднее нашли все столовое серебро зарытым в парке. Как мы узнали от деревенских жителей, серебро было зарыто в начале июля, следовательно, принцесса еще задолго до начала военных действий знала, что война неизбежна! Я велел переписать все серебро и сдать его на хранение в Аахенский банк, чтобы вернуть его владелице после войны. Я послал через Швецию принцессе известие о ее замке, серебре и о моей заботе о ее имуществе. Ответа не последовало. Вскоре принцесса объявила в газетах, что генерал Клуг украл все ее серебро.

Ценой усилий немецких солдат и ученых, часто с опасностью жизни, французам было спасено их имущество, драгоценности и художественные ценности на много миллиардов. И это сделали гунны, боши!

Папа и мир.

Пажский нунций Поселли в сопровождении капеллана посетил меня летом 1917 года. Поселли представляет образец интеллигентного образованного человека, его обхождение в высшей степени приятно, он настоящий князь церкви. Его знания немецкого языка позволяют ему свободно следить за разговором, но говорит он на этом языке недостаточно свободно. Разговор происходил на французском языке, хотя нунций иногда и употреблял немецкие выражения. Капеллан говорил совершенно свободно по-немецки и часто вмешивался в разговор, особенно, когда ему казалось, что нунций слишком поддается влиянию моих доводов.

Скоро беседа коснулась вопроса о мире и посредничестве в этом, были обсуждены многие проекты и возможности и признаны невыполнимыми. Наконец, я высказал предположения, что, может быть, папа возьмется быть посредником и сделает попытку в этом направлении, мое же личное предложение мира 12 декабря 1916 г. было отклонено самым недопустимым образом. Нунций ответил, что этот проект кажется ему трудно выполнимым, так как волнения отражаются на здоровье папы, с другой стороны, святой отец в ужасе от этой человеческой бойни и все время думает, каким бы образом помешать ей и спасти европейские культурные страны от этого бича. Каждое предложение в этом направлении будет очень приятно Ватикану.

Я предложил попробовать повлиять на католиков через священнослужителей и постараться, главным образом, уничтожить ту ненависть, которая служит наибольшим препятствием для заключения общего мира. Как раз духовенство Антанты принадлежит к самым непримиримым врагам Германии. Я привел несколько примеров, из которых видно, что некоторые кюре и аббаты были пойманы немцами с оружием в руках. Я обратил внимание нунция на поведение кардинала Мерсие (епископ, примас бельгийской церкви) и бельгийского духовенства, среди которых многие занимаются шпионажем, на проповедь протестантского епископа в Лондоне, который с кафедры благословил убийц с крейсера Баралонга (Баралонг, вспо-

могательный английский крейсер, потопил в 1917 г. немецкую подводную лодку № 27. Одиннадцать немецких матросов, которые выплыли, командир крейсера велел расстрелять). Я привел еще несколько подобных фактов. Если бы папе удалось, посредством ли проповеди священников или пастырскими посланиями, уничтожить эту ненависть, охватившую все воюющие страны, он сделал бы благое дело. Немецкая протестантская церковь уже занялась этим. Поселли нашел мою идею прекрасной, но думал, что очень трудно будет в этом убедить некоторые епископаты. Я ответил, что, зная железную дисциплину, царящую в римско-католической церкви, я не могу себе представить, чтобы какой-нибудь епископ мог противиться приказанию папы. Епископаты беспартийны и, так как прощение и любовь к ближнему есть главные основы христианства, они обязаны последовать призыву папы.

Поселли согласился со мной и обещал обдумать мое предложение и донести о нем в Ватикан. Продолжая беседу, нунций предложил мне вопрос, каким путем, кроме церковного, мог бы папа содействовать заключению мира. Я заметил, что Италия и Австрия принадлежат к римско-католической церкви, а потому папа мог бы легко на них воздействовать. В Италии, где он живет, население его почитает и он мог бы влиять на итальянцев непосредственно. В Австрии государь носит титул „апостолического“, принадлежит со всей своей семьей к вернейшим сынам римской церкви и имеет близкое отношение к Ватикану. Поэтому я полагаю, что папа должен попробовать прежде всего в этих государствах начать свою пропаганду мира. Дипломатические способности и дальновидность Ватикана всем известны. Такое начало имело бы много шансов на успех, и другие державы, разумеется, не могли бы отклонить предложение Ватикана начать переговоры о мире. Нунций ответил, что Ватикану очень трудно будет воздействовать на итальянское правительство, так как он не имеет к нему прямых отношений и не может влиять на его членов. Итальянское правительство, вероятно, откажется последовать такому приглашению.

Здесь вмешался в разговор капеллан и объявил, что на подобное вмешательство папы нельзя никоим образом рассчитывать, так как оно может привести к очень тяжелым для Ватикана последствиям. Правительство моментально направит против Ватикана „улицу“ (Piazza—собственно-площадь), что грозит большими неприятностями. Так как я скептически отнесся к этому заявлению, капеллан сделался более откровенным и заявил мне, что я не знаю римлян, которые

ужасны, когда их разожгут; если „улица“ возмутится, положение сделается очень неприятным, можно ожидать даже штурма Ватикана, и жизнь папы будет в опасности. Я ответил, что сам прекрасно знаком с Ватиканом; толпе невозможно его штурмовать; кроме, того у папы есть большая партия в обществе и народе, которая сейчас же встанет на его защиту. Нунций согласился со мною. Но капеллан продолжал распространяться об ужасах „Piazz'ы“ и рисовать в черных красках опасности для папы. Тогда я поставил на вид, что для штурма Ватикана нужна тяжелая артиллерия и гаубицы, а также войска для осады; ведь в распоряжении Piazz'ы всего этого нет, поэтому я считаю невероятным предположение о штурме. Кроме того, я слышал, что в Ватикане подобный случай предусмотрен. Тогда капеллан замолчал.

Далее нунций предположил, что папе очень трудно будет сделать, что-нибудь реальное для мира, так как светская Италия будет ему противодействовать. Он не свободен. Если бы папа был самостоятельным государем и имел страну, в которой мог бы творить свою волю, положение было бы другое, но он зависит от светского Рима и не может поступить по своему желанию. Я заметил: цель достигнуть мира настолько громадна и свята, что я не поверю, чтобы папа из светских побуждений мог от нее отказаться и отклонить выполнение своей прямой обязанности, как пастыря.

Если ему удастся внести успокоение, то впоследствии благодарный мир, конечно, не откажет поддержать его желание сделаться независимым от Итальянского правительства. Это заявление произвело большое впечатление на нунция, и он, наконец, согласился со мной, — что папа должен предпринять кое-что в этом направлении.

Я обратил внимание нунция на следующее: нунций, вероятно, заметил, как социалисты всех стран стремятся всеми силами к заключению мира. Мы разрешили немецким социалистам проезд в нейтральные страны, чтобы на разных конференциях пропагандировать идею общего мира, так как я убежден, что социалисты наилучшие знатоки народных желаний и течений. Каждому, который обещает помогать делу мира, мы даем свободный пропуск. Среди народа и социалистов Антанты также сильно течение за общий мир. Но Антанта мешает своим социалистам выезжать на конгрессы нейтральных стран. Во всем мире начинает преобладать желание мира. Все народы жаждут мира и, если не найдется никого среди правительств, который взял бы это дело в свои руки, народы начнут действовать самостоятельно. История доказывает, что подобное

вмешательство народа не может пройти безнаказанно для правительств и может потрясти также и папский престол и римскую церковь. Что должен подумать католический солдат, слыша со всех сторон, что социалисты хлопочут о мире, тогда как папа не высказывает никакого желания облегчить ему тяготы войны. Если мира добьются социалисты, то наступит конец могуществу папы и римской церкви даже в глазах католиков!

Этот аргумент поразил нунция; он заявил, что тотчас же донесет папе о нашем разговоре и постарается побудить папу к активности. Капеллан опять повторил с озабоченным видом: „Папе из за его вмешательства грозит опасность со стороны „Piazza““. Но я возразил. Я протестант и, следовательно, еретик в глазах капеллана, тем не менее я должен заявить: „Папа считается католической церковью „наместником Христа на земле“. Изучая священное писание, я уделил особое внимание личности спасителя и старался уяснить ее себе. И я должен сказать, что господь никогда не страшился „улицы“, хотя около него не было хорошо-вооруженной стражи; он спокойно ходил среди толпы, разговаривал с ней и в конце концов умер за нее. Могу ли я поверить, что его „наместник на земле“ боится быть по примеру своего господя случайной жертвой толпы, во имя общего мира? Для этого я, протестант, слишком высоко ставлю католическое духовенство, вообще, и папу— в частности. Для него не может быть ничего прекраснее бороться за общий мир на земле, даже если в далекой перспективе эта борьба и может окончиться его мученичеством.

С блестящими глазами нунций схватил меня за руку и глубоко тронутый воскликнул: „Vous avez parfaitement raison! C'est le devoir du Pape, il faut qu'il agisse, c'est par lui que le monde doit être reagné à la paix. Je transmettrai vos paroles à sa sainteté“ (Вы правы. Это обязанность папы, нужно, что бы он начал действовать, через него мир должен получить успокоение. Я передам ваши слова его святейшеству). Капеллан отвернулся, качая головой, и пробормотал: „Ah, la Piazza, la Piazza“.

Окончание войны и отречение.

Через несколько дней после 8-го августа 1918 года я созвал государственный совет, с целью выяснить положение и вывести заключение, какой политики должен держаться рейхсканцлер граф Гертлинг. Высшее командование находило, что канцлер должен искать пути для сближения с врагами, но полагало раньше достичь какой-нибудь победы над противником; только после этого возможно будет начать переговоры о мире. Я приказал канцлеру снестись с нейтральной страной—Нидерландами и узнать, готова ли она принять на себя роль посредника.

Этот шаг представлял известную трудность, так как действия Австрийского правительства были очень скрытны и его никак нельзя было заставить действовать откровенно. Даже мое желание личной беседы с императором Карлом было им под влиянием Буриана отклонено. Нидерландское правительство было мною осведомлено и изъявило полное согласие выступить посредником. А в это время Австрия самостоятельно начала свои пробные переговоры о мире и, следовательно, дело было начато. Император Карл уже вступил за нашей спиной в переговоры с Антантой и давно решил оставить нас в одиночестве. Он действовал по плану, которым поделился со своими приближенными: „Если я пойду с немцами, я принужден буду с ними соглашаться, а если я буду действовать самостоятельно, то могу делать, что хочу“. Вена все время обманывала меня и мое правительство, и мы ничего не могли поделать, так как нам ясно дали понять, что если мы будем устраивать какие-нибудь неприятности, то австрийские войска уйдут с фронта. Этого и из политических и из военных целей нельзя было допустить.

Отпадение Австрии и Венгрии привело нас к кризису. Если бы император Карл попридержал свои нервы еще всего только три недели, история была бы другой.

После нашей неудачи 8 августа генерал Людендорф заявил, что он не рассчитывает более на военную победу. Нужно начать поэтому мирные переговоры. Но так как нашим дипломатам не удалось до 29 сентября завязать мирные переговоры, а положение на фронте

вследствие революционной пропаганды с каждым днем ухудшалось, Людендорф предложил попробовать прекратить военные действия.

В это время на родине начало расти движение против правительства и требование составить новое. Я не мог не согласиться на образование нового кабинета, так как старому не удалось в продолжение 7 недель,—от 8 августа до конца сентября, начать хотя бы какие нибудь переговоры с надеждой на успех.

Наконец, ко мне явились два вызванных с фронта генерала Гальвиц и Мудра. Они набросали неприглядную картину настроения войска: громадное число трусов в тылу фронта, участвовавшие случаи неповиновения, появление красного флага в частях, возвращающихся на фронт из отпуска, и многое другое. Генералы находили, что настроение, царящее в стране, пагубно отразилось на армии. Жажда мира и окончания войны передались на фронт. Генералы находили, что армия должна быть отведена за линию Антверпен—Маас.

В тот же день я телефонировал фельдмаршалу Гинденбургу начать отступление армии за линию Антверпен—Маас. Это отступление было предпринято с целью занятия более благоприятной местности, чтобы приобрести снова свободу операций. В продолжение войны мы часто отступали ради вышеприведенных целей.

Конечно, армия не была прежней. Последний призыв 1918 года был очень революционен и многие пользовались темнотою ночи, чтобы избежать сражения и убежать. Но большинство моих дивизионов до конца сражались безупречно и сохраняли дисциплину и бодрое состояние. Они все время по внутреннему духу были выше неприятельской армии, так как, несмотря на свои преимущества в числе, вооружении, танках и аэропланах, неприятельские солдаты отказывались идти как только наталкивались на более или менее сильное сопротивление. Наши солдаты в праве и теперь еще написать на своих знаменах: „на суше и на море непобедимы“.

Испытания, выпавшие на их долю за 4¹/₂ года войны, армия и народ перенесли с большой твердостью. Не знаешь, чему более удивляться, тому ли, что наше прекрасное юношество в 1914 году радостно бросалось на врага, не ожидая подготовки артиллерией, или тому, как наши солдаты день и ночь храбро выдерживали натиск противника, лежа в траншеях и подземных ходах, буквально поливаемые свинцовым дождем и бомбами с танков и аэропланов. И это войско, которое должно было бы считаться побежденным, было способно еще после четырехлетних боев нападать на неприятеля, чего наш противник не мог, несмотря на превосходство своего во-

оружения. Но нельзя было требовать от армии сверх-человеческих усилий; мы должны были отступить, чтобы перевести дыхание.

Фельдмаршал противился приказу об отступлении: из политических видов нужно еще остаться на месте. Раньше надо передвинуть обозы и все материалы и т. д.

Я решил отправиться на фронт, тем более, что это было желание армии, и лично убедиться в состоянии духа и в положении войск.

Я это мог выполнить тем легче, что новое правительство и рейхсканцлер почти совсем не считались со мною, следовательно, мое пребывание дома было бесцельно. Ноты к Вильсону обсуждались в бесконечных заседаниях Сольфом совместно с военным министерством и рейхстагом, мне же об этом даже не докладывали, так что я был принужден в конце концов послать министра двора к Сольфу с замечанием, что я требую представлять мне ноты на просмотр до их отправления. Сольф явился с нотами. Он был горд, что мог в них примирить требование Вильсона с предложением перемирия.

Когда я обратил внимание Сольфа на циркулирующие слухи о моем отречении и потребовал воздействия министерства иностранных дел на газеты и прекращения неприличных споров в прессе, министр ответил: „Ведь об этом открыто говорят всюду, даже в лучших кругах этот вопрос обсуждается с полной откровенностью“. Когда я выразил свое изумление, Сольф заметил, чтобы утешить меня: „Если его величество удалится, уйдет и он, так как не мог бы служить далее“. Я ушел или, вернее, я был свергнут, а Сольф остался.

Когда рейхсканцлер, принц Макс, узнал о моем решении ехать на фронт, он всеми силами старался этому помешать. Он меня спросил, почему я желаю вернуться к армии, и получил ответ, что я, считая себя верховным вождем, не могу дольше оставаться вдали от моих страдающих войск, и так я уже более месяца был в отлучке. Когда канцлер нашел, что мое присутствие необходимо дома, я ответил, что мы еще воюем, и место государя среди его солдат. В конце концов я твердо заявил о моем отъезде. Если нота Вильсона о перемирии будет иметь успех, то она должна быть обсуждена в армии в главной квартире, в Спа, куда должен на заседание явиться и канцлер.

Я отправился во Фландрию к армии, отдав проездом в Спа приказание генеральному штабу начать отступление за линию Антверпен—Маас, что бы дать, наконец, отдых нашей армии. Несмотря

на заявление, что это требует времени, что прежде нужно направить обратно обозы, что новые позиции не подготовлены, я настоял на исполнении моего приказа и отступление началось.

Во Фландрии я принимал депутации различных частей, говорил с солдатами, раздавал знаки отличия; солдаты и офицеры всюду радостно меня приветствовали. Особенно горячо приветствовали меня солдаты королевского саксонского полка. В то время, как я раздавал ордена одному гвардейскому дивизиону, появился неприятельский аэроплан. Его начали обстреливать наши орудия, а он сбросил вблизи несколько бомб. Высшее начальство признавало, что на самом фронте настроение армии не оставляет желать ничего лучшего, но чем дальше от фронта, тем настроение делается хуже. Особенно вносят дисгармонию отпускные, которых заведомо дома настраивают на определенный лад. Но молодые рекруты в большинстве надежны.

Вернувшись в Спа, я застал запоздалые известия с родины, где все усиливалась революционная пропаганда и росла агитация против императора, чему способствовала полная растерянность и беспомощность правительства, которое в революционной прессе обзывали „клубом дебатов“, а в правительственных газетах принца Макса называли „революционным канцлером“. Принц десять дней пролежал в постели больной и неспособный принять участие в делах. Я узнал об этом уже позднее. Вице-канцлер Пайер и министр Сольф и так называемый военный кабинет управляли государством. По моему мнению, положение страны было настолько критическим, что недопустимо было передать управление заместителям канцлера. Заместитель никогда не пользуется большим авторитетом, а в тот момент авторитет был крайне необходим правительству. Как я узнал, вице-канцлер не имел даже нужных полномочий. Правильным выходом из положения, я считаю, была бы замена принца Макса лицом, обладающим твердой волей, и передача ему всех полномочий рейхсканцлера. Так как у нас существует парламент, то он должен был озаботиться выбором преемника принцу Максу и представить мне нового рейхсканцлера. Но этого не сделали.

Начались попытки со стороны правительства и рейхсканцлера склонить меня к отречению. Министр внутренних дел Древис явился по приказу канцлера осведомить меня об общем настроении. Он поведал мне все известные факты, имевшие место в прессе, финансовом мире и публике, заявив, что, хотя сам канцлер решил остаться в стороне в вопросе об отречении, тем не менее он

послал министра ко мне для переговоров по поводу этого вопроса. Правительство, повидимому, желало, чтобы я сам пришел к убеждению о необходимости отречения, и опасалось слухов, что я отрекся под его давлением. Я изложил министру все могущие быть последствия моего отречения, а затем спросил его—как он, прусский чиновник, мог явиться с подобным требованием к своему королю. Дреус сконфузился и объяснил, что он следовал приказанию рейхсканцлера, который не нашел никого другого для этого поручения. После мне донесли, что Дреус один из первых заговорил об отречении своего государя и короля.

Я отказал в своем согласии на отречение и сказал, что я соберу войска и вернусь с ними, чтобы помочь правительству и внести успокоение и порядок в стране. После этого Дреус в моем присутствии беседовал с фельдмаршалом Гинденбургом и генералом Грёнером, доложил им мнение рейхсканцлера, но был очень сурово принят этими генералами. Грёнер дал такую уничтожающую характеристику принца Макса, что я же сам должен был успокаивать и утешать Дреуса. Фельдмаршал обратил внимание Дреуса, что в случае моего отречения армия не станет повиноваться и разбежится, а многие офицеры уже теперь уезжают в отпуск, так что армия останется без командного состава.

Вскоре я узнал, что канцлер обращался к одному из моих сыновей с просьбой повлиять на меня и уговорить подписать отречение, но сын, возмущенный, отказал ему в своем содействии.

Между тем я послал начальника гражданского ведомства Дельбрюка в Берлин, чтобы он передал канцлеру мое требование опубликовать мои приказы по министерствам и тем довести до сведения масс мое отношение к новому правительству. Канцлер и этот мой приказ не обнародовал сразу, лишь некоторое время спустя он появился в печати, что было следствием письма императрицы к принцу Максу. Дельбрюк доложил, что приказ произвел хорошее впечатление в прессе и обществе, облегчил слишком натянутое положение, и идея о моем отречении, повидимому, начала ослабевать, и социалисты решили отложить свой запрос по этому поводу.

Спустя несколько дней распространились слухи, что социалисты готовят в Берлине беспорядки; настроение канцлера становилось все более и более нервным. Доклад Дреуса, после его поездки в Спа, произвел на канцлера большое впечатление. Правительство хотело от меня отделаться, но страшилось последствий. В сущности, все его действия были очень неясны. Эти господа

уверяли, что не желают республики и не замечали, что их действия ведут как раз к последней. Может быть, их целью все-таки было достижение республики. Многие обвиняют принца Макса, основываясь на его странном отношении ко мне, в старании устранить меня, чтобы самому сделаться президентом; это обвинение напрасно: я не допускаю таких мыслей у члена старой немецкой княжеской семьи.

Генерал Грёнер, который ездил в Берлин посмотреть, что там происходит, привез очень печальные известия; его мнение—общее настроение очень тяжело. Мы быстрыми шагами идем навстречу революции; правительство бессильно создать что-нибудь положительное; народ требует мира, все равно, какой ценой; авторитет правительства сведен к нулю; настроение против императора все растет, и он полагает, что более нельзя избежать отречения. Войска на родине ненадежны и при восстании можно ожидать очень неприятных сюрпризов. В отобранных полицией сундуках большевистского посольства, найден огромный материал, из которого выяснено, что большевики с группой спартаковцев уже давно готовят революцию по образцу русской (министерство иностранных дел было прекрасно осведомлено об этих приготовлениях к революции, но или посмеивалось над всеми предостережениями или объявляло что нельзя раздражать большевиков). В армию пропаганда идет через возвращающихся из отпуска, и едва ли войска, только что получившие некоторую надежду на покой и перемирие, согласятся выступить против восставших. Поэтому надо достигнуть мира, хотя бы самой дорогой ценой; на войска больше положиться нельзя, и родина находится накануне революции.

9 ноября, утром, рейхсканцлер принц Макс велел мне доложить, что социалистические партии и министры социал-демократы требуют моего отречения и что остальные члены правительства тоже пришли теперь к тому же убеждению. Большинство партий в рейхстаге присоединилось к мнению правительства. Он просит меня, во избежание уличных боев и беспорядков, которые в малом масштабе уже начались, подписать отречение.

Я призвал фельдмаршала Гинденбурга и генерала Гренера. Они заявили, что армия не в состоянии более бороться и нуждается в покое, поэтому надо всеми средствами стремиться к перемирию. В армии всего лишь на 7—8 дней продовольствия и она отрезана бунтовщиками, которые заняли все продовольственные магазины и мосты через Рейн, от подвоза. Непонятно, почему посланная из

Берлина во Францию комиссия для переговоров о перемирии и еще третьего дня перешедшая французскую линию не посылает до сих пор никаких сведений в главную квартиру.

На совет явился и принял в нем участие кронпринц с графом Шуленбургом.

Во время нашей беседы были получены от рейхсканцлера несколько сообщений по телефону. Он объявлял, что социал-демократы решили выйти из правительства и что задержка отречения может повести к печальным результатам. Военный министр доносил, что войска в Берлине ненадежны и некоторые полки уже примкнули к восставшим; борьбы на улице еще нет.

Гражданской войны я хотел избегнуть во что бы то ни стало. Если мое отречение являлось единственным средством предотвратить кровопролитие, я решил отказаться от императорского титула, но остаться королем прусским—и не покидать армии. Военное высшее командование, заявило что мое полное отречение повлечет за собою уход всех офицеров, и армия, оставшаяся без руководителей, разбежится и может причинить громадный вред родине.

Рейхсканцлеру ответили: решение императора должно быть еще обсуждено и формулировано. После этого оно будет вручено канцлеру. Когда некоторое время спустя бумаги были ему посланы, пришло ошеломляющее известие: мое решение опоздало. Рейхсканцлер самовластно объявил уже о моем отречении, а также об отказе кронпринца от своих прав, о чем вообще не было речи. Управление передано социал-демократам и Эберт назначен рейхсканцлером. По беспроволочному телеграфу это известие было распространено по всей стране. Вся армия уже читала эти депеши. Мой отказ от императорского титула, но отнюдь не королевского, был предупрежден.

Если разобратъ поведение рейхсканцлера принца Макса Баденского, то мы увидим—вначале горячо высказанное желание вместе с новым правительством стоять на страже трона; потом отказ в опубликовании моих требований, что могло благотворно отразиться на течении дела, исключение императора из совместной работы; дозволение прессе критиковать императора; полное равнодушие к монархии в вопросе об отречении, попытка заставить императора добровольно отречься от престола и в конце концов объявление за моей спиной по беспроволочному телеграфу раньше времени о моем отречении. Это постепенное развитие действия служит дока-

зательством политической интриги Шейдемана, под влиянием которого всецело находился принц Макс. Своих коллег - министров Шейдеман не посвящал в эту игру, а канцлера заставил следовать за собою и ведя его со ступени на ступень постепенно довел до невозможности управлять массами. Это он заставил принца покинуть на произвол судьбы императора, государей и стражу. Достигнув этого, Шейдеман оттолкнул слабого аристократического „государственного деятеля“.

Положение после распространения вести о моем отречении стало невыносимым. Лишь только войска в Спа узнали о случившемся, нельзя было ручаться за продолжение работы в главной квартире. Высшее командование полагало, что нельзя более надеяться на верность частей, если взбунтовавшиеся части обрушатся на нас; наши люди были бы поставлены перед вопросом—сражаться или нет против своих же товарищей. Поэтому мои советники решили, что лучше всего покинуть армию и искать приюта в какой-нибудь нейтральной стране.

Я пережил тяжелую внутреннюю борьбу. С одной стороны, я возмущался при одной мысли бросить оставшиеся верными горячо любимые войска. С другой стороны, передо мной стояло решение врага, не заключать приемлемого мира, пока я у власти, и утверждение моего собственного правительства, что лишь моим отъездом за границу можно избежать гражданской войны.

В этой борьбе я отрекся от своей личности.

Я принес себя и свой трон в жертву, надеясь, что это послужит на благо горячо любимой родине. Жертва была напрасной. Мой отъезд не принес желанного перемирия и мирных переговоров и не предотвратил гражданской войны.

Тридцать лет армия была моей гордостью. Я жил и работал для нее. И она должна была пасть, сраженная в спину революционерами, после четырехлетних побед, как раз в момент приближения желанного мира! И более всего меня удручает, что мой флот был впереди восставших.

Многое говорилось о моем отъезде за границу и об оставлении мною армии.

Одни говорили: император должен был с верными частями броситься на врага и найти смерть в сражении. Но ведь этим нельзя было достигнуть перемирия, о котором, как раз в тот момент шли переговоры, наоборот, это лишь повредило бы переговорам, и, кроме того, бесцельно погубило бы многих, как раз лучших.

Другие говорят—император должен был во главе армии вернуться на родину. Но мирное возвращение было невозможно; восставшие заняли рейнские мосты и другие важные пункты. Я, конечно, мог заставить верное войско с фронта идти за мной. Но это движение предрешило бы падение Германии. Так как после тяжелой войны началась бы гражданская бойня.

Третьи предполагают: император должен был бы покончить самоубийством. Мои христианские взгляды исключают эту возможность. И разве бы не сказали: Вот трус! Он боялся ответственности. Кроме того, я рассчитывал еще послужить и помочь моей родине и моему народу в наступающее тяжелое время. Именно в вопросе вины за войну, который становится основой нашей будущей участи, я должен был осветить некоторые стороны и защитить свою страну и народ, так как я могу быть самым достоверным свидетелем нашего миролюбия и нашей чистой совести.

Уезжая из моей страны, я уступил лишь просьбам моих советников и их доказательствам, что мой уход принесет успокоение растерзанной родине. Я хотел дать, наконец, покой моей армии и избежать дальнейшего кровопролития и гражданской войны.

Неприятельский и нейтральный суд.

Когда стало известно требование Антанты выдать ее суду меня и высших немецких военачальников, я, не ожидая решения немецкого правительства, взвесил, может ли эта выдача принести хоть какую-нибудь пользу Германии. Мне ясно было намерение Антанты выдачей государственных авторитетов настолько сильно повредить Германии, чтобы она никогда более не могла оправиться, сделаться попрежнему могущественной и иметь возможность снова встать в первый ряд держав. Я знал свой долг и не мог бросить на произвол судьбы страну и предать честь и достоинство Германии. Вопрос сводился к тому, необходимо ли мое появление перед судом и принесет ли оно пользу или вред родине. В первом случае я немедленно бесстрашно был готов принести дальнейшие жертвы моему народу.

Предложение об отдаче меня суду Антанты серьезно обсуждалось, как мне известно, в немецких благонамеренных кругах. Это было доказательством психического гнета и ложного понимания положения и привело бы к самоунижению и ненужным жертвам в угоду Антанте, так как цели, которые они преследовали, были ясны; поэтому я отказался явиться на этот суд.

Я поступил бы иначе, если бы был уверен, что мое добровольное подчинение суду может принести пользу и облегчить участь моего народа. Ответственность за все мои поступки до и во время войны я всегда готов взять на себя перед всем миром. Дело шло не о политической сентиментальности, а, наоборот, о деле для меня очень щекотливом. Общий взгляд, что по конституции ответственным лицом являюсь не я, а канцлер, не брался мной в расчет.

Если бы у меня явилось убеждение, что этот шаг может способствовать улучшению положения Германии, то лично во мне не было бы никакого сомнения, как следует поступить. Свою способность к жертвам я уже доказал, удаляясь из страны и сойдя с трона моих предков, поводом к чему послужила общая, оказавшаяся, увы, ложной, уверенность, что лишь этим путем можно достичь приличного мира и избежать гражданской войны. Я принял бы на себя новую

попытку помочь моему народу, хотя мое отречение не помогло ему избежать ужаса гражданской войны.

Но я был уверен в невозможности помочь Германии таким путем. Если бы я явился в суд, то это было бы лишь осуществлением требований врага, но не принесло бы никакой пользы моей стране. Никакой суд в мире не мог бы притти к правильному решению без изучения архивов всех воюющих стран; Германия, со своей стороны, пошла на это. Но надо было быть слишком большим оптимистом, чтобы при неслыханном повелительном тоне Версаля, надеяться на открытие Антантой своих секретных архивов для этого суда.

Взвесив и обсудив все pro и contra, я решил ради своей чести и национального достоинства отказаться от мысли отдать себя суду врагов. Я не желал разыграть роль Верцингеторикса, который, надеясь на великодушие врагов, отдался в их руки, думая достичь этим смягчения участи своего побежденного народа. Но поведение наших врагов во время войны и в продолжение мирных переговоров не оставляло сомнения, что Антанта едва ли поступит со мной великодушнее, чем Цезарь с благородным Галлом, которого он, не смотря на свои обещания, казнил, а народ Гальский отдал в рабство.

Я должен заметить, что вообще считаю невыгодным следовать советам врага. Требование, чтобы я отдался на суд врагов, явилось в немецком обществе под давлением и внушением Антанты, может-быть, немецкое общество подчинилось этому внушению отчасти бессознательно. Суд должен быть беспартийным и интернациональным и судить не отдельных лиц, а все события, предшествующие войне, для чего ему должны быть открыты архивы всех воюющих стран, и только после тщательного знакомства со всеми документами может быть вынесено правильное решение. Германия предоставила суду свои архивы. Кто противится этому, сам произносит свой приговор.

Мое убеждение по этому вопросу можно видеть в нижеприведенной моей переписке с фельдмаршалом Гинденбургом, весной 1921 года.

* * *

Ганновер, 30 марта 1921 г.

Приношу вашему императорскому и королевскому величеству глубокую благодарность за выраженное вами сочувствие к болезни моей жены. Опасность еще не миновала.

У меня нет никаких радостных вестей для вас с родины. Беспорядки в Средней Германии более серьезны, чем это хочет пред-

ставить Прусское правительство. Надо надеяться, что они скоро прекратятся.

Версальский договор ложится тяжелым бременем на немецкий народ. Его цель, уничтожение Германии, со дня на день делается яснее. Основанием этой принудительной политики служит сказка о немецкой ответственности за войну.

Вожака неприятельского союза Ллойд-Джорджа не смущает его же заявление 20 декабря 1921 года, что ни один государственный деятель не мог желать войны летом 1914 года, хотя все народы, помимо воли, были вовлечены в нее. 3 марта на Лондонской конференции он спокойно объявляет: Германская ответственность за войну непреложна. Она является основой Версальского договора, если отказаться от этого основания, то договор надо будет признать несуществующим.

Вопрос о виновности создает в будущем тиски для немецкого народа. Сильно повредили нам уступки наших уполномоченных в Версале.

Я страдаю вместе с вашим величеством. Я имел счастье стать на моем военном пути в близкие личные отношения к вашему величеству. Я знаю, что вы все время старались сохранить общий мир. Я понимаю, как тяжело вашему величеству не иметь возможности работать в настоящий момент на пользу родины.

„Сравнительные исторические таблицы“, составленные вашим величеством и оттиск с которых был мне прислан, прекрасно рисуют причины начала войны и могут с успехом устранить некоторые ложные положения. Я очень сожалею, что ваше величество не опубликовали эти таблицы для общего пользования, а распространили их лишь среди небольшого круга лиц. Особенно, я считаю необходимым опубликовать их в Германии сейчас, так как они уже частью появились, благодаря нескромности некоторых лиц, в иностранной прессе.

Я с радостью узнал, что в положении ее величества наступило улучшение. Да поможет ей бог!

С глубочайшим почтением, безгранично преданный и благодарный подданный вашего императорского и королевского величества.

фон-Гинденбург, генерал фельдмаршал.

Мой дорогой фельдмаршал!

Благодарю вас за ваше письмо от 30 марта. Вы правы, говоря, что для меня самым тяжелым представляется жить за границей, болея душой за ужасную участь дорогой родины, ради счастья которой я работал всю жизнь, и быть лишенным возможности продолжать эту работу и теперь.

Вы были около меня в тяжелые темные ноябрьские дни 1918 г. Вам известно, что я согласился удалиться в чужую страну под давлением доводов ваших и других моих советников, что лишь таким образом можно будет достичь перемирия и избежать кровопролития гражданской войны. Моя жертва оказалась напрасной. Враги во что бы то не стало хотят возложить ответственность за вину „императорской Германии“ на немецкий народ.

В стремлении принести мою личность на пользу Германии я держусь сейчас в стороне и не отвечаю на ложь и выдумки, которые распространяют обо мне. Я считаю ниже своего достоинства обращать внимание на придирки и брань.

Это решение держаться в стороне заставило меня распространить мои „исторические таблицы“ среди ограниченного круга лиц, в числе которых были конечно и вы, для меня совершенно непонятен факт их опубликования: является ли это следствием чьей-нибудь нескромности или попросту кражи?

При составлении исторических таблиц мною руководила следующая мысль: систематически распределить имеющийся материал и беспристрастно осветить исторические факты, предшествующие войне, чтобы читатель сам мог сделать из них логический вывод. Лучший и самый убедительный источник для моего труда я нашел в литературе, появившейся после войны и в большинстве случаев изданной во враждебных нам странах. Поэтому я радуюсь, что вы находите мой труд удачным. Я благодарю вас за совет опубликовать полностью мои таблицы в германской прессе и воспользуюсь им.

Правда найдет свою дорогу и появится на свет божий неудержимо, как лавина. Каждый должен удостоверить, что германская внешняя политика за все время моего 26-летнего правления была направлена к сохранению общего мира. Она охраняла родину, ее развитие, промышленность и торговлю, хотя им вечно угрожала опасность и с востока и с запада. Если бы мы желали войны, мы объявили бы ее или в 1900 году, когда Англия была обессилена в войне с бурами или в 1905 году, когда Россия была отвлечена Япо-

нией, и победа давалась нам сама в руки. Но 1914 год, мы не могли ни в коем случае выбрать для объявления войны, так как знали, что против нас заключена могущественная коалиция. Кроме того, каждый беспристрастный человек должен сказать, что Германии нечего было ожидать от войны, в то время, как наши враги получали все, а главное могли уничтожить Германию, к чему они давно неуклонно стремились.

В новейшей литературе, как немецкой, так и враждебных нам стран, можно найти целый ряд доказательств, что я и мое правительство в июле и августе 1914 года, всеми силами старались предотвратить войну. Одним из наиболее веских служат слова Сазонова: „Миролюбие германского императора служит порукой, что мы сами изберем момент объявления войны“. Нужно ли еще большее свидетельство нашей невинности? Разве эти слова не выражают желания напасть неожиданно. Бог мне свидетель, что я пошел на все крайности, чтобы не допустить нанести вред моей дорогой родине:

О вине Германии не может быть и речи. Теперь уже нет сомнения, что не Германия, а враждебный ей союз планомерно подготавливал и провел войну.

Чтобы затемнить это предшествующее войне время, неприятельский союз выдвинул при заключении постыдного мира сказку о нашей вине и требование о предании меня его суду. Вы меня, мой дорогой фельдмаршал, слишком хорошо знаете, чтобы не удостоверить, что для меня никакая жертва ради родины не может казаться слишком большой. *Но суд, в котором наш неприятель был бы истцом и судьей, не мог быть органом права, а явился бы средством политического произвола и мое осуждение послужило бы лишь доказательством необходимости невозможных условий мира.* Но суда нейтральных стран я не признаю. Как император и король, я являюсь законным безответственным представителем немецкого народа и, как таковой, не подлежу земному суду.

Вина и суд над главой какого-нибудь причастного войне государства лишают это государство равноправия и авторитета среди других стран. Кроме того, суд произвел бы впечатление, что вина лежит исключительно на главе этого государства и его народе; эту выгоду учли наши враги. Беспартийный же нейтральный суд не имеет смысла, если ему не будут преданы государи и важнейшие политические деятели наших врагов, и если их поведение не подвергнется критике на равных основаниях с нашим. Поведение неко-

торых государств в момент объявления войны может быть освещено лишь после точного допроса их противников.

Точное определение „вины“ могло воспоследовать лишь посредством интернационального беспартийного органа, причём осуждение должно коснуться не только отдельных лиц, но и некоторых фактов, приведших к мировой войне. Также должно быть точно установлена мера нарушения международного права отдельными личностями всех воюющих сторон.

По окончании войны Германия предложила подобное лояльное разрешение вопроса, но, насколько мне известно, противники отчасти отклонили его, а отчасти даже отвергли. Сейчас же после войны Германия с этой целью открыла свои архивы, но неприятельский союз до сих пор не последовал ее примеру. Лишь в настоящий момент в Америке опубликованы некоторые документы из русского секретного архива.

Такое поведение наших противников ясно указывает, где нужно искать настоящих виновников войны! На Германии же лежит обязанность собирать, где только возможно, материалы по этому вопросу, чтобы выяснить в конце концов, на ком лежит вина мировой войны.

В положении ее величества наступило ухудшение. Мое сердце разрывается от скорби.

Ваш благодарный *Вильгельм*.

Вопрос о виновности.

Мировая война 1914—1918 года беспримерна. Беспримерна и путаница в определении причин ее, хотя в сущности эти причины совершенно ясны и определены. Кажущаяся запутанность момента в июле 1914 года не должна нас обманывать. Разумеется, обмен телеграмм между кабинетами великих держав и государей с представителями Антанты, деятельность государственных людей и выдающихся частных лиц представляют важный материал, но это не изменяет коренных причин войны и их надо стараться не смешивать с приходящими обстоятельствами, сопровождавшими ее объявление.

Общее состояние Германии в период, предшествовавший войне, было блестяще, но политическое положение ее становилось все более тяжелым. Благодаря небывалому развитию промышленности и торговли, Германия достигла большого благосостояния, которое все увеличивалось. Мирное завоевание нами рынка не могло быть приятно более старым нациям, а особенно Англии. Это в сущности естественно, конкурент никогда не может быть приятным явлением, и я не могу упрекать Англию за ее недовольство нашими успехами.

Если бы Англия умелыми мирными приемами победила конкуренцию Германии, это было бы лишь ее право. Игру выиграл бы более способный.

Ничего нет предосудительного, если народы борются мирными средствами за достижения родины. Каждое государство обязано работать со всей энергией, смелостью и умением ради своего блага. Другое дело, если, не умея справиться с конкурентом мирными допустимыми средствами, какое-нибудь государство пробует достичь преимущества силой, следовательно средством не мирного порядка и пожелает уничтожить физически своего конкурента.

Наше положение стало тяжелее, когда мы должны были, ради защиты нашего благосостояния, которое определялось в 19 миллиардов ввоза и вывоза, начать постройку флота. Идея, что целью этой постройки являлось нападение на Англию, абсурдна, так как преимущества Англии на море и состав ее флота исключали для

нас возможность борьбы с ней. К тому же на мировом рынке мы неуклонно шли вперед, следовательно, могли быть довольны положением вещей и не имели причин стремиться к войне. Могли ли мы рисковать нашей мирной победой?

Во Франции свято лелеяли после войны 1870—1871 г. мысль о реванше. В беллетристике, в политической и военной литературе, среди офицеров и школьников, в союзах и политических кружках обсуждались способы его осуществления. Я понимаю это настроение. Если народ здоров и крепок, его национальная гордость и честь диктуют ему желание исправить поражение. Но Эльзас-Лотарингия много столетий принадлежала Германии. Франция ее у нас завоевала и в 1871 году мы взяли ее обратно. Поэтому желание реванша и возврата старинного немецкого владения является со стороны Франции несправедливым и immoralным. Наша уступка в этом пункте была бы равносильна отказу от национальной гордости. Так как Германия никогда бы не возвратила добровольно Эльзас и Лотарингию Франции, то последняя могла получить спорное владение лишь ценой победоносной войны, которая дала бы возможность перенести французскую границу до левого берега Рейна. Германии не было никакого расчета ставить на карту блестящие результаты войны 1870—71 года, и потому она старалась сохранять мир со своей соседкой, тем более, что за последнее время все яснее становилось соглашение держав выступить против Австро-Германского союза.

Россия все время стремилась к обладанию южным морем. Это стремление естественно и не подлежит осуждению. У России был вечный спор с Австрией из-за Сербии, этот спор касался и нас, так как мы были в союзе с Австро-Венгрией. Кроме того, царская Россия была в вечном внутреннем брожении и царское правительство находило нужным всегда иметь наготове внешний конфликт, как средство или клапан для ликвидации внутренних неурядиц. Надо прибавить к этому огромную задолженность царской России Франции, которая почти целиком покрывала займы своей союзницы. В Россию было вложено более 20 миллиардов франков золотом, употребление которых контролировалось Францией. Они шли почти исключительно на военные издержки. Русский царизм был прикреплен золотой цепью к Франции и поневоле должен был помогать ей в ее стремлении к реваншу.

Таким образом разные причины привели Англию, Францию и Россию к единой цели—войне с Германией. Англия из-за торговли, Франция—из-за реванша, Россия—из-за внутренних распрей и стре-

мления к обладанию южными морями объединились против нас. Конечную цель их общих стремлений мы называем политикой „окружения“.

Кроме того, был тайно заключен в 1897 г., так называемый gentleman's agreement, т. е. соглашение между Америкой, Францией и Англией, по которому Соединенные Штаты обязались помогать Франции и Англии, если Германия начнет войну во имя пангерманизма (т. е. германской мировой гегемонии). Долгое время я ничего не знал об этом соглашении и, когда до меня дошли слухи о нем, я осведомился об этом у фон-Бетмана, который ответил, что в бумагах министерства иностранных дел есть заметки об этом договоре, а именно—донесение тогдашнего германского посла в Вашингтоне фон Холлебена, но министерство иностранных дел не придает этому донесению большого значения, так как фон Холлебен не указывает источника, из которого он узнал о соглашении. Таким образом, это соглашение не имело не малейшего влияния на германскую внешнюю политику; оно служит лишь доказательством, что англо-саксы еще в 1897 году сплотились против нас, вследствие чего Германии было все время очень тяжело проводить свою политику. Этим же соглашением можно объяснить поведение Америки во время войны.

Эти причины и цели Entente cordiale (Антанта) были нам хорошо известны, и мы руководились ими в нашей внешней политике.

Соединение трех могучих держав Англии, Франции и России, против Германии приводило к следующему заключению: внешнее нападение на Германию и угроза ее самостоятельности могли быть остановлены лишь пока Германия занимает одно из первых мест среди держав и обладает хотя бы приблизительно равными силами с противниками, как на море, так и на суше. Пока для наших противников нападение на нас является слишком большим риском, они не начнут войны. При подобных обстоятельствах, мы не имели права рисковать нашим благосостоянием, но войны мы не желали и не могли желать, дорожа своим благосостоянием. *Следовательно, цели Антанты могли быть достигнуты лишь войною, наши же—лишь мирной работой.* Вот то основное положение, которое гораздо важнее всех остальных обстоятельств. Поэтому я оставляю в стороне обсуждение некоторых частных, как бельгийский или другие договоры, телеграммы перед самой войной. Основательное разоблачение этих обстоятельств является задачей расследования.

Мы хорошо понимали наше положение и *достойно торговались**

Мы шли на многое, ради хороших отношений с Англией. Как я уже писал выше по поводу посещения Гольдани Берлина, мы пошли на уступки в вопросе о постройке флота. Я лично старался использовать мои родственные отношения с королем Эдуардом. Все было напрасно. Король Эдуард был слишком англичанин и мечтал осуществить планы своего правительства. Может быть его обуревало, кроме того, политическое честолюбие, так как он вступил на престол в преклонном возрасте и всю жизнь был отстранен от участия в правлении. Во всяком случае мы делали все, чтобы пойти навстречу Англии. Наши усилия были напрасны, так как *наш вывоз все возрастал*. Мы, разумеется, не могли ради Англии сократить нашу мировую торговлю; это было бы уже слишком.

Многие упрекают нас, разбирая нашу английскую политику, в отклонении предложенного английским министром колоний Чемберленом союза с Англией. Но это предложение имело не совсем такой вид, как говорят. Чемберлен передал Бюлову письмо английского премьера лорда Салюсбери, в котором последний извещал канцлера, что Чемберлен действует по собственной инициативе и английский кабинет с ним не солидарен. Это было дипломатическим ходом, который развязывал руки английскому кабинету, зависящему от парламента. Впоследствии выяснилось, что, если бы Чемберлену и удался его план, либеральная группа воспротивилась бы заключению англо-немецкого договора. Я все-таки согласился тогда на предварительные переговоры Бюлова с Чемберленом, во время которых выяснилось, что союз Англии и Германии должен быть направлен против России. Чемберлен определенно говорил о войне Англии и Германии с Россией. Бюлов с моего согласия вежливо отклонил эту попытку нарушить европейский мир. Рейхсканцлер не нарушил традиций великого канцлера; Бисмарк часто повторял, я это слышал в его семейном кругу: „Германия никогда не сделается вооруженным континентом Англии“. Мы действовали в этот момент согласно нашей общей политике, т. е. отказывались от всякого соглашения, могущего дать повод к войне, не имеющей прямого отношения к защите отечества. Отклонение предложения Чемберлена лучшее доказательство нашего миролюбия.

С Францией мы все время старались создать сносные отношения. Это было очень трудно, так как Франция считала нас врагом, а Германия не могла ей возместить ее потери. Мы мирно ликвидировали мароккский инцидент, ни один здравомыслящий человек в Германии не считал возможным воевать из-за этого вопроса.

Ради мира мы согласились отказаться от наших законных интересов в Марокко и уступили Франции, которая еще более укрепилась договором с Англией и меной Египта на Марокко. Уже во время алжирской конференции можно было наблюдать приближение великой войны. Политические уступки вроде таковой в вопросе о Марокко очень неприятны, но Германия принесла эту жертву, ради своей основной идеи мира.

Мы старались из всех сил поддержать хорошие отношения, но даже нашу вежливость объяснили во Франции превратно. Я вспоминаю путешествие моей матери, императрицы Виктории, в Париж. Мы ожидали сносного приема, так как она была английской принцессой и отправилась в Париж, как художница, ради французского искусства. Я два раза посетил императрицу Евгению, раз в ее замке Фарнборуге, а второй—на ее яхте в норвежских водах. Я считал эти посещения неизбежной вежливостью, так как находился вблизи императрицы. Когда генерал Бонналь был с некоторыми офицерами в Берлине, второй гвардейский пехотный полк давал им обед, на котором присутствовал и я. За обедом я поднял бокал и произнес речь за французскую армию. Это было, может быть, необычно, но я руководился лучшими намерениями. Я привлекал французских артистов и артисток. Конечно, все это лишь очень маленькие факты, но они свидетельствуют о нашем добром желании.

Особенно много трудов я приложил в отношении России. Я никогда не посылал туда писем без ведома и одобрения канцлера, часто даже я писал по его желанию. При Александре III Россия никогда не была бы вовлечена в войну, он был слишком надежен. Император Николай Второй был слаб и неустойчив. У него всегда был прав последний, а я не мог всегда им быть. Я предпринял все, что было в моих силах для сохранения традиционной дружбы между Германией и Россией. Кроме политических соображений, меня побуждало к этому данное мною обещание деду, императору Вильгельму Великому, на его смертном одре. Я настоятельно советовал Николаю II произвести внутренние реформы и созвать так называемую Великую Думу, которая существовала еще при Иоанне Грозном. И этими советами, не имея намерения вмешиваться во внутренние дела России, я лишь желал в интересах Германии предупредить внутреннее брожение в России, так как на опыте убедился, как часто внутренние волнения служат поводом к внешней войне. Я хотел уничтожить хотя бы эту причину к войне. Тем более, что этот мой совет прежде всего был полезен самому царю и России. Царь меня

не послушал и создал новую думу, которая не смогла прекратить движения в стране.

Во время японской войны я пообещал царю не нападать на него и мешать ему, устраивая разные затруднения. Германия сдержала это обещание.

Когда война не оправдала ожиданий царя, и японские и русские войска стояли почти без боев друг против друга, в Берлин явился молодой брат царя великий князь Михаил. Мы недоумевали, что ему было нужно. Князь Бюлов, который в то время был канцлером, просил меня спросить великого князя, что в сущности происходит с Россией, он, Бюлов, получил очень плохие известия и находит, что Россия должна кончить войну. Я согласился поговорить с великим князем, который был очень обрадован, что я сам начал разговор и согласился, что обстоятельства складываются для России неважно. Я ему сказал, что вероятно царь решил скоро заключить мир, так как ненадежность войска и офицеров, о которой говорит великий князь, не менее опасны, чем внутренние беспорядки. Великий князь Михаил был видимо рад, что я помог ему высказаться. Он сказал, что царь по обыкновению неустойчив и колеблется, но если я посоветую, он согласится заключить мир, и попросил меня написать царю несколько строк в этом смысле. Я набросал английское письмо царю, пошел к Бюлову и, рассказав ему мою беседу с великим князем, показал свой черновик. Князь поблагодарил меня и нашел, что письмо целесообразно. Великий князь предупредил русского посла, графа Остен-Сакена, и уехал прямо к царю, который тотчас же приказал начать мирные переговоры. Граф Остен-Сакен сказал мне при следующей встрече, что я оказал громадную услугу царю и России. Я был очень рад этому признанию и стал надеяться, что мне теперь удастся легче наладить хорошие отношения с Россией. Моим советом царю заключить мир я предотвратил также опасность, которая угрожала Германии, если бы русская революция успела окрепнуть и переброситься через границу к нам. Благодарности Германии за это я не получил, но я представляю лишнее доказательство моего миролюбия.

Та же цель руководила мной при заключении договора при Бьерке в 1905 году. Он предусматривал союз между Германией и Россией, в ратификации которого отказало русское правительство (группа Извольского). Своевременно теперь сказать несколько слов об Америке. Gentleman's agreements было ясно, что Америка в случае мировой войны принципиально выступит на стороне Англии и

Франции. Хотя она и не принадлежала к членам созданной Эдуардом VII Entente cordiale, Америка не принимала участия в обстоятельствах, предшествующих войне, а также не помогала ее вызвать. Неприветливый ответ президента Вильсона германскому правительству в начале войны зависел от Gentleman's agreements. Но нет никакого сомнения, что лишь выступление Америки, а также помощь, которую она оказала Антанте, снабжая ее вооружением и амуницией, помогли нашим противникам одержать верх и помешали центральным государствам их победе над Антантой.

Но при критике нельзя поддаваться чувству; в политике приходится считаться лишь с реальными факторами. Америка была свободна остаться нейтральной или присоединиться к одной из воюющих сторон; невозможно упрекать государство за такое или иное решение, раз оно не противоречит его договорам. Но в своей книге „Shall it be again?“ Ион Кеннет Турнер пишет, что все причины, выставляемые Вильсоном по поводу выступления Америки, проблематичны; выступление состоялось в интересах могущественного финансового класса.

Война создала большое благополучие Америке, так как в Соединенных Штатах скопилось 50% золота всего мира, и доллар теперь определяет вексельный курс на мировом рынке, прежде эту роль играл английский фунт. Но за это нельзя упрекать, так как, каждое государство с радостью, если бы могло, приняло бы и это золото и связанный с ним престиж на мировом рынке. Можно лишь сожалеть, что Америка была союзником наших врагов.

Но если Германия может по праву протестовать против нарушения ее мирной работы Антантой не мирными средствами, а вооруженной силой, то также она обязана опротестовать нарушение Америкой ее прав при окончании мировой войны. Я уверен, что американский народ не причем в отречении Вильсона от его 14 пунктов. Президент вначале протестовал против английской блокады, но вскоре перестал противиться ей, тоже самое мы видим и относительно его 14 пунктов. Немецкое правительство их приняло и согласилось с ними, хотя это было для него невыгодно. Антанта точно также согласилась на них, исключая пункта, касавшегося свободы морей. Вильсон гарантировал 14 пунктов. В Версальском договоре я не встречаю важнейших из них, а остальные представлены в искаженном виде. Веря гарантии Вильсона, Германия очистила занятую ею территорию и отдала оружие, то-есть обесценила себя совершенно. Германия пришла к нынешнему печальному со-

стоянию, благодаря, с одной стороны, своей доверчивости и нарушению Вильсоном 14 пунктов, а с другой стороны—благодаря революции. Вильсону нужны были его 14 пунктов, лишь как средство для приведения Германии к согласию о переговорах, достигнув этого, он их уничтожил. Так, по крайней мере объясняет поведение президента в своей книге Турнер.

Большая часть американцев была против Вильсона, не желая нести ответственность за него. Я не мечтаю о помощи Германии со стороны Американских Штатов, я рассчитываю лишь, что американский народ постарается по возможности исправить вину своего бывшего президента перед нами. Ведь ореол победы не вечен и когда-нибудь не только в Германии, но и в других государствах в политических вопросах начнут считаться с неблагонадежностью американского президента и могут перенести ее на весь американский народ, а это не может быть в интересах американцев. Подозрение в неблагонадежности всегда невыгодно для государственной политики. Мир забудет, что какой-то, мало известный Вильсон был обойден Ллойд-Джорджем и Клемансо, и осуждение позднейших поколений падет на народ. Мое знакомство со многими американцами и американками лишь подтверждает мое убеждение, что большинство из них не могут одобрить своего президента. Не сентиментальные, а чисто государственные цели, должны заставить Америку внести облегчение в участь нашей родины.

Кроме отречения от 14 пунктов, Вильсон первый поднял вопрос об отречении династии, обещая за это смягчение условий мира. Так как правительство принца Макса выставляло на первый план при требовании моего отречения это обещание Вильсона—вопрос об избежании гражданской войны было на втором плане—оно должно было потребовать каких-нибудь гарантий. Во всяком случае эти обещания, которые день ото дня становились все настойчивее, заставили меня покинуть страну в надежде принести родине успокоение. После долгой внутренней борьбы, я решил пойти на встречу правительству, у которого, как выяснилось, не было никаких реальных гарантий. Не проверяя, согласился на определенное предложение рейхсканцлера.

Теперь ясно, почему Антанта потребовала через президента Вильсона моего отречения. Она понимала, что с моим удалением наступит полная распушенность и растерянность в военных и политических сферах Германии и ее возможно будет заставить согласиться на самые тяжкие условия. В тот момент Антанта еще не

имела помощника в лице революции. Следовательно, для Германии, даже по убеждению Антанты, мое правление было бы полезнее моего отречения. Сам я вполне разделяю это убеждение, особенно теперь, когда вполне выяснилось, что правительство Макса Баденского не имело никаких оснований утверждать, что мой уход будет полезен родине при заключении мира. Более того, я утверждаю, что сама Антанта никогда не решилась бы предложить германской империи подобные условия. Поэтому я считаю, что, возбуждая вопрос о моем отречении под предлогом улучшения условий мира для Германии, Вильсон брал всецело ответственность на себя. В Германии никогда не должны смешивать Вильсона с американским народом.

Если я ниже привожу мои политические основания, то это происходит лишь из желания доказать отсутствие вины со стороны Германии в мировой войне.

С первого дня моего правления главной целью немецкой политики было сглаживание всех встречающихся шероховатостей. Следовательно, это была политика миролюбия. Во внутренней политике я сразу дал закон о защите труда. Социальный закон сразу возвел Германию на вершину цивилизованных народов.

Во имя основной идеи примирительной политики, наша армия была гораздо малочисленнее, чем могла бы быть, принимая во внимание численность населения. При наборе, как и при постройке флота, правительство считалось с поправками рейхстага. Уже тогда решение о вооружении было предоставлено народному представительству. Государство, желающее и приготавливающее войну, не могло бы держаться подобной тактики.

Чем яснее становилась политика „окружения“ и наступления со стороны Антанты, тем законнее было с нашей стороны позаботиться о защите нашего благосостояния. К сожалению, далеко не все меры к нашей самозащите были приняты.

Немецкое миролюбие не сумело оградить страну от опасности, которая грозила нашему благосостоянию в случае войны. Мы сейчас страдаем не от последствий нашего стремления к завоеваниям, а, наоборот, от последствий нашей доверчивости и миролюбия.

Об основных положениях стран Антанты, я уже говорил, также касался я наших усилий, во что бы то ни стало сохранить хорошие отношения с другими государствами.

Я не хочу оставить без внимания и маленькие факты, служащие доказательством все того же миролюбия и желания сглаживать от-

ношения. Кильская неделя привлекала к нам гостей со всего света. На нейтральной почве спорта, мы так же искали сближения, как и на почве науки, посредством обмена профессоров. Иностранцами офицерам охотно показывали и разъясняли устройство нашей армии. Последнее можно рассматривать, как ошибку, но она во всяком случае доказывает стремление жить в мире со всеми.

Кроме того, Германия ни разу не воспользовалась случаями, представлявшимися ей для победоносной войны.

Я уже говорил о нейтралитете Германии в русско-японскую войну.

Во время бурской кампании, мы могли бы напасть на Англию или на Францию, которая была в тот момент лишена помощи своей союзницы. Во время русско-японской войны мы могли бы объявить войну России или Франции и, конечно, довести ее до победоносного конца, но мы не сделали этого.

В вопросе о Марокко мы даже не подумали о войне; только благодаря нам, боснийский кризис обошелся без вооруженного столкновения.

Когда ясно обсудишь все обстоятельства и факты, предшествовавшие войне, и рассмотришь донесения государственных деятелей Антанты, как Пуанкаре, Клемансо, Извольского, Тардые и других, то потрясенный становишься перед вопросом: каким образом мирный Версальский договор мог быть построен на основании вины Германии в мировой войне. Эта ошибка предстанет когда-нибудь на суд истории.

Один француз, Луи Гетан, делегат общества „защиты прав человека“, сказал недавно:

Если мы решимся обсудить факты без предвзятого мнения, но с полной искренностью и независимостью, не считаясь с партией, к которой мы принадлежим, то мы должны будем признать, что война 1914 года является лишь продолжением войны 1870 года. С этого времени всех французов более или менее преследовала мысль о реванше. Но войну 1870 года сначала объявило французское правительство. Французской империи она была нужна, как выход из тяжелого внутреннего положения. Сам Гамбетта—этот ярый трибун оппозиции, заявил: „Если империя завоеует для нас левый берег Рейна, я примирюсь с нею!“. Следовательно, дело шло о завоевательной войне. Что скажут завоеванные народы, об этом не было и речи. „Мы подчиним их своей воле“, это право победителя! Но предлог к войне едва не ускользнул от Франции: принц Леопольд.

предвидя затруднения и неприятности, отказался от кандидатуры на испанский престол. Вот беда! Без этого предложения не будет войны! С Францией произошло то же, что в басне с девушкой и разбитым горшком: „Пропали теленок, корова, свинья и куры“, у Франции пропали— победа, слава, левый берег Рейна и даже Бельгия, так как последняя лежала тоже на вожденном левом берегу. Разочарование было слишком велико, предложение нужно было выдумать. Вся шовинистская печать занялась этим и, наконец, исход был найден. Грамон, министр иностранных дел, поручил послу Бенедетти поехать к королю Вильгельму в Эмс, где король лечился, и потребовать у него письменного удостоверения, что в случае если принц Леопольд возьмет назад свой отказ от испанской короны, король, как глава семьи, воспротивится этому.

Отказ принца Леопольда был обставлен формально и испанское правительство его официально приняло. Сомнения в этом отказе не могло быть. Несмотря на это, парижские газеты разжигали своими статьями публику и кричали о войне. Тех, которые, как Роберт Митхель в газете „Конституционель“, радовались по поводу мирного разрешения вопроса, ругали в лицо на улицах. Гамбетта кричал: Вы довольны?! Какое возмутительное выражение! Номера газеты „Конституционель“ отбирали у газетчиков, бросали их в реку, а Эмиль де Жирарден написал Роберту Митхелю: „Если империя потеряет этот предлог, она пропала!“ Вот когда началась подготовительная работа к войне 1914 года!

Во Франции, как и в Англии не мало людей, солидарных с выше приведенным мнением Луи Гетана, что служит лишним доказательством нашей невинности.

Конечно, последнее десятилетие наша дипломатия часто делала ошибки, но они происходили исключительно из желания поддержать общий мир. Такие ошибки не могут считаться преступлением.

Я уже говорил, например, что лично считаю и считал Берлинский конгресс большой ошибкой, так как его созыв ухудшил наши отношения с Россией. Конгресс был победой Дизраели, англо-австрийская победа над Россией, возбудившей ненависть русских против немцев. Но сколько было впоследствии стараний, чтобы примириться с Россией! Я отчасти перечислил их. И согласие князя Бисмарка на созыв Берлинского конгресса диктовалось лишь желанием избежать общей большой войны.

Канцлер Бетман Гольвег тоже сделал ошибку в 1914 году. Я приказал ему стараться избежать войны, но он не был достаточно

большим государственным деятелем, чтобы понять мировой кризис во всем его объеме. Но нельзя же приписывать нам вину лишь потому, что наши противники умело пользовались нашими ошибками. Бетман, как и все мы, желал избежать войны. Это видно уже из того, что он до 4 августа сносится с Англией в полном убеждении, что ему удастся уговорить ее выступить из членов Антанты.

Попутно я вспоминаю, что в подобном же заблуждении находился наш посланник в Лондоне, князь Лихновский. Вскоре после того, как он получил пост посла в Лондоне, король Георг изъявил желание обедать у него. Этому примеру последовало все высшее общество Лондона. Князь и княгиня Лихновские, были гостеприимно приняты и обласканы. Из этого факта, посол вывел заключение, что наши отношения с Англией улучшились. Сэр Грей вывел его из этого заблуждения, холодно объяснив послу не задолго до войны, что бы он не придавал политического значения личным отношениям. В этом объяснении ярко выступает разница, между английским и немецким восприятием. Немец считает личное отношение выражением отношения политического, так как немец привык к искренности в своих отношениях к людям. Он не делает из своего сердца ловушки. Англичанин разделяет форму от содержания и ему доставляет удовольствие, если кто-нибудь смешивает эти два понятия. С английской точки зрения, объяснение сэра Эдуарда Грея было большой откровенностью.

Много говорили о том, что договор с Россией, касающийся взаимострахования, не был возобновлен, но этот факт не мог иметь большого влияния на войну или ее предотвращение. По моему убеждению, этот договор не остановил бы Николая II итти по пути Антанты, а при Александре III, он был излишним. По мнению князя Бисмарка, русский посол, граф Шувалов возобновил бы с ним этот договор, но отказался сделать это с его преемником, но это, конечно, лишь субъективный взгляд князя. В сущности с обеих сторон не было желания возобновить договор в прежней форме. Об этом доносил князю Бисмарку его секретарь, граф Берхем. Мое личное мнение было, что надо составить проект нового договора, к которому надлежало привлечь и Австрию, одним словом, создать что-нибудь похожее на прежний тайный договор „трех императоров“, (состоявшийся в 1881 году между Германией, Австрией и Россией, заключенный на 3 года, он был в 1884 году продлен еще на 3 года). Но, как я уже говорил, я не считал Николая II

способным действовать согласно договору, тем более, что влиятельный круг высших военных был настроен враждебно к Германии.

Мы обязаны нашей торговле, развитию которой очень благоприятствовали обстоятельства последнего времени перед войной, достижением нашего значения в мире. Я лично никогда не страдал военным честолюбием. Мой отец рассказывал мне о войне 1870 года и рисовал такие страшные картины, что я потерял всякую склонность снова начать эти ужасы в гораздо большем масштабе и ввергнуть немецкий народ и все культурное человечество в бездну несчастия. Старый фельдмаршал граф Мольтке, которого я глубоко уважал, как-то сказал пророчески: Горе тому, кто зажжет факел войны в Европе! — А князь Бисмарк однажды заметил — Германия никогда не должна начинать завоевательной войны, Германия и так насыщена.

Таким образом и личные и политические взгляды обоих знаменитых людей Бисмарка и Мольтке, а также непреклонная воля народа работать мирным путем и не пускаться в приключения направляя курс нашей политике к поддержке всеобщего мира. Если в некоторых кругах говорилось о какой-то партии войны, то это является сознательной или бессознательной ложью. В каждом государстве есть элементы, которые из благородного убеждения или из-за менее высоких мотивов при каждом тяжелом положении, призывают к войне, но никогда подобные круги не имели влияния на германскую политику. Особенно неосновательны нападки на генеральный штаб, будто бы призывавший к войне. Прусский генеральный штаб верой и правдой служил королю и отечеству и служил обороной мирной работе родины, но его политическое влияние равнялось нулю. Вообще в прусско-германской армии не наблюдался особенный интерес к политике. Пожалуй было бы лучше для нас, еслибы в высших военных кругах более интересовались внешней политикой.

Как при всей этой ясности могла в основу Версальского мира лечь часть вины в мировой войне? Это была бы неразрешимая загадка, еслибы на сцену не выступило с большим успехом новое военное средство, а именно тщательная и смелая политическая пропаганда Англии против Германии. Я не могу назвать эту пропаганду иначе, как „низостью“; она нам причинила более вреда, чем оружие противника. Немецкому характеру чужды ложь, скрытность и лицемерие. Мы стремились доказать оружием нашу правоту. Но война — суровое искусство. Нет ничего привлекательного нападать с

тяжелым оружием на цивилизованных людей и разрушать прекрасные старые города. Сами мы не могли вести такую же пропаганду, так как во время войны наш противник имел свободный тыл, а мы были окружены. Кроме того, немцы не обладают даром пропаганды и способностью влиять на другие народности. Таким образом мы были бессильны против английской пропаганды так же, как были бессильны против английских танков. Пропаганда действует и в настоящее время и мы должны защищаться против нее. Нет никакого сомнения, что неправильность Версальского договора есть следствие пропаганды, которая вселила в мозги более чем 100 миллионам людей, в том числе и немецким пацифистам,—идею о виновности Германии. Таким образом, основания Версальского мира многим казались правильными.

Постепенно все изменится. Упали загородки между народами и понемногу они начинают сознавать свое заблуждение. Реакция уничтожит виновников Версальского договора, но она поможет Германии. Само собою понятно, что ни политика, ни общественные деятели, ни публицисты Антанты не верят в виновность Германии. Они все прекрасно осведомлены о всех обстоятельствах. И никогда еще не случалось, чтобы столько авгуров посмеивались над общим секретом, как в этом деле. Можно говорить о целом хоре авгуров, так как против Германии воевали 28 государств. Но не хитрый смех авгуров творит историю. Истина явится на свет и Германия найдет свое право.

Некоторые статьи Версальского договора сами по себе не имеют значения, так как ни Германия, ни Антанта не могут их выполнить. Уже можно наблюдать, какие трудности преодолевает не только Германия, но и победитель. Во многом договор нарушен самой Антантой. Это понятно. В настоящее время весь мир зиждится на планомерном обмене сокровищ промышленности и ума, поэтому невозможно, чтобы три человека сели и написали свои законы для всей вселенной, а Версальский договор диктует свои законы не только Германии, но косвенно и Антанте и Америке, так как экономические вопросы не могут быть разрешены одной стороной. Жизнь народов регулируется в наше время не параграфами договоров, а потребностями того или другого народа. Если при этом на сцену выступает сила, то страдают обе стороны—и победитель и побежденный в равной мере. Мир находится сейчас в подобном положении, оно не может долго продолжаться, и ни танки, ни тяжелые орудия, ни эскадрильи аэропланов не смогут его продлить. Скоро

мы увидим пересмотр Версальского договора, так как если бы он был совершен и осчастливил мир, не было бы необходимости созывать новые бесконечные конференции и заседания по поводу этого *удивительного* договора. Необходимость новых толкований явилась потому, что жизненные потребности цивилизованных наций были оставлены без внимания при заключении мира.

Но не надо быть фарисеем: после такой мировой битвы на жизнь и на смерть некоторое обременение обязательствами побежденной стороны является естественным последствием. Но я знаю, что если бы победа была на стороне Германии, мы предложили бы более легкие и приемлемые условия. Брестский и Бухарестский мирные договоры, которые все-таки далеки от Версальского, не могут быть поставлены нам в вину, так как были заключены во время войны и должны были сохранить нам возможность спокойно ее окончить. При общем мире восточный мир был бы совершенно другим. При счастливом для нас окончании войны восточный мир был бы нами пересмотрен. Когда его заключали, мы должны были считаться с условиями военного времени.

Но вопрос о пересмотре Версальского мира будет скоро возбужден. И жизненные потребности настоящего времени повелительно продиктуют свои условия как победителю, так и побежденному.

После тяжелых лет испытаний мы освободились от ярма, несправедливо навязанного великому, сильному, благородному народу. И снова каждый будет рад и счастлив назваться немцем.

Падение и будущее Германии.

Мне безразлично, что говорят про меня враги. Я не признаю их судьями моих поступков. Когда я вижу, что те самые люди, которые еще недавно курили передо мной фимиам, забрасывают меня грязью, я испытываю лишь чувство сожаления к ним. Но меня глубоко огорчают известия с родины. Бог мне судья, что я всегда старался преследовать лучшие цели и рассчитывал, что каждый немец убежден в этом. Я все время старался согласовать свои действия как правителя и как человека с заветами высшего судьи. Не все выходило по моему желанию—но моя совесть чиста. Целью моих действий всегда было благо моего народа и моей страны.

Мою участь я несу со смирением, так как бог знает, что он делает и чего он желает. Он знает, для чего возложил на меня это испытание. Я терпеливо несу мой крест и жду, что будет угодно его воле еще возложить на меня. Я страдаю лишь за судьбу моей страны и моего народа. Меня тревожит горькая участь моих детей, которую, принужденный жить на чужбине, я не могу разделить с ними. Это рана в моем сердце и горе для меня. И здесь в одиночестве я только и думаю, как бы помочь моему народу. Суровая критика никогда не может уничтожить мою любовь к стране и народу. Я остаюсь верен немцам совершенно безотносительно, как ко мне относится тот или другой из них. Я благодарен тем, которые и в несчастьи относятся ко мне, как и раньше. Они помогают мне не отчаиваться и смягчают тоску по моей дорогой любимой родине. Тех, которые настроены против меня из благородных побуждений, я могу уважать. Остальные будут отвечать перед богом, своей совестью и историей. Им не удастся удалить меня от немцев. Для меня народ и страна—одно.

В Берлине 4 августа 1914 года я сказал на открытии рейхстага в королевском дворце: „Я более не признаю партий, я признаю лишь немцев“. Это свято для меня и сейчас.

Переворот разбил сердце императрицы. С ноября 1918 года она заметно стала стареть и не могла более сопротивляться, как прежде, телесным страданиям. Так начался ее недуг. Особенно тяжело пе-

реносить разлуку с родиной; страдая сама, она старается меня утешить.

Переворот уничтожил невероятные сокровища. Он произошел в момент возможного прекращения войны, когда немецкий народ должен был наперечь все свои силы для созидательной работы. Переворот является преступлением перед народом. Я знаю, что многие социал-демократы не желали революции. Даже некоторые вожаки не рассчитывали ее провести в тот момент; многие из них были готовы работать со мной. Но эти социал-демократы не сумели предотвратить революции, а потому они несут часть вины за нынешнее положение, тем более, что они ближе были к народу, чем монархисты, следовательно имели и большее влияние на народ. Но вожаки еще во время до великой войны внесли в массы революционные идеи и социал-демократия была открытым врагом прежних монархических государственных форм и стремилась к их устранению. Она посеяла ветер, а пожала бурю. Многих вожаков партии не удовлетворила форма, в которую вылилась революция, момент тоже они считали неудобным.

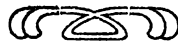
Но они отстранились от управления разнузданными массами и не использовали своего влияния для сохранения государства. Правительство принца Макса должно было защищать старые государственные формы. Оно не выполнило свой долг, так как было всецело во власти социал-демократов, которые потеряли свое влияние на массы. История оправдает рабочих в перевороте и возложит всю тяжесть ответственности на вожаков и на правительство принца Макса. Немецкие рабочие самоотверженно шли в битву под моим начальством и тщательно работали в тылу над производством амуниции и снаряжения. Этого нельзя забыть. Впоследствии часть их откололась и пошла за агитаторами, но наиболее приличная, патриотическая часть, стояла незыблемо. Бессовестные агитаторы настоящие виновники падения Германии.

Настоящее Германии тяжело, но я не сомневаюсь в будущем сильного здорового народа. Нацию, которая была способна на такой подъем, как немцы с 1871 по 1914 гг., которая в продолжении четырех лет боролась с 28 государствами, не стереть так легко и просто с лица земли. Мировые экономические условия не позволят этого.

Но мы не можем рассчитывать на внешнюю помощь для приобретения снова подобающего нам места среди народов. Ее не будет. На помощь интернациональных социалистов тоже нечего рассчиты-

вать. Интернационал есть вообще заблуждение. Рабочие Антанты воевали против немецких, чтобы их уничтожить. Нигде нет и следа интернациональной солидарности. Это заблуждение жестоко отразилось на Германии. Английские и французские рабочие были своими вожаками настроены патриотично, немецкие же интернационально.

Немецкий народ может рассчитывать лишь на себя. Когда проснется национальное сознание в нашем народе, начнется его возрождение. Все классы должны объединиться в национальном сознании. Оно является силой Англии, Франции и Польши. Вернется чувство достоинства и гордости, вернется благородная немецкая этика и радость быть немцем. Вернется все, что сделало Германию великой. Германия снова будет играть важную роль среди культурных государств. Снова появятся ее мирные завоевания в области техники, науки и искусства. Я надеюсь на уничтожение Версальского договора, рассчитывая на благоразумные элементы за границей и на самих немцев. Я верю в немецкий народ и его мирную миссию на земле, нарушенную ужасной войной, которую Германия не желала и за которую поэтому она не отвечает.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТРАН.

- I. Бисмарк. 4
- Мое отношение к Бисмарку. Принц Вильгельм в министерстве иностранных дел. Отношение Бисмарка к колониальному вопросу и флоту. Его внешняя политика. Берлинский конгресс. Моя миссия в Петербург и Брест. Русская политика. Царь Александр III о Бисмарке. Во время 99 дней. Восшествие на престол. Первая поездка в Петербург, вопреки советам королевы Виктории. Мое отношение к партиям. Мои социальные заботы и расхождение с Бисмарком. Мой интерес к экономическому развитию. Мои министры всецело под влиянием Бисмарка. Забастовка горно-рабочих и рассмотрение закона о рабочих. Противодействие Бисмарка моим начинаниям в социальных законах. Закон о защите рабочих. Социальные налоги. Мои первые лавры от рабочих Штеттина.
- II. Каприви. 30
- Каприви—шеф адмиралтейства. Его назначение канцлером. Фронда. Занятие Гельгоlanda.
- III. Гогенлоэ 34
- Назначение Гогенлоэ и его личность. Русско-французское сближение создает напряженное положение. Занятие Кио-Чао с согласия России. Переговоры с Англией по поводу угольных станций. Gentleman's agreement. Министерство иностранных дел. Значение Чингтау. Желтая опасность. Япония и мировая война. Телеграмма Крюгеру. Франко-русское предложение. Сесиль Родс. Путешествие в Англию (1899). Примирение с Бисмарком. Отставка Гогенлоэ.
- IV. Бюлов 51
- Первый молодой канцлер. Отношение к англичанам. Ф.—Гольштейн. В Лондоне у смертного одра королевы

Виктории. Предложение Чемберленом союза против России. Поездка в Танжер и ее последствия. Попытка к сближению с Францией. Бюлов создает блок. Мое отношение к консерваторам. Беседа Эдуарда VII с Бюловым. Мой визит в Англию. Интервью и его последствия.

- V. Бетман 65
- Мои отношения к Бетману. Внешне-политическое положение во время его назначения. Эдуард VII, его посещение. Мое путешествие в Лондон по поводу его смерти. Характеристика Бетмана. Реформа прусского выборного закона. Отношение германского императора к рейхсканцлеру. Посещение царя. В Лондоне на открытии памятника Королевы Виктории. Вопрос о Марокко и Алжире. Лорд Гольдани, предложение нейтралитета и борьба по поводу новых построек судов. Лорд Гольдани в Берлине. Избрание албанского князя и принц Вид. Последнее свидание с царем.
- VI. Мои сотрудники по управлению 88
- Стефан. Микель. Постройка железнодорожной сети и каналов: Тилен, Будде, Брейтенбах. Министерство народного просвещения, воспитательные и школьные реформы. Юстиция. Министр финансов Шольц. Сельское лесное хозяйство, Шорлемер и Подбельский. Мёллер.
- VII. Наука и искусство 98
- Высшие технические школы и Слаби. Общество имени императора Вильгельма. Хорпак и Эрих Шмидт. Шиман. Постройки. Немецкое восточное общество; ассирология и проф. Делич. Археологические раскопки с Дорпфельдом в Корфу.
- VIII. Мое отношение к церкви 103
- После культур-кампа. Мое отношение к немецкому епископату. Посещение папы Льва XIII. Дриан-дер и Хинцпетер. У Бенедиктинцев в Монте-Кассино. Мое письмо адмиралу Хольману.
- IX. Армия и флот 111
- Моя армия. Адмирал Хольман. Тирпиц: противодействие постройке флота побеждено. Цель и причина морского закона. Новый закон. Постройки на Гельголанде и канал императора Вильгельма. Дретноуты. Подводные лодки. Тирпиц.

- X. **Война.** 121
 Возвращение из только что начатого путешествия на север. Никакой подготовки к войне. Канцлер и министры иностранных дел не верят в войну. Доказательства подготовки врагов к войне. Великая восточная ложа, как подстрекатель к войне. Геройство и сила на войне. Немецкая охрана памятников искусства и частной собственности во Франции.
- XI. **Папа и мир** 129
 Беседа с нунцием Поселли о выступлении папы посредником в мирных переговорах.
- XII. **Окончание войны и отречение** 133
 Положение после 8 августа и конца сентября 1918 г. Мое возвращение на фронт. Попытки правительства склонить меня к отречению. Правительство принца Макса идет к революции. 9 ноября. Принц Макс Баденский. Мое решение удалиться за границу.
- XIII. **Неприятельский и нейтральный суд** 142
 Почему я не имел права явиться на суд. Только международный беспартийный суд мог вынести беспристрастное решение. Письмо фельдмаршала Гинденбурга мне. Мой ответ.
- XIV. **Вопрос о виновности** 148
 Что Англия, Франция и Россия предпринимали против Германии. Цель Германии достигалась лишь мирным путем, цель Антанты лишь войной. Нами велась все время мирная политика. Америка. 14 пунктов Вильсона и его требование моего удаления. Немецкое миролюбие. Французское свидетельство о желании войны. Германия делала политические ошибки, но ошибка не вина. Мое миролюбие. Английская пропаганда о виновности Германии. Версальский договор основан на ложной вине Германии, он невыполним.
- XV. **Падение и будущее Германии** 163
 Моя судьба. Императрица. Вина в падении. Моя вера в будущее Германии.

